

Инна Трoнина

БОЖОК

Часть 1

ЛИКВИДАТОР

Глава первая

— Я кого просил привезти? Я просил девочку привезти, блондинку натуральную! Молоденькую, стройную, и чтобы без «вени»¹! А ты, сукин сын, кого привёз?! Бриллиантами года не скроешь, хоть обвешайте всех своих шлюх с головы до ног. Никакие камешки красоты и свежести не добавляют. Камешки у меня и так есть. Мне подружка нужна! Знаешь, такая, как персик...

Крепкий приземистый брюнет с золотыми перстнями на пальцах и такой же тяжелой цепью на шее стоял напротив «сутика»². Тот, несмотря на осень, был одет в джинсовый костюм от «Армани» и синюю майку с лейблом «Ливайс». Он моргал короткими светлыми ресницами и

¹ «ВЕНЯ» — венерическая болезнь (жарг.)

² «СУТИК» — сутенёр (жарг.)

переминался с ноги на ногу, тайно молясь об одном — чтобы «чех»³ не вынул пистолет и не сделал ему дырку промеж глаз. Такое с его коллегами случалось довольно часто.

— А мне твоя пегая гиена, кляча такая, будто шакалы её глодали, и птицы клевали, никогда не была нужна. И не будет! — продолжал орать кавказец, стоя неподвижно, но в устрашающей позе — чуть согнувшись и сжав кулаки. — Сколько ей лет, ну?!

— Ей двадцать шесть, — испуганно ответил «сутик». — И не я её выбирал, шеф. Мне Лену поручили под охрану. Не моя воля...

Под зеркальными потолками огромной комнаты искрился режущий глаз хрусталь. Люстра, торшеры, бра с подвесками делали жилище похожим на специализированный магазин. Огоньки искусственных свечей отражались в зеркале потолка, и их число удваивалось. Узорчатый паркет сиял свежим лаком.

От ужаса у «сутика» всё поплыло в глазах. Ему почудилось, что хрустальные фонтаны и водопады ожили и зашумели. Казалось, что острые сверкающие брызги сейчас вонзятся в тело.

³ «ЧЕХ» — чеченец (жарг.)

— Не твоя воля?! — Брюнет скрипнул зубами и окончательно стащил с шеи болтающийся итальянский галстук с морским рисунком. Сжал его в кулаке. — Получается, я и этой мандой⁴ утрюсь, да?... Пожелания мои им без интереса? Передай своим, если ещё раз старую дырку пришлют, кончу всех — и её, и «сутика», и вашего шефа. Пошёл вон!

Брюнет мельком глянул на свои наручные часы, сделанные из сплава титана с платиной. Белки его глаз порозовели и откровенно выпятились.

— А... деньги?! За вызов, за два часа... Я подсчитал.

«Сутик» показал калькулятор. Бедняга был голов бежать отсюда без оглядки, прихватив в собой вверенную его попечению проститутку, лишь бы остаться в живых. Но плату он получил за два часа и за одного человека. Проститутка же была отдана охране клиента и провела в их обществе оговорённую ночь, прихватив и два утренних часа.

— Мне... мне не поверят. Скажут, что кинул контору...

«Сутик» переступал по полу и паркету грязными кроссовками «Адидас» и едва выдавливал

⁴ МАНДА — нецензурное слово (жарг.)

из себя нужные слова, как зубную пасту из пустого тюбика.

— Деньги тебе?! — Брюнет чуть не лопнул от бешенства.

Он скинул кашемировый пиджак болотного цвета, остался в жилете из тончайшей серой замши поверх ослепительно-белой рубашки. Он хотел было закатать рукава, но потом поленился отстёгивать массивные запонки. Они тоже вспыхивали при ярком свете всеми цветами радуги.

Он повернулся к двери и крикнул:

— Авлур!

Вначале вбежала серебристо-перламутровая собака с янтарным носом, вся словно свитая из мускулов — любимая веймарская легавая хозяина, Темира Махмиева. «Сутик» облился холодным потом, решив, что клиент сейчас натравит на него своего веймаранера. По потом решил, что вряд ли. Несмотря на свою неукротимую энергию, собака эта не злобная, и даже из охоты делает забаву.

Покачивая висячими ушами, кобель устроился в углу. Купированный на одну треть хвост слегка шевелился, тоже не обещая ничего плохого. «Надо бояться не собак, а людей», — говаривала «сутику» в детстве мама. И сейчас он убедился в правильности этих слов.

Следом появился и Авлур, один из «бригадиров» хозяина. За успешное руководство

сбором дани и решением проблем с конкурентами Махмиев приблизил его к себе. И это несмотря на то, что мощный горбоносый детина не приходился ему близким родственником. Но, наверное, в каком-то родстве они всё же состояли, хоть сами и не знали об этом.

Авлур был одет в финскую фланелевую рубашку с орнаментом. Он весь блестел от золота — как и хозяин. Зубы, цепочки, перстни отражали свет люстры, рта и торшеров. На вид Авлуру было лет двадцать пять. Он неприязненно уставился на «сутика» пустыми, чёрными, как холодные угли, глазами. Ладони его рук, поросших густым волосом, легли на ремень чёрные джинсов.

— Бери этого уroda, свяжи их с девкой за ноги. А потом выкинь из окна отсюда!..

— За что?! — Сутик упал на колени. Он чуть не плакал. — Не надо... Бейте, но не убивайте! Они должны были ещё в конторе оценить обстановку... Вы же не платите девочкам, как и отсидевшие. Но меня не предупредили. Я свои деньги добавлю, только не убивайте!

— Да не убьёшься ты — третий этаж всего, — забавлялся шеф. — Ну, в гипсе полежишь немного. Навсегда запомнишь, как нужно выполнять заказы...

Он внезапно остыл и пнул «сутика» пол зад лакированной чёрной туфлей фирмы «Классик».

— Мы что, дураки совсем? Найдём русского, чтобы говорил с диспетчером без акцента. И дальше так будем звонить. Не люди вы, а платить людям надо. А вас давить, как клопов. Авлур, дай им по сто ударов палкой, и пусть убираются... через дверь. Только уж на совесть всё сделай, чтобы контора поняла. Ты мои деньги до смерти будешь помнить, выкидыш.

На раз клиент попал «сутику» каблуком в лоб. Авлур, так же молча, поднял длинного парня с пола и поволок за дверь. Сверху, с третьего этажа, притащили совершенно голую Лену. Рот её был завязан полотенцем. Несмотря на это, «девочка по вызову» ещё пахла духами «мисс Диор». Худая, высокая, с мелированием не только на волосах, но на прочей растительности, она покорно двигалась за ещё одним смуглым юношей в оранжевом пиджаке.

На тонких ледяных пальцах Лены сверкали сразу два бриллиантовых кольца — с якутским алмазом и в форме галочки. Серьги были выделаны пор кручёную верёвочку, с наплавкой из белого золота, и тоже с бриллиантами. На её осунувшемся лице не осталось и следа от вечернего макияжа. Кроме всего прочего, девочку несколько раз окатили холодной водой из ведра.

Темир Махмиев сам с ней не лёг, отдал своим ребятам — если кто захочет. Поэтому ночью Лене

пришлось не сладко. Каждый из семи охранников Махмиева попользовался ею по два-три раза. В рот несчастной жрице любви вливали то коньяк, то ром, то водку. Потом её водили в ванную, наклоняли над очаровательной раковиной «Марина», пускали воду из позолоченного крана. Под конец, оставив в покое выполненный под раковину умывальник, стали освежать «тёлку» над биде. Похоже, ребята даже не знали, для чего предназначен этот предмет. Но «сутика» Лена не винила. Его, конечно, тоже били...

— Говоришь, ничем не больна? — Махмиев вечером ещё подумывал, не улечься ли с Леной самому. Потом махнул рукой. — Каждую неделю врач осматривает? Смотри, хоть одного мне заразишь — всей конторе мертвечиной глотки забью!..

Под утро приехали ещё семь джигитов; итого их стало четырнадцать. Все, кроме одного, получили удовольствие бесплатно. С этим «сутику» и проститутке предстояло смириться. Первый, правда, попытался улизнуть, едва увидев кавказцев. Но его отметелили так, что мало не показалось. «Сутик» всеми угодниками заклинал водителя, чтобы тот не газанул с места и не увёз Ленку.

Били минут десять, зная, что больше четверти часа водитель не ждёт — уезжает. К машине «сутик» приближался в одиночестве, тоже согласно

неписаным правилам. В противном случае, водила сразу кинулся бы прочь, оставив его в лапах чеченцев. Этого-то больше всего «сутик» и боялся. Исчезни Ленка с горизонта, всё зло выместят на нём. А так хотя бы между двумя всё поделят.

Позавчера убили его приятеля, тоже «сутика» — проворовавшегося студента. Ему пришлось бежать из общаги и поступать в контору, на собачью должность. Этот же был «голубым», и потому круглый год носил одежду такого цвета. За него в конторе были спокойны. Он брезговал девчонками даже во время «субботников», когда они обслуживали своих мужчин даром. Кажется, брюнет ничего не понял, а то был бы совсем невежливым в обращении.

В комнате, тёмной и узкой, наглухо завешанной коврами, их с Ленкой уложили на пол. Здесь, на кресле, висела её одежда — декольтированное вечернее платье из вишнёвого бархата, всякая нижняя мелочь. Взяв итальянские колготки, один из мучителей связал даме руки. «Сутику» парень в оранжевом уселся на ноги. Другой, голый до пояса, в кремовых брюках, пристегнул его руки «браслетами» к ножке стола.

Потом он, не спеша, выбрал палку из финиковой пальмы и подошёл к лежащей на ковре парочке. Все уже приготовились, как следует поразвлечься, попивая вино из рога, как дверь

открылась. Охранники, терзавшие Лену всю ночь, недовольно заворчали. Получив от неё удовольствие одного рода, они рассчитывали сейчас и на другое. Разумеется, платить они ни за что собирались.

На пороге комнаты стояли двое — сам хозяин и молодой армянин в прекрасном персиковом пиджаке «Ликона». Он тоже носил шёлковый галстук, только с тропическим узором.

— Темир, ты бы хоть сейчас-то не нарывался! — укоризненно сказал молодой человек.

Начальник службы безопасности этой группировки Самвел Геворкян явился рано утром по приказу шефа, и от него узнал об экзекуции.

— Если у этой конторы хорошая «крыша», ты можешь спалиться окончательно. Только что облавы прошли, и глупо к себе лишнее внимание привлекать. Пусть женщина оденется для начала. И отпусти их с миром. Ты же действительно не заплатил. За что ещё их бить? Им ещё в конторе влетит за то, что привезли мало, а задержались надолго. Мужчины так не поступают, Темир, — продолжал Самвел. — Ты ведь не на них злишься. С каких пор стал вымещать гнев на слабых? Давай лучше подумаем о другом, — Геворкян выразительно подмигнул. — Тебе что, заняться

больше нечем? С «сутиками» и шлюхами воевать — не твой уровень.

— Тошно мне, Самвел, — тихо сказал хозяин. — Так тошно, что жизнь не мила. Пошли вон! — гаркнул он на безмерно счастливых пленников. — Кабы не Самвел, вы бы ещё долго отсюда не выбрались!..

Они вошли в просторную комнату и уселись на велюровый диван, затканый чёрными голландскими тюльпанами. Хрустальная в золотом люстра так и стреляла разноцветными огнями под потолком.

— Надо решать, Самвел. Что делать, — тихо, без куража и наглости, говорил Махмиев. — Любой козёл, если он москвич, королём сейчас стал. Да, облавы были, и не только. Я тебе сейчас всё расскажу...

Темир прикрыл глаза набрякшими веками. Руки он закинул за голову, а ноги устроил на пуфике. Самвел терпеливо ждал.

— Потуши свет, оставь ночник только, — попросил хозяин. — И вина возьми. У меня «Романея Конти», красное. Король вин, говорят. Вот я и решил тебя угостить. Ты ведь в винах понимаешь.

— «Романея Конти»?

Самвел, вскочив с дивана, щёлкнул выключателем. Водопад огоньков исчез. В комнату сразу же напоз с улицы мутный сумрак. Ночник освещал только малахитовую столешницу и блестящие туфли Темира. Вопреки традиции, он дома обувь не снимал — только при родственниках. Сейчас, протянув руку, Махмиев взял с дивана златотканую подушку-думку и положил себе под затылок.

— Темир, я ведь «Романею» никогда не пил, представляешь? Где она у тебя, в баре?

— Да, я уже попробовал. Отличное вино, бургундское. Оно всегда, как бархат. Открыл вечером, хотел угостить девочку. Но привезли такую, что с души поворотило. Пил один. Возьми бутылку в баре, и бокалы там же.

Самвел снова поднялся и буквально пропал в цветах. К недавнему шестнадцатилетию старшей дочери Махмиева Индиры над этой комнатой, как и над всей двухэтажной квартирой, поработали аранжировщики. А потом хозяин не пожелал разрушать красоту, Да всё так и оставил.

Напольные и настольные цветочные композиции, свечи и фрукты, которые меняли каждый день, гирлянды из живых и искусственных цветов, букеты в плетёных корзинках занимали много площади и мешали ходить по комнатам. Каждый раз, когда Самвел приезжал к шефу, ему

вспоминалось Чёрное море, город Сочи. Оттуда самолётами доставляли розы, гвоздики, орхидеи и тюльпаны. И словно пропадала октябрьская слякотная Москва, ещё не отошедшая от потрясений двухнедельной давности.

Сейчас Самвел рылся во вместительном зеркальном баре, вдыхая ароматы мимозы и сирени одновременно — столь экзотические в это время года. Он разглядывал светящиеся в полумраке барашки вербы, сухоцветы, зелень, украшающую букеты.

— Аллаху было угодно, чтобы ты родилась осенью, — сказал Темир старшей дочери. — Но я хочу для тебя вечной весны!

Самвел опустил на окно лёгкие морщинистые шторы, внимательно оглядел бульвар. Промозглое утро никак не могло стать днём. Легковушки, которые шли мимо дома сплошным потоком, ещё не потушили фары.

Самвел опять присел к малахитовому столику, разлил вино по бокалам. Он знал квартиру Махмиева, как собственную пятерню. Начальник службы безопасности был ещё и главным аналитиком группировки, а эта должность предполагала доверительные отношения и долгие беседы с шефом.

По военным вопросам и конспиративной работе группировку наставляли ушедшие на покой

офицеры ГРУ⁵, в просторечии «грушники». Самвел же был незаменим во внештатных ситуациях. Тогда нужны были не знания, а интуиция, предчувствие, психологический анализ. Всему этому не могли научить в академиях. Способности Геворкяна были индивидуальны и непередаваемы. И ни от кого больше не мог получить Темир Махмиев таких дельных советов.

Несмотря на свои двадцать девять лет, Самвел повидал в жизни много. Он объездил полтора десятка стран Европы и Азии, бывал и в Штатах. Причём он там не дурью маялся, а набирался ценного опыта. Теперь, видимо, шефу захотелось проверить, не заплыли ли жиром его извилины.

— Трёх моих родственников положили мордой на асфальт. Просто за то, что «чёрные»...

Геворкян не пил вино — ждал, когда хозяин сделает глоток. Темир любил такие вот, подчёркнутые знаки внимания и уважения. Хрупкие, тонкие, будто сделанные изо льда бокалы Самвел наполнял ровно наполовину. Рубиновое вино потрясало его воображение даже при свете ночника.

⁵ ГРУ — Главное разведывательное управления Генштаба российской (советской) армии

— А позавчера двоюродный брат приехал. Между прочим, заканчивает Кембридж. Приличный человек — сразу видно, далеко пойдёт. Пять языков знает практически в совершенстве, не считая родного. И, наряду с этим, занимается восточными единоборствами. Я хотел его по Москве на авто покатать, а Мгеру приспичило в метро проехаться. Никогда не видел московской подземки, оказывается. Ладно, говорю, поезжай. Потом вернулся — сразу видно, после драки. Правда, сильно не пострадал — и то хорошо. Говорит, ввалились в вагон три пьяных камуфляжника. Не пойми, кто такие, но права свои знают. Не остыли ещё после чрезвычайки. А в вагоне сидел молодой паралитик — кажется, глухонемой. Рядом с ним — мать-старушка. Время позднее, пассажиров мало. Садись, куда хочешь. Так нет, им надо именно туда, где инвалид. В конце концов, они парня с сидения скинули в проход. Камуфляжники матерятся и гогочут, остальные пассажиры молчат и отворачиваются. Мгер не стерпел и потребовал вернуть инвалида на место, да ещё извиниться. Те, конечно, ему в морду. Он им тоже показал, что умеет. На следующей остановке все трое, уже молча и хромя, вышли вон. Инвалида этого на место Мгеру пришлось сажать...

Самвел немного помолчал, собираясь с духом. И Темир понял, что главное ещё впереди. Его

собеседник рассматривал на свет вино, не решаясь глянуть в налитые кровью глаза шефа.

— Но, самое интересное, что пассажиры вдруг разорались на Мгера. Это вместо того, чтобы поблагодарить! А до этого ведь молчали, как убитые. «Понаехали «чурки», покоя от них нет! Спекулянты, драки устраивают...» И всё такое прочее. Поразительно, что и мать инвалида туда же: «Наших ребят бьют!» Короче, такая патриотка, что на собственного сына наплевать. Пусть лучше убьёт русский, чем спасёт армянин. Брат вышел на «Тимирязевской» — там до моей нынешней квартиры недалеко. Говорит, чтобы я к нему в гости приезжал. А он ко мне сюда — ни за что!

— Ты меня всегда понимал. И сейчас поймёшь. — Махмиев плеснул вино в рот. — Самое дорогое, слушай, в мире!.. Мечта.

— Да, ещё в шестнадцатом веке заняли под него участок. С тех пор только там и выращивают виноград. — Самвел был тонким знатоком вин, как и многого другого. — Гроздья снимают исключительно руками, переносят в корзинах из ивовых прутьев, давят ногами. Никакой механизации, открытый чан, методы прапрадедовские. Почти вся продукция идёт на экспорт... Неслыханно!

Самвел немного сидел молча, наслаждаясь вином. Потом поднял тяжёлые веки и увидел, что шеф смотрит на него в упор.

— Ты меня хорошо знаешь, правда? Я многое могу простить. Люди слабые, с ними бывает. Дурачка не обижу — таким его Всевышний создал. Но когда умные люди заделывают подлянку, унижают меня при всех, являясь моими должниками...

— Ты насчёт тех семерых? Они у меня все помечены.

Самвел взглянул на свои универсальные часы «Касио» — с барометром, термометром и измерителем высоты — подарок Махмиева ко дню рождения. Темир тогда сказал, что именно часы «ALT-6000» должен носить начальник службы его безопасности. В них был встроен и электронный блокнот.

— Кораблёв, Килин, Кузьмин, Топчиев, Рубцов, Новожилов и Валдаев. Все, как один, тебе должны. Ты хочешь взять с них долги?

— Да нет уже... Теперь я хочу взять их жизни.

Темир сидел на диване, спустив ноги с кресла. Он поставил бокал на малахит, взглянул на свои золотые печатки, тронул пальцем перстень с сапфиром, огранённым «подушечкой». Как появился в их семье этот уникальный перстень, он не рассказывал даже Самвелу. Только вскользь

обронил, что перстень сделан в начале века. Сапфир почти в пятьдесят карат — такой камень может хранить тайны. Махмиев несколько раз подчеркнул, что не расстанется с этим перстнем никогда и ни за что.

— Он мне дорог, ты знаешь. — Махмиев поиграл сапфиром при свете ночника. — Хотел сыну оставить, да прогневался на меня Аллах. Нет у меня сына, горе мне! Купили перстень в Европе. Он один такой на весь мир. Знаешь, кому я его подарю теперь?

Темир снова полюбовался камнем, золотом. Впервые за всё утро он улыбнулся. Белки его глаз снова стали голубоватыми, спокойными.

— Подаришь? — Геворкян даже вздрогнул. — Ты же говорил, что никогда...

Самвел хотел налить себе ещё вина, но рука его повисла в воздухе.

— Я теперь скажу другое. Мне нужно тех семерых, что ты назвал, заделать. Всех до единого. Быстро, чтобы никто не убежал. Я знаю, что это тяжело, даже невозможно. Чтобы всех... Но мне надо, понимаешь? Если придумаешь, как это сделать, отдам тебе ту сумму, что они мне были должны...

Махмиев пощёлкивал пальцами по чёрному, лакированному, как и обувь, ремню.

— А перстень получит человек, который своими руками их убьёт. Если исполнителей будет несколько, то главный. Он... или они... это уже тебе виднее. Кто спасёт меня от позора, будет щедро награждён.

Самвел внимательно изучал донышко своего бокала, где ещё светились остатки самого дорогого в мире вина.

— Ты с ними встречался? Говорил, что хочешь получить деньги? У них такие гоблины, что менты близко подойти боятся. У всех семерых в охране имеются «софринцы»⁶. Бывшие, конечно. У четверых начальники имеют дипломы «Алекс-тренинг-центра». Там используются дипломы ММА⁷. Рубцов, Килин, Новожилов и Кузьмин у кого угодно деньги отберут, а этим заплатят. Застать их врасплох очень сложно. Они категорически отказываются тебе платить?

Темир лёг на диван, скинув туфли. Они мягко упали на ковёр. Шеф закрыл свои ярко-чёрные

⁶ СОФРИНЦЫ — бойцы элитного спецподразделения, расположенного в подмосковном посёлке Софрино

⁷ ММА — международная антитеррористическая академия со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Основана в 1956 году бывшим телохранителем генерала де Голля майором Оттом

глаза с нависшими веками. Фигура у Махмиева была почти квадратная, мощная. Но не по причине ожирения. Напротив, до недавнего времени уроженец киргизского города Пржевальска преподавал в секциях восточных единоборств — сначала в Грозном, потом — в Ростове-на-Дону. Принадлежа душой и телом к тарикату, ордену-сообществу кадирия, его самой воинственной ветви батал-хаджийцев, Темир был их учеником. Он воспитывался на средства «чёрной кассы».

Почти вся семья Махмиева погибла при депортации. Деда расстреляли в феврале сорок четвертого года, обвинив в прямом пособничестве фашистам — как многих батал-хаджийцев. Первый муж матери Темира погиб на войне. Ей пришлось выходить замуж за соседа-вдовца, у которого умерла жена в одном из «телячьих» вагонов. Куда выкинули трупы его детей, никто узнать не сумел. Это был троюродный брат Нажабат — матери Темира, и звали его Джемал. От этого брака и родился будущий «авторитет».

Батал-хаджийцы, уже по возвращении на историческую родину, быстро вобрали парня в орбиту своего влияния. Ветвь батал-хаджийцев издавна имела кастовую систему, проповедовала джигитизм. Старейшины не позволяли терять из виду ни одного человека этого тариката.

— Я встречался с ними, Самвел. Говорил, что теперь не в долгах дело. Отныне их долги можно отдать только кровью...

— Когда встречался?

Самвел оставил в покое бокал. Он достал серебряный, с чернением, портсигар, достал сигарету. Она была расписана крохотными стебельками и бутончиками — в тон мундштуку. Зажигалка полностью умещалась в кулаке, откуда вырвался язычок пламени.

— Позавчера. — Махмиев скрипнул зубами.

Самвел так и не понял до конца характер своего шефа. Тот умел великолепно скрывать свои эмоции, не поводя бровью в минуту смертельного риска. А мог наорать, впад в истерику, по какому-нибудь пустяковому поводу. Геворкян отлично изучил варианты поведения Махмиева за то время, что они работали вместе. Но таким, как сегодня, Самвел не видел шефа никогда.

Возможно, так ведут себя люди, решившие свести счёты с жизнью. Эти глаза, похожие на разогретые южным солнцем маслины, могли набухать зловещей багровостью или блеснуть от сдерживаемой радости, но пустыми, стеклянными не бывали никогда. Только сегодня. Ну, может быть, ещё вчера.

— С кем именно встречался?

Самвел встревожился уже как следует. Вот этого монотонного голоса от Темира никто не слышал. По крайней мере, с Геворкяном он так не разговаривал.

— Со всеми сразу.

Махмиев крутил в пальцах большой золотой медальон с изображением волка под луной. Искусно выполненный восточный орнамент придавал ещё больше сумрачного очарования этой вещице.

— Со всеми. До сих пор я не знал, что они знакомы между собой. Если бы разведка или контрразведка мне об этом доложили!.. Я был бы готов к *такой* встрече.

Геворкян стал похож на мальчишку, которого отец ругает за двойки. Чуть ли не впервые в жизни он растерялся. Начальник службы безопасности оказался профессионально несостоятельным. Он ошибся в людях, которые добывали информацию. Но ведь есть ещё начальник штаба, есть самый «грушник» Липин. И какой-то приятель, выпускник Военно-дипломатической академии — главного ВУЗа страны по подготовке разведчиков. Темир, наверное, и им предъявит претензии, но Самвелу от этого легче не станет. Липин Липиным, но он-то обязан был узнать. До сих пор считалось, что эти семеро знакомы между собой лишь частично.

— Со всеми?! — довольно-таки глупо переспросил Геворкян.

Он не заметил, что горящий пепел упал с конца сигареты на самый край малахитового столика. Ещё бы немного, и плакали бы бельгийские брюки.

— Дай огня.

Махмиев обрезал кончик «гаваны» и прикурил от зажигалки Геворкяна. Он глубоко задумался, изучая симпатичных ангелочков на потолке, почти пропавшем во мраке. Дым поплыл, забираясь в углы, растёкся щупальцами у запотевших окон. На улице валил густой, уже зимний снег. В квартире было очень тихо.

— Мы договорились о встрече с Килиным, — продолжал Темир. — Он камешками всякими торгует. Деньги в них вкладывает. Я тоже вложил деньги. Уже должен был получить с процентами. А счётчик быстро крутится, Самвел. Килин должен мне уже полтора миллиона долларов. С меня эти деньги спрашивают в Грозном. Я тоже над ними не хозяин. Огромные суммы доверил Килину...

Темир стряхнул пепел в овальную, тоже серебряную корзиночку. — Думал, что мы будем в ресторане одни. Килин пообещал, что его люди подберут самую безопасную точку в Москве. Подобрали — ничего не скажешь. Тема-то не для чужих ушей. Само собой, я надеялся на серьёзный

разговор. Мы же не шпана подворотная, должны кодекс соблюдать. Для республики Ичкерия⁸ это всего лишь малая часть. Но, как говорят у русских, копейка рубль бережёт. Я ожидал от Велора хотя бы простого понимания. Раньше он всегда держал слово. До этих вот пор...

— Килин явился на встречу не один. Охрану в расчёт не берём. Ну, наверное, со Славой Кораблёвым, — улыбнулся Самвел. — Как «голубые» ходят вместе... А ещё кто был?

— Я же говорю — все семеро. Те, которых ты назвал. — Темир наслаждался букетом сигары.

— Значит, собрались все твои должники. Они могли познакомиться недавно. Возможно, накануне встречи. — Самвел погасил свой окурок и подвинул пепельницу к Махмиеву. — Это в каком ресторане было? Ты ведь меня перед «стрелкой» не вызывал.

— Я взял двоих ребят из спецназа, и из бригад десятков — для прикрытия. Решил тебя по пустякам не тревожить. А было это в ресторане МХАТа.

— Где?! — Самвел поморщился. — Дешёвка ведь.

— Именно. Это — первый плевок в лицо, — согласился Махмиев.

⁸ ИЧКЕРИЯ — название Чечни, употребляемое сепаратистами в 1990-х годах

Он говорил флегматично, почти спал. Но вспоминал всё, что было в ресторане, очень ясно, чётко.

— Килин объяснил, что там надёжнее. Это такой ресторан, где нас не ожидают встретить. Менты там не пасутся. Ладно, мне без разницы. Лишь бы не жрать он туда приехал, а говорить о деле.

— Допустим, такое объяснение можно принять, — согласился Самвел. — Но дальше мне уже непонятно. Значит, там, в проезде Художественного театра, оказались все семеро. Вероятно, для предъявления ультиматума? Вообще-то, доверия такая компания не внушает. Кузьмин начинал с махинаций, когда покупал у разных мелких торговцев кожу, пользуясь фальшивыми документами. Через своих людей доводил продавцов до разорения, а потом с них же вымогал штрафы за не поставку в срок. Это потом уже он медью занялся. Что касается Топчиева, то у меня вообще есть подозрения, что он сдал твоего брата на последней операции с авизовками. То есть для этих ребят не существует никаких моральных норм, даже понятий. Из-за Кузьмина пятнадцать человек погибло, разорившись. Их страшно прессовали. Мёртвые ему претензий не предъявят.

Махмиев сидел неподвижно. Его синяя от щетины губа оплывала потом.

— Для этого они в кучу и сбились. Каждый поодиночке не рискнул бы.

— Вообще-то интересный ресторан. Там готовят блюда, которые актёры съедают на сцене. Так называемый «съедобный реквизит». — Геворкян, ко всему прочему, слыл и театральным знатоком. Махмиев всегда удивлялся, как Самвела на всё хватает. — Смоктуновский, Ефремов... Это — не просто ресторан, а клуб. В какой-то день недели там обедают только актёры. Интересное место Килин выбрал. Тихо, спокойно. Кругом — дыхание муз. И сидеть там можно, сколько угодно.

— Они тоже артистами представились. И меня за артиста выдали, — усмехнулся Махмиев. Его взгляд не предвещал ничего доброго. — Сдвинули два столика. Я прибыл последним — минута в минуту. Они все уже были там. В смокингах и «бабочках». Естественно, без оружия. И я тоже даже «сморкалку»⁹ не прихватил. Зачем интеллигентов пугать?

Темир говорил неторопливо, размеренно. Лёгкий акцент придавал его словам некоторый шарм.

— И чем угощали? — наобум спросил Геворкян.

⁹ «СМОРКАЛКА» — газовый пистолет (жарг.)

Темир вдруг вскинулся, но потом огромным усилием воли загнал эмоции обратно. Он понял, что собеседник ничего не знает. Иначе он ни за что не задал бы такого вопроса.

— А это я тебе сейчас расскажу. В том всё дело и есть. Ты только внимательно слушай, Самвел. Сейчас получишь задание. Сначала мы выпили за встречу. Шампанское так себе, «Советское». Ушло несколько бутылок на всю компанию. Ладно. Потом грузинское подали. «Хванчкару», кажется. Я о деле хочу говорить, а они пьют. Салаты дешёвые, ты прав. Здесь женщины дома такие готовят.

— «Оливье» и «Мимоза»? — улыбнулся Самвел.

— Да, вот-вот! Потом принесли белугу по-монастырски. Я и это стерпел. Когда, говорю, долги отдавать будете? Разговор весь шёпотом, чтобы артистов не тревожить. Я ведь не Рокфеллер, говорю. Да и он, конечно же, с должников требует, иначе не стал бы миллиардером. Килин на это с улыбочкой отвечает: «Да не оскудеет рука дающего...»

— Ничего себе! — Самвел тоже начал заводиться. — Махмиева угощать «Мимозой»? Они бы ещё окрошку поставили или картошку с селёдкой.

— Слушай дальше. Ты должен печёнками всё прочувствовать. Я жую, а вкуса не чувствую. Понимаю, что они меня теперь ценят дешёво. Помнишь, как у нас в начале года «ивантеевские» кончили троих. За это мы их, пятерых, вычеркнули из списка живых. Потом и понеслось! «Славяне» взяли лозунг: «Москва — русским!» То же пошло и по зонам. А в октябре ещё хуже стало. И они решили добить. Мы же с тобой знаем много. Можем зашухерить и лично их, и чиновников, что у них на жаловании. Кроме того, ментов, адвокатов, судей и банкиров. Вернее, раньше могли бы, но не сейчас. Мы же «чёрные». Нам теперь и рот открыть нельзя. Всё это объяснил мой друг, Георгий Рубцов. Мы вместе учились в институте, в Грозном. У него отец был военным. На Кавказе служил. Не поверил бы я тогда, что через много лет у нас такой разговор выйдет... — Махмиев умолк.

Геворкян округлил и без того большие глаза:

— Такого я даже от них не ждал. Впрочем, понятно. Например, Топчиеву, в случае разоблачения, зона светит надолго. Обделывал наши авизовки, «лавэ»¹⁰ грузил бочками. Сам лично у тебя в долгу, а брата твоего ментам сдал. Авось, за патриотическую позицию «славяне»

¹⁰ ЛАВЭ — деньги (жарг.)

прикроют. На все вопросы отвечать — жизни не хватит. А здесь очень даже удобно. Шеф, а дальше что было?

— Дальше Кузьмин вдруг щёлкнул пальцами. Объявил, что сейчас подадут коронное блюдо. И тогда они мне ответят. Сижу, жду. Заодно по пейджеру вызвал охрану, чтобы сматываться. Разговор-то недолгий оставался. Запевал Рубцов, а Килин только потявкивал. Кстати, Лёху Кузьмина я полтора года назад от верной тюрьмы спас. Отсюда его долг и вырос. Попались на эстонской границе несколько его вагонов с медной стружкой. При этом линейного мента смертельно ранили. В Псковской области это было, весной девяносто второго. Совсем недавно Эстония отделилась, на границе бардак. Вот Кузьмин и решил воспользоваться. Но не выгорело, и арестовали его по показаниям свидетелей. Тех, кто сопровождал медь. Раскопали прошлые дела, посадили в Тельняшку» — «Матросскую Тишину». Ко мне его сестра Тоська прибежала. «Спаси, Темир, навек запомним!» А я думал — чего не помочь человеку? Может, он меня тоже выручит. Поговорил со своими ребятами, со всеми нашими — южнопортовыми, останкинскими. Со всеми, кого в гостиницах нашёл. Внесли сумму, и Лёху выпустили под залог. Он обещал отдать с процентами. Потом просит: «Прекрати дело, Темир,

навек друзьями будем!» «Ладно», — говорю. Опять пришлось самому везде звонить...

— И что? Вытащили, как я понимаю? — удивился Самвел.

— Заключение написали, что рана у мента вовсе не смертельная была. Ему в больнице не тот наркоз дали, и сердце не выдержало. Да и не Кузьмин же лично стрелял. Приказа такого он тоже не давал никому. И дело закрыли. Мы не условились тогда, что это даром. Да и не бывает нахаляву такого. А в ресторане Кузьмин сказал, что, по горским обычаям, друзьям нужно бескорыстно помогать. Так то своим, и не всегда. А он кяфир¹¹ долбаный. Что ему до наших законов? Всё же не сотню, не косарь мне должны! Полтора «лимона» баксов за одним только Килиным... Разве мало? И ведь все не нищие, могут отдать.

Открылась дверь, и появился Авлур. Махмиев молча сделал ему знак удалиться. Охранник повиновался и будто растаял в воздухе.

— «В чужой монастырь со своим уставом не ходят», — так сказал мне Килин. Короче, или я ложусь под них, или уматываю в свою Чечню. Другого выхода у меня нет...

¹¹ КЯФИР — иноверец (для мусульман)

Темир говорил гортанно, нажимая на каждое слово. Самвел внимательно смотрел на него и понимал, что сейчас грянет гроза.

Самвел хорошо знал греческий язык, потому что жена его была родом из Салоников. Там Фелицата и находилась сейчас с сыном и дочерью. Самвел очень скучал по трёхлетнему Тиграну и годовалой Текле. Махмиев откровенно завидовал своему верному стражу. От двух жён, Наили и Алии, он прижил шесть дочерей. Сыновей же от Темира не рожали даже любовницы. Последний раз двадцатилетняя Алия огорчила своего господина месяц назад, когда принесла очередную девочку — третью для себя и шестую для мужа. Малышку назвали Камиллой.

Старшая, Индира, подолгу жила с отцом в Москве. Её мать Наилия давно с этим смирилась. Вот этой девочке точно следовало родиться мужчиной. Сентиментальная и беспощадная, грубая и нежная, умная и простодушная — такой в различные моменты жизни бывала Индира Махмиева. Она полностью унаследовала характер отца. Индира очень нравилась Самвелу, тем более что Фелицату он давно не видел и стал понемногу забывать.

На месте шефа Самвел не горевал бы. Ведь женщина может оказаться героиней, а мужчина —

трусом. Обе жены, восточные красавицы, отлично ладили между собой. И если у каждой из них по три дочери, какой калым можно собрать! Женихов долго искать не придётся — породниться с Темиром мечтают многие.

Индира уже просватана — свадьба на будущий год. Саиде четырнадцать. Она тоже имеет жениха в Иордании, уедет туда. Есть ещё Фатима — восточная куколка с чернильными волосами до пояса и звёздами в глазах. Фатима пока не пристроена, но пора искать пару и для неё. В отличие от старших сестёр, девочка имела покладистый характер, была нежной и застенчивой. Настоящая мусульманская невеста — вообще без изъянов.

А вот дети от Алии — ещё младенцы, все погодки. Вторую жену Темир взял в девяностом году. Тогда ему требовалось породниться с богатым турком, который успешно разводил шелкопряда. Валида, Джемма и последняя, Камилла, были несчастны от рождения. К каждой из них горемычный отец сразу же испытывал вполне понятную неприязнь и воспринимал их как ниспосланное Аллахом наказание.

— В чужой монастырь... — повторил за шефом Самвел. — Это опять намёки на облавы?

— Это уже не намёки, а угрозы, — возразил Махмиев. — Кончилось, говорят, ваше время,

чеченское засилье. Ваш покровитель в «Лефортово»¹². А у них здесь родина, понимаешь? Которую они грабят, как разбойники на большой дороге. Но любят при этом беззаветно! Им больно, что я по Москве гуляю. Это их земля! И тебе, Самвел, они тоже самое скажут. Ты ведь «чёрный», пусть и христианин. Им это по барабану...

— Естественно. Белый — чёрный, это для их мозгов. Бьют не по паспорту, а по морде.

— Завидую! — с чувством признался Темир. — Вашей земле они дали свободу. Наша земля стонет, борется и пытается жить, как хочет. Я ничего не понимаю, объясни. Если Чечня — это Россия, то в Москве я должен быть как свой. Если же я тут чужой, признайте нашу независимость. Они терпят американские флаги на своих улицах, английскую речь, вывески на латыни. Они лизжут зад любому иностранцу, который со своим уставом пришёл в их монастырь. А мы... Мы для них теперь мусор, Самвел. Они уверены, что «хачи»¹³ и

¹² «ВАШ ПОКРОВИТЕЛЬ В ЛЕФОРТОВО...» — имеется в виду Р.И.Хасбулатов (1942), чеченец по национальности. Занимал пост председателя Верховного Совета России с 1991 по 1993 г.г. В то время был арестован после октябрьских событий и находился в СИЗО «Лефортово»

¹³ «ХАЧИ», «ЧЕХИ» — армяне, чеченцы (жарг.)

«чехи» сейчас на ликвидации не пойдут. Ведь за каждым кавказцем в Москве повышенное наблюдение...

Самвел прижал локтём бешено бьющееся сердце, перевёл дыхание. Надо бы сейчас затянуться «косяком» с анашой, или понюхать кокаина. Кровь грохотала под черепом, и хотелось то швырнуть что-то на пол, то ли треснуть кулаком по стене.

— Москва давно уже перестала быть русским городом. А Россия — независимым государством. Но они этого не видят. Чёрные их зажрали. Темир, они тебе угрожали арестом? Или чем? Смертью?

— Зачем смертью? — Махмиев усмехнулся. — Я сам застрелюсь, если меня загонят в угол. Возвращаться домой с позором я не хочу, и в зону идти тоже. Сейчас многим здесь, в Москве, выгодно, чтобы я сел. Мы и они — бандиты. Все. Чего крутить? Могли бы договориться полюбовно. Теперь они знают, что я скован, что меня легко заложить. И я понимаю, что тебе их всех будет не достать, особенно сейчас. Сразу же подумают на меня. Но им всё давно не жить. За измену я караю жестоко.

— Ты уверен, что они твёрдо решили закладывать?

Самвел чуть ослабил узел галстука. Он смотрел на забрызганное дождём стекло. Всё-таки зима ещё не пришла, и снежок получился хлипким.

— Это им проще, чем высморкаться. А мне будет трудно, Самвел. Они примут меры для охраны себя и семей. Ты и сам знаешь. Надо думать. Я не могу простить.

— Подумаю шеф. Дай мне ровно сутки.

Геворкян залил вино по бокалам, не спрашивая разрешения. Махмиев благодарно кивнул и выпил свою порцию залпом, не смакуя букет.

— Бери эти сутки, Самвел, и думай. Только что снят режим ЧП. Власти ещё на взводе. И на это надеются мои должники. Но мы должны сделать то, что полагается в таком случае. Как, кто — другой разговор. Я уже осудил их на казнь, и теперь надо найти палача. Это и есть твоя главная задача. Все наши силы — к твоим услугам...

Темир поднял голову с подушки. Ни один волос в его антрацитовый шевелюре не дрогнул. Столь же бестрепетной, как знал Самвел, была и его душа. Даже по горским меркам, Махмиев слыл смелым и хладнокровным. Поэтому и орал из-за пустяков — темперамент требовал выхода. А позволить себе нервничать в ответственный момент Махмиев не мог. Через его людей шли два мощных денежных потока. Взносы «деловых людей» в

пользу исторической родины составляли первый поток. Второй образовывали те средства, которые надлежало отмыть в глазах российских и международных служб. И за неотданные долги полагалось отвечать ему же.

— За время мэрской¹⁴ этнической чистки мы вынужденно отдохнули и набрались сил. Теперь можно горы свернуть.

Геворкян вертел на смуглом пальце обручальное кольцо с алмазной нарезкой. Он уже думал над заданием шефа и знал, что не заснёт всю ночь.

— Они зарвались. Привнесли в наши отношения нацистскую заразу. Ударили ниже пояса. Из тюрьмы ты их вытаскивать можешь, тут они тобой не брезгают. А долги назад просить — увольте! Мы, русские, в своём праве. Так не пойдёт. Я тотчас же начинаю работать.

— Ты главного ещё не знаешь. — Темир, глядя исподлобья, жонглировал двумя зажигалками — золотой и платиновой. — Они думали, что мэрс

¹⁴ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, МЭРСКИ ЧИСТКИ — имеется в виду массовое выселение кавказцев из Москвы осенью 1993 года, во время действия режима ЧП. Происходило по инициативе тогдашнего мэра Москвы Ю.М.Лужкова (1936). Пост мэра занимал с 1992 по 2010 г.г.

Лужков выкинет нас из Москвы к такой-то матери. Но я сумел уцелеть. Да ещё посмел сделать предьяву. Из их компании аккуратно отдавал долги покойный Андрея Ходза, мир его праху! Да и брал он немного — так, на перехват.

— Его смерти хотели не только Кораблёв, Килин и Филатов. Новожилов, Рубцов и Валдаев также решили от него избавиться. Он не поддержал фашистскую истерию. Он еврей наполовину. Остальные наверняка платили киллеру.

— Да, тоже не коренной. К тому же, умный парень. Зачем ему это? Кстати, за тем столом, на «стрелке» не было Филатова. Его кто-то до меня заделал. Пусть что хотят, гонят, но его траванули сознательно, причём вместе с семьёй и гостями. А после убрали и кухарку, чтобы никому не рассказала...

— Это сейчас не так важно, Темир. Расскажи лучше, какое блюдо принесли под конец встречи, — попросил Самвел. — Мне кажется, что тебе очень тяжело говорить об этом.

Глаза Темира буквально вылезли из орбит. По его телу прошла судорожная дрожь. Геворкян испугался, что сейчас придётся вызывать врача.

— Это был поросёнок с хреном на огромном блюде. Приготовили специально для нас, — то и дело, сдерживая рвотные спазмы, ответил Темир. — Не наигрались в «гусарскую рулетку». Адреналина

им мало. И Георгий Рубцов очень любезно предложил мне попробовать. Он, который жил в Грозном, и всё отлично знает!

Махмиев достал из-под огромной, с кистями, подушке свой «ТТ», тщательно прицелился в висящую напротив дивана мишень, но не выстрелил, хотя делал это часто. Пули кучно ложились в девятку и десятку.

— Для чего они решили это сделать? Заставить тебя принять их устав?

Геворкян понимал, что лучше бы его шефа убили. Наверное, остальных надоумил именно Рубцов. Он, единственный, прекрасно знал мусульманские обычаи. Он жил там и, кстати, долго. Махмиев считал его своим земляком и другом.

— Лучше помолчим. — Махмиев оборвал разговор в знак того, что теперь намерен слушать лишь предложения Самвела.

Начальник службы безопасности всё понял, и в дополнительных уточнениях не нуждался.

— Они дали понять, что сожгли мосты. Теперь любые переговоры с ними бесполезны. Посылать к ним людей больше нельзя — убьют или сдадут. Шеф, ещё один вопрос. Как ты на всё отреагировал?

— Просто вышел. Хорошо, что был без оружия.

Темир встал, обошёл диван и положил руки на плечи Самвела.

— Я очень ждал тебя из Литвы. Когда ты приехал, мне стало легче. А как рассказал всё, камень с души упал. — Темир дунул в ствол пистолета и сунул «ТТ» под подушку. — Иди и думай, Самвел, а мне надо побыть одному.

* * *

Приехав на следующий день шефу, Самвел Геворкян увидел в углу, на ковре, игрушки. Индира собиралась отвезти их младшим сёстрам и детям других родственников. Голландские очаровательные зверьки, все белые — кошечка, мышка, медведица-коала с медвежонком лежали в прозрачных пакетах на всеобщем обозрении. Были ещё и жёлтый селезень в шляпе, и грустный верблюжонок, и мохнатый пёсик. Розовые и голубые сороконожки дополняли эту умильную картину. Самвел взял в руки обезьянку с присосками на лапах. Её легко можно было укрепить на потолке детской.

— Может быть, придётся бросить Москву.

На Темира опять напала хандра. Поздоровавшись с начальником службы безопасности, он уселся в кресло и закурил.

— Придётся порвать налаженные связи, огромные деньги. Но перед этим я уничтожу тех семерых. Как и договорились, с твоей помощью. Ты же шахматист, Самвел. Очень умный и находчивый. Что ни попросишь, дам. Спецназ, аналитики, разведка, боевое и хозяйственное обеспечение будут работать на тебя одного. Сколько людей будет надо — проси, даже требуй. Конспиративные квартиры, любое оружие — тебе. И потом за мной не останется. Если я сейчас не отомщу, буду считаться опущенным. У меня всего два месяца. Дальше тянуть нельзя. Ну, от силы, три. Ни один не должен выжить. Ни один!

Темир поднял большой палец и резко опустил его вниз. Этим жестом римская публика присуждала к смерти поверженного гладиатора.

— Да, законы таковы. Каждый должен уметь свернуть скулу обидчику. А ты — тем более. Я не зря ем свой хлеб, шеф. Вот увидишь!

— У тебя уже есть предложения? — с интересом спросил Махмиев.

— У меня уже есть план, — обрадовал его Самвел. — Мне известны все рестораны, казино, ночные бары, дансинги, где они бывают. Около «Манхеттена», «Карусели», «Белого таракана» или «Арт. Пикчерз Гэлери» встретить их легче всего. Но я не стал бы кидать ребят в открытый бой. Много народу потеряешь, и самого взять могут.

Они провоцируют на стрельбу у кабаков. Только того и хотят. Могут даже двойников вместо себя посылать. Тогда уже наверняка от тебя избавятся...

Самвел внимательно смотрел на своё кольцо, по привычке покручивая его на пальце. Темир внимательно слушал.

— И что ты предлагаешь? — Шеф смотрел на Геворкяна с отчаянной надеждой.

— Итак, надо отсечь заражённую ткань. Здесь я с тобой согласен полностью. Нацизма мы не потерпим. До сих пор врагами нам были менты, непонятливые чиновники, «суки»¹⁵, конкуренты. Но никогда ими не были нормальные пацаны иной крови. Мы размежёвывались и сходились по иным принципам. Человек нее виноват в том, что он именно этой национальности. Родину, как и мать, не выбирают.

— Мы с тобой исповедуем разные религии, Самвел, и принадлежим к разным народам, — торжественно произнёс Темир. — Но разве это мешает там делать общее дело? Они могли отказаться платить долг, не затрагивая этого вопроса. И я бы, может, ещё потерпел. А так — не могу. Если бы до сих пор никого не убивал, начал

¹⁵ «СУКА» — предатель, изменник (жарг.)

бы сейчас. Возьми ещё бутылку бургундского в баре. И мне налей полный бокал.

Махмиев принял свою порцию и надолго замолчал, потому что всё уже было сказано. Подспудно он чувствовал, что грешит, и пить вообще не должен. Даже благородное вино сейчас для него «харам»¹⁶. Впрочем, Темир имел способность вообще не пьянеть. С таким же успехом он мог пить воду или чай.

Геворкян, чувствуя в висках приятное постукивание, подошёл к окну и выглянул из-за шторы. Он так поступал всегда, проверяя, всё ли в порядке. И вдруг он вздрогнул, прикусил губу. Вдоль тротуара Гоголевского бульвара шла вчерашняя парочка. Это были «сутик» и проститутка Лена, уже крашенная в рыжий цвет. Их присутствие вблизи квартиры шефа удивило и насторожило Самвела. Они, похоже, только что вышли из серебристого «Сааба» и направлялись по адресу.

Лена была в длинной каракулевой шубе и белых туфлях «Шанель» на высоченных каблуках. В руке она сжимала цепочку сумочки. «Сутик» сменил джинсовую куртку на голубой «пуховик». Он приволакивал ноги и шатался — то ли ещё не

¹⁶ ХАРАМ — запрет, запретное (для мусульман)

отошёл от вчерашнего, то ли схлопотал уже в конторе. На их непокрытые головы падали хлопья мокрого снега. По счастью, из подворотни вышел чей-то охранник и увёл парочку с собой.

Странно — ведь часы только что пробили половину первого дня. Впрочем, у всех свои вкусы. Интересно другое — как эта же проститутка оказалась вызвана именно сюда, на следующий день после неприятного инцидента? Может, не всё так просто? Ведь за квартирой Темира, конечно же, внимательно следили. И эти труженики интим-бизнеса вполне могли помочь недругам шефа.

Снег повалил стеной, скрыв от Самвела весь бульвар. Пришлось задёрнуть штору и вернуться в кресло. Темир лежал тихо — будто уснул. Он никогда не храпел и не ворочался. Забывался ненадолго, как дикий зверь. Готов был в любой момент вскочить, вырвав из-под подушки свой «ТТ». Часто шеф стрелял и из положения «лежа». Он обожал именно эту марку оружия — подлинный «Тульский Токарев», а не китайский суррогат. Ничего другого для него не существовало.

Самвел стал смаковать «Романею-Конти», в последний раз обдумывая свой план. От изумительного вина в душу пошёл покой. И опять, как и ночью, вспомнился другой снег, другое вино — розовое, в тяжёлом хрустальном бокале. Он

сидел вот так же дома, в Степанакерте. На широкой родительской кровати спала сестра Иоланта. Она навернула на себя все шубы, что имелись в отцовском гнезде, весьма зажиточном до войны.

В комнате Темира щёлкали громадные напольные часы. Такие же были и дома. Тогда они отсчитывали последние сутки жизни Иоланты. Брат её тогда не чувствовал никакой тревоги. Просто сидел и пил вино, прислушиваясь к привычной стрельбе на окраинах города.

С песцовой шубой сестра решила расстаться. В доме не оставалось почти ничего съестного. Сестра собиралась идти на базар, чтобы обменять шубу на продукты. Муж её был на передовой, в карабахском ополчении, да и брат заехал ненадолго. Иоланта оставалась дома с родителями пятилетним сыном Арамом. В тот самый злополучный день мальчишка увязался с Иолантой на базар. Ни бабушка, и дедушка смогли его отговорить.

Может быть, ребёнок почувствовал, что они расстанутся навсегда, и предпочёл уйти вместе с матерью. Самвел звал сестру в Салоники. Она отказывалась, не хотела бросать родителей и мужа. А те, в свою очередь, не желали никакой другой земли, кроме этой. За неё воевали, на ней хотели умереть и в неё лечь...

Старики сидели в подвале. Мать пекла хлеб из последней порции муки. Отец, вывалив на сковородку банку консервов, мешал шипящую массу длинным ножом. Самвел должен был утром улетать и ждал «борт» — вертолёт на Ереван.

Самвел сначала не понял, почему так плачут и кричат женщины около их дома. Первой выбежала мать, и тут же зарыдала сама. На очередной взрыв, прогремевший в стороне базара, никто в разрушенном городе не обратил внимания. А потом отец, с ножом в руке, опустился на колени в грязный снег. Он царапал ногтями брезент, на котором к дому принесли останки дочери и внука. Полчаса назад они были живы и здоровы. Очень хотели успеть к проводам Самвела...

В тот же день он раздобыл два гроба — не напрокат, а в вечное пользование. Иоланту и Арама провожала на кладбище толпа таких же страдающих людей и родственников. Просто соседей, у которых тем же взрывом убило близких. На кладбище Самвел и узнал, что сработало взрывное устройство. Его принёс на базар и оставил близ ворот мальчик лет дести. Никому и в голову не могло прийти, что обычный, плохо одетый ребёнок с чумазым личиком на такое способен. Ушёл он за минуту-полторы до взрыва. Удалился с таким видом, словно собирался тотчас же вернуться.

Кошёлка его осталась под ногами Иоланты и женщины, которая приценивалась к шубе. Обгорелые, в крови, обрывки песцового меха положили в гроб Иоланты. Положил брат, потому что знал, как трудно ей было расставаться со свадебным подарком мужа. Это случилось в начале девяносто второго года.

Отец умер через несколько месяцев. Мать — в мае этого, девяносто третьего. Только недавно их сын снял траур, потому что в доме шефа ещё жил праздник. А вот сегодня Самвел был уже в синем костюме — по древним обычаям. Он остался единственным из всей семьи, кто сумел выжить. Их с Иолантой было у родителей двое. Дети Самвела очень похожи на отца и тетю. Между ними та же разница — два года.

Самвел через окно видел, как плачут деревья на бульваре. Снег падал и паял. У Самвела защипало в глазах, и он вышел в ванную. Отделанную плиткой под янтарь. Он вымыл над сияющей раковиной лицо и руки, присел на бортик угловой ванны. Самвел посмотрел на зеркальный подвесной потолок, осторожно прикрыл дверь. Холод от бронзовой ручки ещё долго оставался на ладони.

Махмиев уже не спал, а просто смотрел в потолок, думал о своём. Наверное, о тех семерых.

Он уже знал, что Геворкян нашёл какой-то выход, и мог чувствовать себя спокойно.

— Шеф, послушай меня внимательно...

Геворкян, с мокрыми руками и лицом, сел в кресло. Махмиева словно подбросило. Раскидав подушки, он устроился на диване, наклонился вперёд. Во рту него потаённо светились золотые зубы. Колючие зрачки мерцали в полумраке.

— Говори! Как будем шинковать?

Тактик Махмиев и его штатный стратег всегда удачно дополняли друг друга. Сейчас Темир разгрыз сигару и стал жевать табак.

— Они думают, что нам легче списать долги и пойти на выполнение их условий, чем потерять всё здесь, да ещё и сесть на нары. Будем поддерживать в них эту уверенность всеми силами, изображать покорных и запуганных. Только не надо переигрывать, а то они насторожатся. У тебя же совсем другая репутация. Пусть думают, что мы попали в пиковое положение, и отступить нам некуда. Эта уверенность в своих силах погубит ребят. Кажется, я нашёл уязвимое место в системе их безопасности. Итак, пишем семь имён...

Самвел достал из кармана электронный блокнот. Заиграл пальцами на крохотных клавишах.

— Мы никого не пропустим, шеф. Станем убирать по одному. Велор Килин, 58 лет. Слабое, очень тонкое место — жена и дочь. Обожают их до

безумия. Это мы используем обязательно. Подлости не получится — они уже не дети. Владислав Кораблёв, 32 года. Алексей Кузьмин, 37 лет. Они собираются жениться. Это может оказаться кстати. Артём Новожилов, 35 лет. У него есть жена и восьмилетний сын. Убивать ребёнка — грех, а использовать можно. Геннадий Рубцов, 48 лет. Твой главный друг. Сын, которого твои родители спасли от смерти, живёт вместе с семьёй отдельно. С отцом он в ссоре. Внучка маленькая — мы её не тронем. К этому очень сложно подобраться. Евгений Валдаев, 27 лет...

— На нём кровь моего друга Реваза, чьё имя я взял погонялом. Долг там пустяковый. Главное — он погубил моего друга и придумал эту выходку с поросёнком на блюде. Мы ведь вместе начинали — совсем молодыми...

— У Валдаева жена и грудная дочка. Он — задвинутый автолюбитель. Любит свою «тачку» больше, чем жену-фото модель. Возможно, здесь он и проколется. Илья Топчиев, 30 лет. От второй жены ждёт ребёнка. Первая жена с дочкой живут отдельно, тоже в Москве. Надо подумать, кого использовать против Топчиева. Жену, которая колотится от ревности, или их дочку. Этот вопрос мы решим позже. Итак, подводим черту. Неуязвимых людей нет. Важно знать их слабые и сильные стороны, и соответственно подбирать

ликвидаторов. В лоб не пойдём, и старых людей использовать не будем. Лучше взять новенького со стороны, выбрать подходящее оружие, транспортные средства. Одежду и грим. Этим займутся службы боевого и хозяйственного обеспечения. Сейчас нам надо принять решение и начать работать по каждой детали. Но приноживаться придётся долго, предупреждаю сразу. Они у нас на метро не катаются, и без охраны в метро не заходят. О том, чтобы вламываться к ним домой, не может быть и речи. Ни шила в сердце, ни пули с близкого расстояния. Выпасать каждого с хирургической тщательностью. Я только прошу меня торопить и не ограничивать сроками. Лучше провозиться дольше, подготавливая акцию, чем потом намертво увязнуть. Теперь насчёт исполнителя...

— Исполнителя? На всех семерых — одного? — Махмиев был озадачен. — Я хоть такое и допускал, но думал, что ты будешь против.

— Желательно. Никто так не делает, а мы сделаем. Лучше всего поступать нестандартно, тогда труднее принять меры. Никто для семи ликвидаций подряд не использует одного человека — мы это организуем. Будем изменять его внешность гримом, создавать различные комбинации. Писать талантливые сценарии, чтобы

ни одна ситуация не повторялась. Чем меньше народу будет об этом знать, тем лучше. Ликвидации, если повезёт, будут частыми — с интервалом всего в несколько дней. Так тоже не делают, поэтому сделаем мы. Новаторам должно повезти. Времени, жаль, в обрез.

— Сам говоришь, что торопиться не нужно, — напомнил Темир.

— Торопиться не нужно, но и медлить нельзя. Да, следует искать новенького. Не бросать на ликвидации людей, которые одним установлением своей личности выведут на нас. Но нового бойца тоже нужно подбирать очень тщательно. Это я беру на себя. Здесь мы на ошибку права не имеем. Доверять кому-то рискованно.

— И кто это должен быть, по-твоему? — Заинтересовался Махмиев.

Он уже примерял на роль ликвидатора знакомых парней славянского типа. Кавказцы категорически не годились.

— Ему нужна надёжная легенда. Самый порядочный с виду человек, от которого никто не будет ждать покушения. Но эти семеро будут ждать его от любого мужика. Никаких ветеранов «горячих точек» — я на них посмотрелся. Истерики и наркоманы, склонны к ненужной, даже опасной бравате. Не целиком предсказуемы...

— Женщину хочешь привлечь? — догадался Махмиев.

— Тоже не пойдёт. Ни в постель, ни в обслугу её не протолкнуть. Лучше всего для этой цели брать мальчика. Безумная мысль, скажешь?

Геворкян внимательно следил за реакцией Махмиева. Тот взглянул удивлённо, недоверчиво.

— Это и есть мой коронный ход. Сейчас я тебе всё объясню.

— Объясни. Надо сказать, ты меня сильно удивил.

Темир повернул на пальце свой знаменитый перстень, показывая, что мальчику он будет велик. Ночник освещал осунувшееся лицо «авторитета», придавал его глазам неживой, электрический блеск.

— Значит, ликвидатором ты хочешь сделать ребёнка? Да?

— Я всю ночь вспоминал покойных родителей, сестру Иоланту, по мужу Балаян. Она погибла в девяносто втором, вскоре после Нового года, в Степанакерте. С ней был мой племянник Арам. Их взорвал на базаре мальчишка. Он поставил спрятанное в хозяйственную сумку устройство с часовым механизмом. И ушёл, буквально за минуту. Это был террористический акт, не имеющий конкретного адреса. Просто для того, чтобы запугать население.

— Ты рассказывал об этом, — перебил Махмиев. — И я скорблю вместе с тобой.

— Да, рассказывал. Но что, если найти мальчика лет восьми-десяти? Чем ребёнок моложе, тем меньше подозрений. Подготовим его должным образом. Нам помогут Липин, Александра. Это же суперпрофессионалы...

Махмиев кусал нижнюю губу, и по лицу его пробегали тени.

— Восьмилетнего мальчишку думаешь сделать диверсантом? По-твоему, это возможно? Маленький ещё. Он и тренировок может не выдержать.

— Долгие тренировки не есть залог успеха...

Самвел уверился в своей правоте, что готов был с пеной у рта защищать ещё «сырой» план перед какими угодно специалистами.

— Быть киллером, диверсантом — тоже Божий дар. Имеются люди с таким инстинктом, что их и учить-то ничему не надо. Война у некоторых мальчишек буквально в крови. Важно найти вот такого гения, а гению в своей области действовать просто. Там, где с обыкновенных людей семь потом сойдёт, он справится шутя. Я при подборе кадров в службу безопасности исхожу именно из этого. А вот структуру вербовки и подготовки кадров-ликвидаторов не одобряю...

Самвел встал и принялся ходить по полутёмной комнате. От лёгкого сквозняка зашелестели букеты и упаковки игрушек. На люстре тихо звякнули подвески.

— Излишняя громоздкость и таинственность больше подходит больше для приключенческих фильмов. А всё самое разумное ясно и просто. Длинные цепочки связи, сеть конспиративных квартир ни к чему совершенно. Здесь дело не в глубине конспирации, а в личных качествах бойца. Когда вербуешь учеников, нужно быть отличных психологом, обладать воображением и абстрактным мышлением. Уметь прогнозировать последствия, причём во многих вариантах. Не действовать по всем известной схеме. Шевелить мозгами, придумывать что-то своё, никому не известное. На то, чтобы понять и разгадать, уйдёт время, а дело будет сделано. На каждый случай нужно иметь свой план, как одноразовый шприц. Его потом можно отбросить и забыть, понимаешь? Творчески следует к делу подходить, с огоньком!

Темир слушал, качая головой, и сам поражался полёту фантазии своего начальника охраны. Далекое не ретроград, он, тем не менее, сильно сомневался в успехе такого мероприятия.

— А почему ребёнок? — продолжал Самвел. — Да потому, что даже собаки из «Альфы», натасканные на борьбу с террористами,

при дрессировке получают установку не неприкосновенность женщин. И, особенно, детей. Чем ребёнок меньше, тем будет лучше. И ещё. Человека надо сразу проверять в экстремальной ситуации, а не к концу первого года тренировок. Сколько средств и сил сохранится, сколько времени! Натренироваться всегда можно. И не в годах, а в днях должны настоящие асы измерять это время. Задатки следует выявлять тут же, особенно у детей. Впрочем, и у взрослых тоже. Там человек виден весь. А наплести про себя всегда можно.

Геворкян видел, что шеф не до конца проникся его идеей, удивляется и сомневается.

— Всё равно киллеров ликвидируют. Так не лучше ли придержать средства на их обучение и укрытие? Я бы не собирал детдомовцев по всей стране, а нашёл несколько талантливых детей. Именно они меньше всего похоже на убийц. А обращаться с оружием такого парня научить легче лёгкого. Ответственности перед законом он не несёт. Ты подумай, как классно! Конечно, это сложно. Лучше посылать на каждое дело «легионера» без единой складки под черепом, а потом о них забывать. Или «рекрутов», которые в самый ответственный момент закатят истерику. А следить за ними круглосуточно, менять им квартиры и машины, записывать переговоры... С ребёнком легче. Если он с гнильцой, то при детской

непосредственности это проявится быстрее. Не надо грести всех подряд, лишь бы мускулатуру накачали и выглядели пострашнее. Если удастся найти подходящий кадр, Александра обработает его по своим методикам. Липин даст консультацию. Если нужно, задействуем методы КГБ, ускоренную программу. Сразу начнём растить ликвидатора-одиночку. Представляешь? И показания ребёнка ничего не стоят, если наступит куда-нибудь. Померещилось, в «стрелялки» заигрался... Что он понимает?

Часы пробили два раза, и низкий гул долго дрожал в воздухе.

— Шеф, личность человека формируется до семи лет включительно. Почему я и настаиваю на восьмилетнем возрасте. Крайний срок — девять-десять. Но не старше.

— У тебя кто-то есть на примете? — Махмиев наконец-то внял доводам.

— Нет, будем искать. Ребёнок изначально залегендирован. Слабое, беззащитное существо. Неприметная внешность здесь на втором плане — возраст спасёт в любом случае. Подросток уже не годится.

— Считаешь, что мальчишка способен обвести охрану хотя бы одного из них? — Махмиев вновь засомневался. — Смелость смелостью, а

голова на плечах тоже должна быть. И опыт тоже хоть какой-то нужен.

— Мы должны разработать такой план, чтобы он сумел, — твёрдо сказал Геворкян. — Я лично должен. И, будь спокоен, разработаю. Да, мне сейчас в голову пришло... Бывало, что мальчиков девочками одевали. Тогда и вовсе безобидно получится. Опять-таки — грим, парик...

Самвел ждал одобрения. После того, как Темир даст отмашку, нужно сразу же включаться в поиски кандидатуры. Никто не знает, сколько времени уйдёт на это.

— Тогда начинай! — приказал Махмиев. — Только ищи хорошо. Чтобы роль выучил, не струсил, не заплакал. Слушай, Самвел, ведь в Москве нет таких. От нас повезём?

— Ни в коем случае! Этот ребёнок Москву должен знать, быть местным. И говорить без акцента. Иметь квартиру, приличных родителей. Не с вокзала, короче.

Геворкян вытянул вперёд ноги в дорогих остроносых полуботинках. Он представлял, какой шквал звонков, гудков и прочих сигналов обрушится на людей Темира за то время, что они тут размышляют в уединении. Но шеф пока не был расположен к интенсивной работе. Он хотел прояснить вопрос с кандидатурой будущего ликвидатора.

— Значит, ищешь в Москве? Где именно?

— Пошлю людей по спортивным секциям, по частным группам...

— Русских выбирай для поисков. Чтобы не заподозрили плохого, — предупредил Темир.

— Конечно, одни славяне пойдут. Я им хоть истинных арийцев предоставлю. Проедутся по Москве и выяснят, где водятся подходящие ребята. За хороший гонорар, естественно.

— И не «волдырей» посылай, а чтобы соображали. Но не говори, для чего мальчик нужен, — посоветовал Темир.

Он посмотрел на часы и понял, что уделяет слишком много времени этой проблеме.

— Постараюсь, — скромно пообещал Самвел. — Прочешут всех, кто занимается спортом с детьми. Желательно гимнастикой, борьбой, лёгкой атлетикой, на худой конец. Можно ещё поискать в цирковых училищах, но там дети старше.

— И на характер обрати особое внимание. Это важнее, чем спорт — ты сам говоришь. Разговорчивые не нужны, но и особо молчаливые — тоже. Молчаливый — часто дурной. Надо, чтобы и не сболтнул лишнего, и при случае мог языком поработать. «Бабок» не жалея — окупятся.

Темир поднялся, застегнул ворот рубашки, надел галстук. Проверил, в порядке ли пуговицы жилета. Надел пиджак и подошёл к зеркалу.

— Когда подберёшь хотя бы нескольких, приезжай ко мне. Решим, что делать дальше.

— Есть! — Самвел вскочил, застегнул пиджак.

— И ещё. — Темир аккуратно причесался черепаховым гребнем. — Возьми под наблюдение контору, откуда вчера та парочка пожаловала.

— Разумеется. — Самвел пока не стал говорить, что видел их сегодня на бульваре.

— Начнут под меня копать, заткни им глотки. Только аккуратно, без огласки. Я не хочу ещё из-за них иметь проблемы.

— Понял, — ответил Геворкян.

Потом он взглянул на окна и увидел стылый, прозрачный день. Без снега, без дождя, без ветра и туч. Над Москвой раскинулось голубое, как будто чисто вымытое небо.

* * *

После зимнего холода пар бассейна словно ударил Самвела по щекам. Они пришли вместе с Авлуром, но потом охранник удалился. Глаза, лоб, щёки, всё тело никак не могли привыкнуть к теплу, а уши — к плеску волн и чириканью птичек. Темир

их держал в большом количестве. Когда шёл плавать, выпускал летать под потолком.

Шеф вынырнул из зеленоватой воды у самых ног гостя, широко улыбнулся и протянул руку. Чтобы ответить на приветствие, Самвелу пришлось сесть на корточки. Несмотря на то, что замшевую утеплённую куртку он оставил у входа, жар распирал его изнутри. Духота и влага мешали нормально дышать.

Бассейн искрился, как звёздное небо. Кристаллики сияли и под водой, и на потолке. Явно угадывалась тяга хозяина к чёрному цвету различных оттенков, но дорогой мрамор не выглядел мрачным. Со вкусом оформленный интерьер всегда ласкал взор Самвела и улучшал настроение.

— На воле уже сугробы, — сообщил он. — А у тебя лето, шеф. В городе тает, а здесь нарядно. Ёлочки голубые, воздух свежий...

— Погоди, я сейчас поднимусь.

Темир быстро взобрался по лесенке. Он накинул узбекский халат в чёрно-бирюзовую полосу на махровой синей подкладке. Лицевая сторона сияла нежнейшим шёлком. Махмиев указал на два громадных шезлонга.

— Садись. Чего хочешь выпить? Вина?

На шее Махмиева теперь висела плоская цепь, без медальона, пальцы украшали перстни. Он его литого торса, казалось, мог отскочить нож.

— Кофе и клюквенный сок. Сегодня хочу выехать по первому адресу, — объяснил свой выбор Геворкян. — Желательно, «Селект».

— Ладно. Нашёл, говоришь, парня?

Махмиев продолжил их закодированный разговор по пейджеру. Он нажал на кнопку звонка и отдал распоряжение по-чеченски — в стоящий рядом микрофон. Выбору гостя он особенно не удивился. Самвел всегда пил убойный кофе с клюквой перед выездом на задания.

Геворкян, борясь с уютной дремотой, смотрел вверх, на стеклянный потолок. Над ним серело небо, вились «белые мухи». По бортику бассейна бегала дымчатая персидская кошка с «лунными» глазами. Она надрывно, всем нутром, ворчала на порхающих в вышине птичек.

Кофе и сок поставил на столик подросток лет тринадцати — племянник Темира. Угощение он принёс на чеканном серебряном подносе, так шедшем к чёрному мрамору столика. Удалился он без поклона — как настоящий мужчина. Парень был при оружии — на поясе болталась кобура.

— Я пятерых нашёл, — с некоторой гордостью сообщил Самвел.

От вылощенного джентльмена не осталось и следа. Теперь это был заросший синей щетиной кавказец в сером джемпере «поло» и потёртых джинсах.

— Докладывай. — Темир тронул свой спутниковый «Самсунг», который всегда был рядом.

Геворкян пил кофе и сок одновременно. Это оказывало на его организм благотворное влияние.

— Теперь у меня есть два списка. Первый включает тех, кого нужно ликвидировать. Второй — тех, кто, возможно, станет этим заниматься. Двое из секции карате, двое — спортивные гимнасты. Ещё один посещает занятия вольной борьбой.

Самвел достал свой электронный блокнот, пролистал его нажатием микроскопической клавиши.

— Имена хочешь знать?

Темир рассеянно пил сок и наблюдал за кошкой. Та уже не раз падала в воду при попытке поймать птичку. Сейчас она походила на оживший парик с бульдожьей мордочкой.

— Мне все ни к чему. Скажешь имя того, кого выберешь.

— Значит, отсеиваешь поручаешь мне? — Самвел всегда ценил чужое доверие.

— А кому же? — Темир покончил с соком и принялся за кофе.

Кошка опять подпрыгнула и чудом не упала в воду. Хозяин радостно улыбнулся. Всё обошлось, и не пришлось вылавливать любимицу Индиры из бассейна. Звёздный остров лета среди зимы приводил в восторг даже очень искушённых гостей. Здесь же располагался и солярий. Под лампами Махмиев приказал насыпать чистейший кварцевый песок и часто нежился там — и один, и с женщинами.

— Что ты про этих мальчиков знаешь?

— Знаю абсолютно всё. Состав семей, привычки, распорядок дня. Разведка работала три недели. Имена получили практически сразу.

— Начинай проверять, не теряй времени.

Махмиев нашарил ногами пляжные шлёпанцы на пробковой подошве. Верхняя их часть была сделана под макраме.

— Я тебе скажу, как надо. Много с ними не разговаривай. Возьми хорошего водилу и ещё одного парня, из спецназа. Сегодня же наезжай на того, кого взять удобно. Затыкаешь рот, чтобы не орал, тащишь в машину. Про грим сам знаешь — не мне учить. Кстати, благодарю тебя за хозяина того борделя. Он ведь действительно хотел меня заложить. В ментовке шлюха с «сутиком» давали показания. О групповом изнасиловании издевательствах и всём таком прочем.

— Да, это был прямо ценный подарок, — согласился Самвел. — Хорошо, что ты их палками не побил! Но, при желании, можно было тебе «уголовку» пришить. Но теперь нет никого — ни хозяина, ни этой парочки. Кстати, я видел их на второй день после той истории. Они входили в подворотню дома напротив твоего. И показалось мне, что не на вызов прибыли эти молодые люди. Их встретил человек, очень похожий на серьёзного профессионала. Такие интим-досугом не занимаются. Скорее всего, хотели установить аппаратуру для наблюдения за твоей квартирой. Сектор прямо-таки идеальный. Может, уже и установили. Так что лучше на той квартире о важных делах не говорить. Но, чтобы голова не болела, я поработал с борделем. Из-за них ночами не спать — чести много. Случился там пожар, началась паника. Как раз когда в узком кругу вечеринку справляли. Но «узкий круг» — это человек двадцать. Там были и наши знакомые. По пьянке чего не бывает? Так что вся троица теперь будет гарантированно молчать.

— Спасибо тебе, брат! — Темир пожал руку Самвелу и приобнял его. — Век не забуду. А парня тащи в машину сразу же. Возьми «чистый» джип. На каждую операцию нужна новая машина. С хозлужбами я говорил. И смотри, как малый себя поведёт...

Темир помассировал глубокую бороздку на мощном подбородке.

— Жестоко, но справедливо, — одобрил Геворкян. — Охрана наших «друзей» с ним церемониться не станет.

— Изображайте, что похитили его с целью взять выкуп. Возьмём небольшой — сто пятьдесят тысяч гринов. А иначе, мол, его убьют. И сами не расслабляйтесь, играйте. Сделайте вид, что отвлеклись. Смотрите, побежит он или будет ждать родителей с деньгами. Домой звонить не давайте — может быть, аппарат с определителем. Даже из таксофона нельзя. Пусть наговорит на диктофон, якобы для пересылки в семью. А я её потом послушаю. Начинай, Самвел.

Махмиев встал. Геворкян последовал его примеру.

— Времени, шайтан, совсем нет! Помни о том, что приговор обжаловать нельзя. Ищи им палача, Самвел, ищи! Сейчас ошибёшься — всех нас погубишь.

— Я разве ошибался когда-нибудь?

— Нет, Самвел. — Махмиев вытер лицо краем купальной простыни. — У меня сейчас другие дела, а ты иди. Когда с первым закончишь, по тоновому пейджеру дашь сигнал. Мы уговорились с тобой, какой означает «да», а какой — «нет». При встрече объяснишь, почему ты так решил.

— Ясно!

Геворкян уже рвался в бой. Его подгонял интерес. Подобных заданий выполнять ещё не приходилось.

— Тогда иди.

Темир попрощался с Самвелом традиционным полуобъятием, поцеловал его на удачу.

Во дворе, обнесённом красным кирпичным забором, было бело и тихо. Тучи ползли по небу, почти задевая вершины голубых элитных елей. Снежинки мгновенно растаяли на горячих щеках Геворкяна. Он стоял посреди двора, заново привыкая к безмолвной зиме, о которой успел забыть в тропиках бассейна. Он тщательно застегнул замшевую куртку на норке, чтобы ненароком не простыть. Потом тщательно оглядел тех, кто ждал около джипа «Тойота».

В кожаной куртке, тоже на меху — Александр Кутьин, бывший морской пехотинец. Когда-то его обучали диверсиям на море. На суше Саня, впрочем, тоже был незаменим. Его порекомендовали «грушники», и Махмиев ещё ни разу не пожалел об этом. Круглолицый, курносый, с русым ёжиком на голове, он не имел и капли кавказской крови. Все его предки исстари жили под Рязанью.

За рулём сидел один, в прошлом десантник, тоже протеже Липина — водила Денис Перетягин.

Широкоскулый, голубоглазый, усатый и флегматичный, он принадлежал к финно-угорскому типу. Потом оказалось, что родился Перетягин в Ижевске. Сейчас водитель был в куртке горохового цвета, под которой тоже притаилась кобура.

Самвел сбежал с крылечка, и ногам стало холодно. Он провалился в рыхлый снег, а ноги уже привыкли к теплу. Да и не любил Самвел зимнюю обувь — до машины можно было дойти и в ботинках из тонкой кожи. Эту куртку, на норке, он надевал, в основном, для престижа.

— Куда едем? — Перетягин с интересом глянул через плечо.

Кутын открыл перед Геворкяном дверцу джипа. Тот сел вперед, несколько боком, и сразу же принялся гримироваться. Это отняло пять минут. В ход пошли: парик с обильной проседью, накладные усы, контактные линзы в глаза — для придания им синего цвета.

Геворкяну стало смешно — три вооружённых мужика на одного мальчишку! Но ребёнку придётся побывать ещё и не в таких переплётах, если выбор Махмиева падёт на него. Напугать, как следует, парень и проявится. Никакие тесты не нужны. Покажет себя со всех сторон.

— Едем на Новокузьминскую улицу, в Вешняки, — ответил Геворкян, как будто сел в такси.

Перетягин молча кивнул. Кованые ворота разошлись перед ними, открывая белую стрелу загородной зимней аллеи. Метель взлетела перед лобовым стеклом, поэтому Денис тут же включил подогрев и «дворники». По стеклу потекли ручейки талой воды.

Серое небо навевало сон. Самвел включил автомагнитолу. Выбрал лёгкую, скользящую по нервам музыку. Он хотел расслабиться за то время, что они будут находиться в дороге.

— Когда приедем, совсем стемнеет, — тихо сказал Самвел. — Саня, знаешь, что придётся делать?

Джип летел по аллее. Вскоре, вывернув на шоссе, он пересёк Кольцевую дорогу. Самвел с удивлением отметил, что на берегу ещё не замёрзшего труда, неподалёку от дачи Махмиева, стоят три мужика в плавках и две тётки в отдельных купальниках. Все явно пенсионного возраста. Выпяченные животы украшали всевозможные шрамы. Какие — Самвел не понял — слишком быстро проехали. У дам, конечно, кесарево сечение. Сильной половине, похоже, удаляли желчный пузырь или селезёнку. Может, кому-то ещё и перитонит откачивали.

Потом по бокам дороги зарябили гаражи. Чуть поодаль ещё мелькали утонувшие в пурге «коробочки» московских новостроек.

— Знаю. Шеф сказал, что мальчишку будем ловить. — Саня широко улыбнулся, показывая своё к этому отношение.

— Да, Лёшу Липатова, девяти лет от роду. Но ты отнесись серьёзно, Санёк. Мобилизуйся.

— Для пацана-то? — не мог успокоиться бравый морпех. — Не зря «дуры» взяли? Или он с охраной ходит?

— Без охраны. Я сам не люблю лишнюю работу. — Самвел подавил зевок. — Но эта — не лишняя. Потом поймёшь.

Каким окажется номер первый, Геворкян не представлял. Но внешность уже не была загадкой. В бумажнике лежали пять фотографий Лёши Липатова, проживающего около кинотеатра «Ташкент». Сын торговца аппаратами для приготовления сахарной ваты и воздушной кукурузы, хрустящего картофеля и пончиков. Похищение не должно особенно удивить папашу. Парня охарактеризовали в секции как волевого, инициативного, сильного. Короче, подающего надежды каратиста. Внешность тоже, вроде, нормальная. Коротко стриженный, светловолосый, с вздёрнутым носом — незаметный, короче. Правда, фигура уже мощная.

Перетягин с закрытыми глазами ориентировался на улицах Сокольников и Лефортово. Для Самвела же все московские районы сливались в один. Местным кадрам поневоле приходилось быть верными шефу. Действия и слова каждого из них многократно перепроверялись. В случае измены Темир Махмиев долго не размышлял. Он просто накидывал на шею стальной тросик, другой конец прикреплял к кузову грузовика. Оставалось только дать газ.

Здесь было грязно. По тротуарам и мостовым растекались радужные от пролитого бензина лужи. Люди ждали транспорта под зонтиками, бегали по тротуару, прыгали прямо в снежную кашу. Проезжающие автобусы поднимали фонтаны брызг. В свете автомобильных фар и в сиянии витрин картина напоминала шабаш ведьм в горах Гарца. Торговцев непогода не прогоняла с улиц никогда. Они и сейчас приплясывали около своих лотков и ящичков, то и дело поглядывая на часы.

Темнело быстро, и зажигались наверху лиловые фонари. То одна, то другая магазинная вывеска сияла неонам перед плачущим лобовым стеклом «Тойоты». Измайловский парк оставался справа. Они пересекли шоссе Энтузиастов, нырнули на улицу Плеханова, оказались в «Кусково». Где-то здесь были усадьба с таким названием, и Государственный музей керамики.

Несколько лет назад Самвел и Фелицата тут побывали. Тогда он и сам бы не поверил, что по этим улицам будет ездить не на экскурсии, а на дела.

Огоньки домов брызнули в глаза, как ракеты фейерверка. Джип переехал детскую площадку, хрустнул кустами.

— Денис, скоро?

Геворкян сверился со своими уникальными часами. Вроде, пока всё нормально.

— Уже на месте. Успели? — Водила забеспокоился.

— Да. Даже рано.

— Какой дом? Этот? Или дальше?

Перетягин огляделся по сторонам. В раскисшем, тёмном дворе никого не было — лишь шелестел снежный дождь.

— Этот. Только тише, ладно? Туши фары.

— Сейчас. — Водила подался вперёд. — Отсюда хорошо виден подъезд.

— А дальше уже наши с Сашей дела. Лёша брата младшего забирает из садика каждый вечер. И ведёт домой одной дорогой... — Геворкян немного подумал. — Поддай чуть-чуть назад. На всякий случай.

Джип спрятался между гаражами и эстакадой. Мутная мгла обволокла «Тойоту» и скрыла её от посторонних глаз. Немного мешали кусты,

загораживали обзор. Но они же обеспечивали идеальную маскировку.

— Он? — Саня покосился на Самвела. Тот подался к лобовому стеклу.

Из-за заборчика, огораживающего посадки тонких ещё деревьев и зарослей акации, вышли два мальчика. Они были очень схожи между собой. Даже при плохом освещении мужчины в джипе видели это. Младший мальчик шагал чуть сзади. Его старший брат, в блестящей трёхцветной куртке и вязаной шапке с каким-то лейблом, со спортивной сумкой на плече, двигался уверенно, напористо. Он взял младшего брата за руку, потащил прямо по лужам. Маленькому, похоже, было лет пять. Старшему — девять лет и один месяц. Это Самвел знал точно.

— Он! — Геворкян обрадовался.

Объект нашёлся быстро. В течение ближайших пяти минут можно будет сделать вывод о его пригодности для намечаемых мероприятий.

— Денис, оставайся здесь и будь в готовности. Мы с Саней идём за ним. Будем действовать по ситуации. Главное — дать мальчику почувствовать опасность, исходящую от нас. И внимательно наблюдать. Может, его и похищать-то не потребуется...

Что-то в облике Лёши Липатова наводило Геворкяна на недобрые мысли. Но он решил не забивать голову догадками. А опираться на факты.

Самвел и Саня выпрыгнули из джипа, открыв дверцы сразу с двух сторон. Под ногами булькнула невидимая лужа. Блестящие ботинки Геворкяна оказались целиком в грязи. Принимать меры было некогда. К тому же, обляпанная обувь была такой же идеальной маскировкой, как и клокастая шевелюра цвета соли с перцем.

Быстрым шагом оба направились за мальчиками к их подъезду. Младший вдруг присел и что-то поднял с асфальта. Старший дал ему подзатыльник и выбросил находку в кусты. Малыш задержал брата ровно настолько, чтобы можно было их догнать и не дать войти в лифт. Дверь оказалась с кодом, но младший братик неплотно захлопнул дверь. Самвел вошёл в подъезд третьим, Саня Кутьин — четвёртым.

— Я, я нажму! — верещал маленький, прыгая под кнопкой лифта, которая как раз погасла.

Кто-то покинул кабину на верхних этажах. Ребёнок ткнул озябшим пальчиком в пластмассовый кружок, под которым опять вспыхнул красный свет. Кабина, зашумев, пошла вниз.

Лёша Липатов вдруг оглянулся и увидел около почтовых ящиков двух мужиков явно

протокольного вида. Один, в серой замше, с усами и возбуждённо блестящими глазами, явно хотел успеть в кабину. Сам он был невысокий, но рядом стоял амбал — стриженный ёжиком, в широких штанах и кожаной «косухе». В свете синеватой лампочки парочка выглядела просто ужасно.

Лёша беспомощно разинул рот, потому что заметил — у мужчин куртки оттопырены под мышками. Он вспомнил рассказы отца о рэкетирах и прочих бандюгах, которые рано или поздно обратят внимание на малолетних сыновей бизнесмена Липатова. Отец имел «крышу» и платил дань, но со всеми группировками не договоришься. Особенно с «хачиками», которые вообще склонны к импульсивным поступкам. Эти двое оказались здесь не случайно. Надо бежать, иначе — амба...

Старший мальчик облизал холодные, липкие губы, попятился и наступил на ноги маленькому. Ремень своей сумки он намертво стиснул в кулаках. Зрачки моментально расширились — Самвел это заметил.

Нет, не убежать! Лёшины упругие щёки затряслись, как овсяный кисель.

— Лёха, ты что-о? — заныл братишка.

А потом он вдруг проникся тем же страхом и прилип спиной к стене. Самвел и Саня шагнули в ногу, прямо к мальчикам. Как назло, лифт открыл

двери только тогда, когда бандиты оказались совсем рядом с детьми.

Лёша завертел головой, открыл рот и метнулся к кабине, уже не замечая ревущего братика. У детсадовца от ужаса заплелись ноги, он застрял в делах лифта. Этого было достаточно, чтобы старший, оттолкнув его, нажав кнопку своего этажа. Двери захлопнулись, и кабина пошла наверх.

Ребёнок с визгом разревелся, барабанил кулачками по равнодушной светлой двери. На ней были нацарапаны похабные слова и картинки. Страшные дядьки стояли рядом, не проявляя никакой агрессии. Наоборот, они качали головами, слушая шум лифта, уносившего будущего супермена.

Мальчик втянул голову в плечи, продолжая реветь. Не вытираемые слёзы мгновенно промочили шарф и воротник. В ноздрях вздёрнутого носика заклокотали прозрачные сопли.

Лифт уже не работал. Стало быть, Лёша прибыл к себе на этаж. Интересно, что он будет делать дальше. Приведёт папашу? Собаку? Вызовет милицию? Им-то лично ничего не грозило — мало ли кто хочет войти в лифт.

Самвел надавил на кнопку, потом присел на корточки перед ребёнком.

— Ты чего голосишь, а? Не стыдно? Как девчонка! Боишься нас?

— Не боюсь... — икая, прошептал мальчик.

Но потом он незаметно успокоился, сморгнул слёзы, отвернулся от Геворкяна.

Тот взял мальчика за локти:

— Тебя как зовут, а?

— Алик... Липатов. — Ребёнок проглотил слюну и недоверчиво покосился на Саню. Тот сделал «козу» и широко улыбнулся.

Самвел достал свой носовой платок и вытер малышу нос, глаза, губы. Мягко стукнула створками кабина. В следующий миг они разошлись.

— Поехали, — сказал Самвел, подталкивая Алика. Тот обречённо шагнул в кабину, где уже стоял Кутьин.

— Куда поехали? — Алик вжался в угол.

Тельце мальчика тряслось, как в лихорадке. Его глаза видели только две большие страшные фигуры. Маленькими пестрыми сапожками-бутиками он наступил в налитую кем-то лужу.

— Домой. Какой у вас этаж? Сань, нажимай.

— Десятый. — Ребёнок проглотил слёзы.

Когда кабина пошла вверх, Самвел прислонился к стенке и стал слушать его утихающие всхлипывания.

На десятом этаже лифт замер. Все трое вышли на лестничную площадку.

— Сань, отойди за мусоропровод, — приказал Геворкян. — Ни к чему людей пугать.

Кутьин молча подчинился. Самвел взял на руки ребёнка.

— Алик, ведь я тебя не съел, правда? — ласково спросил он.

— Не-ет... — Малыш несмело улыбнулся.

— Где твоя дверь?

Геворкян подумал, что может успеть в гости и ко второму. Это если Лёша Липатов из квартиры не вызвал милицию.

— Вот! — Алик, спущенный на пол, вприпрыжку подбежал к бронированному входу в жилище.

— Кто ещё дома есть? Кроме брата?

Геворкян надавил на кнопку звонка. Пронзительная трель резанула по барабанным перепонкам.

— Бабуля. И кошка у нас есть. Василиса.

Алик был счастлив, что с ним ничего не произошло. Кроме того, он даже вернулся победителем. Послышались шаги; маслянисто блеснул «глазок». Самвел всегда кожей чувствовал, что его рассматривают.

— Алик, как зовут бабушку? — шёпотом спросил он.

— Людмила Гавриловна, — шёпотом сказал ребёнок.

— Людмила Гавриловна, я к вам младшего внука привёл. Откройте, не бойтесь.

Самвел теперь жалел, что оделся гопником. Сейчас ему нужно было выглядеть респектабельным. Впрочем, куртку на норке гопники не носят.

— О, Господи! — слышались за дверью.

Бабушка выскочила на площадку. Это была дородная мадам с облитой лаком «химией», в длинном палевом халате, с золотыми «Весами» на шее.

— Бабуля, дяденька меня в лифте привёз! А Лёшка один уехал, — поспешил поделиться новостями мальчик.

Мадам подхватила внука на руки и хотела захлопнуть дверь, но Самвел молниеносно втиснулся в переднюю.

— Поблагодарить не хотите?

— Это вы Алёшеньку испугали так? — Людмила Гавриловна прижимала к себе младшего внука. — Сам не свой прибежал, сейчас в ванной закрылся. Бабушка, говорит, звони в милицию, а я боюсь. А где младший-то? Позвонишь в отделение — только хуже будет. И не успеют ни чёрта, и штраф возьмут.

Тяжёлые длинные серьги с жемчугом оттягивали мочки её ушей. Нанизанные сверх меры кольца давили на толстые пальцы.

— Я напугал? — Самвел пожал плечами. — Я просто хотел зайти в лифт. И всё.

— Лёша сказал, что на первом этаже два бандита, прямо к нему шли. Вы понимаете, отец коммерцией занимается. Всякое ведь может случиться. — Женщине вдруг стало неудобно. — Вы, значит, просто шли к кому-то здесь?

— Я имею право ходить, где хочу. Беспрепятственно. Это пока ещё не запрещено. — Геворкян усмехнулся в фальшивые усы. — В ванной, значит, закрылся? А брата младшего бросил? Будь мы действительно бандиты, лакомый кусочек взяли бы. Он должен был сначала Алика толкнуть в кабину, а вломился сам. Отпихнул младшего. Фактически отдал его нам. Я вам говорю на будущее, если действительно попадутся маньяки или бандиты.

— Вы проходите! Проходите, пожалуйста! — заторопилась Людмила Гавриловна. — Извините, я сразу повела себя неправильно. Сейчас с Алёшенькой поговорим. Он ведь должен маленького защищать. Так мы его всегда и воспитывали. На карате ходит...

— Это ужасно. — Геворкян потрепал Алика по льянной чёлке. — Меня испугался, брата бросил. И в милицию не позвонил. Почему бабушка должна? А если бы бабушки дома не было?

— Лёша, Лёша! Иди сюда сейчас же!

Людмила Гавриловна колотила кулаком по ребристой алюминиевой двери. Но в ванной только плескалась вода. Потом она уронила руки вдоль туловища.

— Нет, не могу больше! Мне худо. Не думала, что он так поступит. И добро бы слабеньким был, болезненным. А то ведь приткий, и не простужался никогда. Зарядку делает, холодной водой обливается. На карате ходит — я уже говорила. Кроме того, в бассейн ещё... Но ведь есть же маньяки, которые в лифтах детей уродуют! Подсаживаются, насилуют, убивают. Мы с родителями об этом говорили, и мальчишки слышали.

Людмила тоскливыми глазами обвела стены прихожей, оклеенные моющимися обоями. На них был изображён цветущий июльский луг. Казалось, что сейчас застрекочут кузнечики, и заворчит вдалеке гром. Электрический свет струился будто бы сквозь потолок.

Геворкян посмотрел на свои часы. Нужно было закругляться, чтобы успеть в Бибирево, к десятилетнему Грише Сидорову — тоже будущему каратисту.

— Родители-то дома?

— Да нет, не вернулись ещё. У них офис в центре. — Бабушка опять встрепенулась. — Да вы

не обижайтесь, что вас за бандита приняли. Дети же малые...

— Мне-то что! Вас жалко, — совершенно искренне сказал Самвел. — Нельзя вашего внука учить карате. Послушайте, я вам добра желаю. Он будет бить только слабых. В том числе, может ударить и вас. Такое грозное оружие подлецам и трусам в руки не дают. Я не знаю, куда смотрел его инструктор. Ведь гниль в душе заметна сразу. Инструктора полагается дисквалифицировать за такую халатность. — Самвел ещё раз взглянул на часы. — Всего доброго.

И, не дождавшись ответа потрясённой Людмилы Гавриловны, вызвал лифт. Саня Кутьин давно спустился во двор. Самвел же использовал то время, что кабина вниз. Он достал электронную записную книжку и нажатием кнопки убрал из списка фамилию Липатова. Этот эпизод Самвел навсегда вычеркнул из своей жизни.

Кутьин курил под козырьком подъезда, разглядывая придвинутую к стене инвалидную коляску. Хозяев коляски почему-то не было.

— Идём!

Самвел наслаждался запахом мокрого снега. Огни окон роились наверху, как назойливая мошкара, и сильно раздражали.

— Пролетели? — Кутьин спросил это просто для того, чтобы не молчать.

— Ты же видел. — Геворкян встал сигарету в мундштук, закурил. — Этот Рэмбо вломился в квартиру, заперла в ванной и орёт оттуда: «Бабушка, вызывай милицию!» И где брата потерял, не говорит. Когда я там был, не вышел, хоть бабка и звала.

— Привезли бы такого шефу! — хмыкнул Саня, открывая дверцу джипа. — Ликвидатор получился бы классный.

— Без добычи возвращаемся? — вскинулся за рулём Перетягин.

— Не напоминайте мне о нём. Тошнит. — Геворкян поморщился. — Денис, мы здесь быстро управились. Теперь езжай в Бибирево, на улицу Пришвина.

— Есть!

Денис включил фары и виртуозно вывел джип из-за эстакады. Вскоре они уже ехали по главной магистрали.

— Погони не будет? — на всякий случай спросил Денис.

— Не думаю. Всё спокойно.

Геворкян вышел на связь с Махмиевым и передал на его тональный пейджер нужный сигнал. Шеф сразу понял, что Липатов им не подошёл.

Темир прослушал сигнал и скривил губы. Потом он снова принялся за прерванное дело. С японским калькулятором в руках он сидел в своём

кабинете и проводил ревизию финансовых дел. Напротив устроился его банкир, двоюродный брат Вахид Махмиев. Он, не переставая, копался в бумагах, привезённых в кейсе с кодовым замком. Сумма, присвоенная «великолепной семёркой», зияла в смете отвратительной дырой. Из неё, рано или поздно, должна была брызнуть первая кровь. Но пока вся складывалось плохо — вот и Самвелу не повезло.

— Первый блин комом. — Саня потянулся, хрустнув грудной клеткой. — Не стоит горевать, Самвел. Ко второму сковородка уже разогревается.

— Что ж, давайте разогревать сковородку...

Самвел содрал парик и усы, вынул синие линзы. Достал бритву, ветошь, щётку, обувной крем. Всё то время, что ехали от Вешняков до Бибирева, он приводил в порядок лицо и одежду. Автомагнитола тихо журчала где-то сбоку. Покончив с туалетом, Самвел достал из «бардачка» пакет гигиенических салфеток и медленно вытер пальцы, ладони, тыльные стороны кистей. На это у него ушла почти половина пакета. Скомкав использованные салфетки, Геворкян бросил их в нижний «бардачок», игравший здесь роль мусорного ведра. По прибытии в гараж Перетягин опорожнял эту ёмкость и непременно дезинфицировал.

Они ехали навстречу метели, сквозь мельтешение снежинок и огней — по Нижегородской улице, мимо Таганки. Потом повернули на Земляной Вал — бывшую улицу Чкалова. Денис выбрал для передвижения Садовое кольцо, чтобы гарантированно затеряться в потоке машин. Через некоторое время в пурге растворилась и Комсомольская площадь, в народе — «Три вокзала». Асфальт рябил под колёсами всеми цветами витрин и вывесок.

Самвелу стало радостно, и спокойно. Москва выглядела праздничной, словно чуть больше месяца назад не пережила вспышку бессмысленной и жестокой гражданской войны. Перед Геворкяном раскинулась та самая добрая, великая, всегда нарядная столица его Родины — Советского Союза. И впервые в жизни сердце защемило от лютой тоски по стране, в которой могли бы и сейчас жить Иоланта, Арам, мать с отцом. Жать счастливо, долго, до глубокой старости...

Самвел обожал джипы — самые быстрые, самые удобные автомобили. «Тойота» пронесла их по проспекту Мира. Потом Денис завертел баранку, сворачивая на Сельскохозяйственную улицу. Далее они проехали по улице Декабристов, по Алтуфьевскому шоссе, и оказались на улице Пришвина.

Геворкян некоторое время сидел, прикрыв глаза. Все московские магистрали слились для него в одну, гигантскую. В дороге ему казалось, что под колёсами «Тойоты» извиваются золотые змеи, сотканые из электрического света. Денис опять погасил фары.

— Мы его пустили уже, — вполголоса сказал Кутьин за плечом Геворкяна. — Сейчас у нас девять десять. Что будем делать? Поднимемся в квартиру?

— Лучше будет позвонить ему домой. Номер у нас есть. Саня, это сделаешь ты, — решил Самвел. — Представишься другом отца. Зовут его Сергей Юрьевич. Попроси хозяина к телефону. Если пойдёт звать, положи трубку. Якобы разъединили. Скажет, что никого нет дома, буду с ним дальше работать. Мать обязательно попроси подойти, любых взрослых. Если их нет, отлично. Тогда можно начинать.

Кутьин мизинцем нажал семь клавиш. Самвел напряжённо ждал, чем всё закончится. Денис бесстрастно покуривал, пряча огонёк сигареты в лодке ладоней. Громада нужного дома подмигивала сквозь снег окошками, словно приглашала зайти. Снежная крупа вдруг отвердела настолько, что забарабанила по крыше и стёклам.

— Добрый вечер! — представительным, солидным тоном сказал Саня. — Сергея Юрьевича

можно позвать к телефону? Ах, дома нет? Как жаль! А супругу его?... И её нет? Серёжа обещал, что вечером будет дома. Это Григорий? Понимаешь, я его приятель, папы твоего. Очень хочу встретиться, по важному делу. Значит, в театр ушли?

Кутьин говорил так, чтобы Геворкян имел представление о вопросах и ответах.

— Трудное дело, мужик. Слушай, ты вообще один? Ни бабушек, ни дедушек?

Самвел вынул из внутреннего кармана куртки глянцевый календарь с изображением боя питбультерьеров и показал Сане. Тот должен был спросить насчёт собаки. Кутьин кивнул, прикрыв трубку рукой. На пальце у него был огромный ребристый перстень, очень помогавший в драках. Вроде бы, собаки у Сидоровых не было, но стоило всё же уточнить.

— Значит один? Не боишься? Родители-то скоро вернуться должны? А то потом и звонить неудобно. В первом часу? М-м... Здорово Серёга рискует, да ещё жену таскает с собой. Ах, они на машине? Всё равно по двору и по лестнице страшно идти. Слушай, Григорий, давай мы с тобой так сделаем. Я напишу записку Сергею и брошу в ваш ящик...

Басок у Кутьина получился шикарный, хотя в жизни он говорил обычным баритоном.

— Только родители-то не знают, что ящик по дороге надо открыть. Ты чуть погодя выйди и заberi. Заодно собаку прогуляешь... Ах, нет собаки? А то Сергей собирался, вроде, брать. А я думал, что взял. Значит, нет? Выйдешь? Тогда я пишу записку. Передай обязательно отцу. Не забудешь?

Самвел расслабленно, откинувшись на спинку сидения, думал, что такой простодушный мальчик им тоже не подойдёт. Но, как и в первом случае, решил подкрепить теоретические выкладки практическими исследованиями этой, уже не таинственной личности.

— Всё, пока, спасибо тебе. Не бойся. Из квартиры спустишься на лифте, заберёшь, и — мигом обратно. Очень важное дело, а то не стал бы вечером беспокоить.

— Порядок!

Геворкян от избытка чувств хлопнул Кутьина по плечу. Да так сильно, что здоровенный качок пригнулся. В Самвеле иногда просыпался озорной мальчишка — ведь он был ещё молод.

— Никакой записки не пиши, конечно. Сидите оба в машине, я один его проверю. И это будет быстро.

— Да можно уезжать уже. — Кутьин сморщился презрительно и жалостливо. — Он ни на фиг не подойдёт. Дурачок какой-то.

— Ты тоже так думаешь? — Оказывается, Саня был того же мнения. — Но давай не будем халтурить. Этого много времени не займёт.

Геворкян достал из портмоне фотографию Гриши Сидорова. Тот оказался задумчивым мальчиком с аккуратной русой чёлкой, прозрачными глазами и очень правильными, классическими чертами лица. Странно, что он вообще стал заниматься карате.

— Вон его окна! — Саня высунулся из джипа и показал вверх. — Как раз свет погасил.

— Сюда выходят? Ага, а рядом окна все тёмные. Это хорошо. Ладно, оставайся тут, — ещё раз попросил Самвел.

Он опять окунул в грязь только что вычищенные ботинки, но иначе по двору было не пройти. Хорошо, что сегодня больше никуда не надо ехать. Остальным мальчиков придётся проверить позже. Да и остаётся-то их всего трое. Можно распределить так: двое — сегодня. Двое — завтра, и один — напоследок. Но, если выйдут осложнения, придётся брать по одному. Тогда крайний срок окончания проверок — восемнадцатое ноября. Пятый и последний мальчик будет проверен.

Тогда можно начинать подготовку ликвидатора — в лучшем случае. А в худшем — снова нажимать на разведку и прочёсывать

спортивные секции. А после до одурения кататься по Москве выполняя с виду наиглупейшее, а на самом деле — невероятно ответственное задание. Самвелу уже казалось, что тяжелее миссии у него никогда не было.

Геворкян взялся за скользкую деревянную ручку и потянул на себя дверь. Здесь раньше был код, но теперь его, конечно, устройство бездействовало.

Самвел прижался спиной к стене, в промежутке между двумя дверями. Слишком простодушным оказался паренёк — нет ли здесь подвоха? На всякий случай, он приготовил пистолет к бою и сунул в кобуру. А вдруг ловушка? Всё может быть...

Гришу Сидорова Геворкян узнал сразу. Невысокий, но крепкий мальчик в ковбойке и трениках, в прогулочных тапках на босу ногу, выбежал из лифта и принялся греметь ключами около почтовых ящиков. Самвел шагнул в полосу неяркого света пыльной лампочки.

— Мальчик, ты меня, пожалуйста, извини... Ты знаешь, в триста пятой квартире есть кто дома? Ты не сосед ним?

Гриша очень удивился, не найдя никакого письма, поджал плечами. Он сунул руку в щель железного ящика, пошарил там. Потом долго

разглядывать свои пальцы. На груди Гриши Самвел увидел маленький серебряный крестик.

— Я, понимаешь, проездом в Москве. Решился к ним завернуть, но никого не застал. Вопрос такой — стоит их ждать, или лучше сразу ехать в аэропорт?

— К соседям? К Окуневым, что ли? — Гриша запер ящик и спрятал ключи в кармашек брюк.

— Да они приглашали, если буду в Москве. Я, правда, не предупредил. Из «Домодедово» сейчас звоню — их нет. Думал, пока еду, вернутся. Но квартира до сих пор пустая. Может, они вообще в отъезде?

Гриша буквально пронзил Самвела взглядом хрустальных, ангельских глаз. Лицо его стало благостным и скучным.

— Они у дочери, в Строгино. Как раз вместе с моими родителями в лифте спускались. Может, и ночевать останутся... Знаете, у нас телефон их дочки есть. Родители звонили, когда Ивану Васильевичу плохо становилось. Это дедушка, старенький. Екатерина Ивановна приезжала. Я позвоню им сейчас и скажу, что вы ждёте. Давайте, поднимемся к нам, и вы поговорите.

— Как тебя звать? — спросил Самвел так, словно видел ребёнка впервые, а не выпасал его три недели.

— Григорий.

— А что ты здесь так поздно делаешь? Не боишься?

Самвел понял, что можно уходить. Этот парень — не тот, кого они ищут. Но что-то его удерживало.

— К ящику спустился — там письмо должно быть. Почему-то нет до сих пор.

Ясный Гришин взгляд не мутился никакими подозрениями. Он действительно был готов вести незнакомого молодого человека к себе, да ещё поздно вечером. И на лифте поднялся бы, в отличие от Липатова, совершенно спокойно.

— Вы не стесняйтесь — я один дома. Мама с папой в театр ушли. А вы, если с дороги, может, кушать хотите? Я вам чаю согрею. А там и соседи приедут. Вас как зовут?

— Да ладно, Гриша, не стоит. Неудобно мне. Кстати, а вдруг я вас обчищу? Вот так, запросто, чай пить ведёшь!

Легонько стукнула дверь, и в подъезд ворвался ледяной ветер. Гриша переступил с ноги на ногу, обдумывая ответ на вопрос симпатичного незнакомца.

Потом, водя пальцем по крышке своего ящика, твёрдо сказал:

— Людям нужно верить, и делать им добро.

— Зачем? — втянулся в пустую дискуссию Самвел.

Вряд ли этот постулат ребёнком был выстрадан. Скорее всего, его воспитали так в семье. В школе сейчас вообще не воспитывают, а просто впихивают в голову программу. А, наверное, малый ходит в церковь — там и нахватался.

— Тогда в Рай попадёшь, — ответил Гриша таким доводом, какого собеседник не ожидал.

Геворкяну стало интересно, что же ещё думает по этому поводу Гриша Сидоров.

— Ты считаешь, что доверять можно всякому человеку? погоди, не торопись. Может, письмо ещё принесут. Ты больно быстро выскочил. — Самвел почесал пальцем густую смоляную бровь. — Значит, ты доверяешь жуликам, ворам, бандитам? Да?

Гриша смотрел всё так же удивлённо:

— Их только пожалеть можно. Они — овцы заблудшие.

Самвел расхохотался, представив себе Гришу Сидорова в качестве ликвидатора.

Мальчик вздрогнул:

— Что тут смешного?

— После школы куда поступать собираешься, Григорий?

Геворкян оборвал смех, взял мальчика за плечо и повернул к себе. Гриша не сопротивлялся.

— В духовную семинарию хочу. Я и сейчас пою в церковном хоре. А на аэробику я уже не

пошёл — времени нет. Мама хотела, но никак не получилось.

— Значит, рок-музыку ты не любишь?

Самвел видел, что это так, но очень хотелось послушать благостные речи.

— Нет, что вы! Бесовское занятие. Они кривляются, как грешники, которых жарят в Аду. Мне их от всей души жаль. Спасать таких нужно.

— А карате тебе зачем?

Геворкян теперь почесал макушку. Пацан оказался довольно-таки содержательным типом.

— Прихожан защищать. Знаете, всякие сатанисты, маньяки терроризируют верующих. На Пасху в Оптиной пустыни трёх иноков убили. Всяко бывает... Или, знаете, у «Белого Дома». Люди молились, а на них — ОМОН, бэтээры... Я должен уметь отвести руки убийцы от жертвы. Или погибнуть, как отец Виктор, с иконой в руках. Он пытался остановить танк...

Гриша, кажется, проглотил слёзы. Он, бедняга, всё ждал дяденьку с запиской для папы.

— Тогда всего тебе доброго. Не надо соседям звонить. Я вовсе не к ним шёл. — Самвел понимал, что откровенность перед Гришей ему боком не выйдет. — Тебя не удивило, что я знаю про карате?

— Да... Удивило, — признался Гриша. — А зачем вам ко мне?

— Ищу мальчика-каратиста, только с другим характером. Для киносъёмок. Пойду, Гриша, поздно уже. Только не приглашай всех подряд в свою квартиру, а раньше времени в Рай попадёшь. Ещё хочу тебя попросить — о нашей встрече никому ни слова. Родители станут волноваться. А ты должен беречь их нервы. Обещаешь?

— Да, конечно. Я бы и так ничего не сказал. Мама очень за меня боится, с папой ругается. Он хочет, чтобы я карате занимался, а мама — нет. Хотя пока всё нормально, но она папу постоянно пилит.

— А тебе самому нравится карате? — Самвел уже хотел пойти к двери, но опять задержался.

— Нет, — честно признался Гриша. — Я не люблю ни ссориться, ни драться. Мне так трудно бить человека, что потом сердце болит. А как там будешь иначе? — Гриша прижал ладони к щекам и поморщился. — Но папа говорит, что без этого в армии «деды» убьют. А мама сказала, что из духовной семинарии в армию не забирают.

— Тебя очень хвалят в секции, — польстил Грише Самвел. — Как же ты так хорошо успеваешь, и при этом не любишь карате? Этот вид спорта, как никакой другой, требует, чтобы в него вкладывали душу.

— Папа сказал, что мне надо туда пойти. А раз пошёл, изволь хорошо учиться. Может, я чего не понимаю? Взрослым виднее.

Гриша стеснялся разговаривать с чужаком о родителях, но отшить любопытствующего типа не мог в силу природной деликатности.

— Да ты же сам почти взрослый, — удивился Самвел. — Через восемь лет уже сможешь жениться.

— Да, папа с мамой поженились, когда им было по восемнадцать лет, — согласился Григорий. — Перед тем, как ему в армию идти. Папа маме тогда подарил кошку — голубую, абиссинскую. Она и сейчас у нас живёт. Старенькая, правда.

— Кошка у вас? Не собака?

Самвел вспомнил, что в джипе ждут ребята. И, вероятно, начинают волноваться. Он же обещал вернуться быстро.

— Мама собачьего лая совсем не выносит, — пояснил мальчик серьёзно и доброжелательно.

— Ясно. Что ж, Гриша, я бы на твоём месте бросил карате. Негоже святому отцу разбивать кирпичи и переламывать доски. Книг больше читай, думай о жизни. За этим люди к тебе пойдут...

Геворкян потрепал мальчика по голове и направился к двери. Уже с улицы обернулся.

— Да, так ты не жди, иди домой. Не будет никакой записки. Просто ты должен был спуститься сюда — для этого вот разговора. Пока, отец Григорий!

Самвел быстро пошёл к джипу. Мальчик, зардевшись, втянул голову в плечи и, что-то шепча, на цыпочках отправился в лифт. Ему совершенно не было страшно. Поднимаясь на свой этаж, Гриша думал, что с папой надо поговорить, когда тот вернётся из театра. И убедить его в бесполезности дальнейших занятий карате.

— Я же говорил, что не подойдёт! — Саня Кутьин открыл дверцу перед усталым Самвелом. — Два молодых болвана из семьи партийных работников породили такого же третьего. И у всех не хватает.

— Куда-нибудь сегодня едем еще? — Денис Перетягин очнулся от своей чуткой дрёмы, которая всегда одолевала его на стоянках.

— Никуда. Домой. И так два раза одну «тачку» использовали. — Самвел устроился поудобнее, прикрыл глаза.

— К тебе? — уточнил Перетягин.

— К шефу. — Самвел достал свой чудо-блокнот и убрал из списка Григория Сидорова. — Хватит на сегодня этих.

Когда джип поехал по Алтуфьевскому шоссе к Кольцевой автодороге, Геворкян негнушимся

пальцами послал не пейджер Махмиева второй отрицательный сигнал.

Темир отложил вновь огорчивший его пейджер, включил бра в форме оплившей толстой свечи. Потом проверил, на месте ли «ГТ» и закурил. В запасе у Самвела оставалось ещё трое мальчиков, и хотя бы один из них мог пригодиться. Сейчас же Темиру хотелось думать о юной длинноногой фее. Перед тем, как пейджер подал голос, она, почмокивая во сне, сосала мочку уха клиента и обнимала его детскими руками с отменным маникюром.

С такой вот милашкой приятно было спать под вой ветра, в предзимнюю ночь, на шикарной итальянской кровати «Глория». Мебель была сделана из ореха, с арабским орнаментом и хрустальными окошечками на спинках; обита кремово-розовым шёлком.

Темир вздохнул, вытащил руку из-под пышных волос красавицы, назвавшейся Дианой. И, выйдя на пейджер Самвела, дал ему сигнал, приглашающий срочно приехать в загородный дом.

Что ж, девочка подождёт немного — дело прежде всего. С «сутиком» новой, более уважаемой конторы, неприятностей не будет — Темир заплатил за всю ночь.

Махмиев надел шёлковый халат, подпоясался золочёным шнуром с кистями. Он сунул ноги в

репсовые домашние туфли. Положил в карман пистолет. Легко ступая по шершавому. Затканному розами ковру, он вышел в соседнюю комнату. Там в любое время суток он принимал самых близких людей. В левой руке Темир нёс плоскую дубовую фляжку с ямайским ромом, под которой так славно беседовать долгой зимней ночью. А девочка — совсем свеженькая, пятнадцать лет всего. Пусть отдохнёт — она уже успела славно поработать.

Темир зажёл швейцарский светильник — «керосиновую лампу», спустился в кресло — мягкое, обтянутое кремовой кожей, и стал ждать Самвела. За окнами вновь летел снег, очищая грешную землю, замечая грязь, гарь и кровь.

* * *

У следующего кандидата, Максима Подсосова, собака была — кокер-спаниель Джина светло-бежевой масти, спокойная и неопасная. Мальчик часто гулял с ней около своего дома на улице Усиевича, близ станции метро «Сокол», и редко поручал это кому-то другому.

Теперь у Самвела, Сани и Дениса оказалась в распоряжении другая машина — сияющий тёмно-сливовый джип «Шевроле-Блейзер». Все трое наглухо заgrimировались, позабыв на время операции о своей подлинной внешности. Перетягин

линзы не надевал, а вот Геворкян и Кутьян ими воспользовались. Водителю пришлось свои усы сбрить, а его пассажирам, наоборот, наклеить. Одежду тоже выбрали другую, Вернее, не выбирали, а просто купили всё новое. Чувствовали себя в ней не очень удобно — из-за грима и новых тряпок наступало что-то вроде бреда с раздвоением личности.

Сегодня ехали по кладбищу разбитых и обгорелых машин, занесённых снегом, и на его фоне его первозданной чистоты ещё более безобразных. Геворкяну казалось, что искалеченные эти обломки — живые. Смотрят они на великолепный джип разбитыми фарами, шамкают ртами моторных решёток. Некоторые скелеты проржавели насквозь и почти рассыпались в труху. Эти, видно, стояли долго. Появились и новые — как всегда, в начале зимы, авто заносило на наледи.

Когда ехали в Москву, джип залепила каша из комьев снега, воды, соли и песка. Ветер швырял эту гадость навстречу, и на душе у Самвела стало совсем мерзко. Он даже выключил магнитола. Казалось, что и этот, третий мальчик не сгодится для дела. Фонари наверху качались, огромные тени ползали по стенам домов и продрогшим кустам в сквере. Лужи под колёсами светились, плескались и шипели.

Они подкатили со стороны улицы Черняховского, свернули около театра «Баку», от одного названия которого Самвела передёрнуло. По сведениям разведки, Максим Подсосов должен был сейчас гулять с собакой. Третья фотография из бумажника лежала на ладони Самвела. Полноватый парнишка с тёмным «бобриком», на вид невозмутимый и собранный. Но вид — это одно, а в деле его сейчас проверят. Насчёт первых двух Самвел рассказал Махмиеву, и тот с его доводами согласился.

Подсосов замаячил неподалёку, в свете фонаря у первого этажа. Дом не походил на те, вчерашние, «коробочки» — тяжеловесный, сталинской эпохи. Самвел сделал знак, и Денис подогнал джип поближе к объекту. Фары не стали тушить, чтобы не напугать птенчика раньше времени.

На Максиме была надета маленькая обливная дублёнка, к ней — импортные лыжные ботинки. Его «бобрик» запорошил снег — шапки будущий борец принципиально не носил. Самвел уже разглядел, что мальчик жуёт резинку. Своей собаке Максим то и дело бросал корявую, но чистую палку.

— Пусть подальше швырнёт. — Самвел уже точно знал, как надо поступать.

— Саня, ты выходишь из машины и спрашиваешь насчёт проезда на улицу... Денис, какая здесь не очень далеко, но и не рядом? Ты давно в Москве живёшь...

Перетягин чуть поразмыслил.

— Допустим, улица Клары Цеткин.

— Сань, вылезай, он сейчас кинет палку. И когда он отвернётся от тебя, чтобы показать улицу, тут же бери его. Этого придётся в машину пригласить. На улице, у своего дома, он заорать может.

— Понял. — Кутьин открыл дверцу и вышел на тротуар.

Максим бросил палку далеко вперёд, в кусты. Собака, как сумасшедшая, бросилась за ней.

Саня неслышно подошёл сзади:

— Слушай, парень, будь другом... Мы заблудились. Как проехать на улицу Клары Цеткин?

Максим обернулся. Глаза его были карие, лицо — курносое, простоватое. Наверное, таких специально подбирала разведка. Ликвидаторы должны быть «коренными», стандартными, незаметными.

— Это там!

Подсосов махнул рукой, указывая направление вдоль Балтийской улицы. Собака копошилась в дальних кустах — наверное, она уже

не различала палку в темноте. Времени оказалось чуть больше.

Саня молниеносно схватил мальчика, заткнул ему рот чистой, аккуратно свёрнутой тряпкой. Легонько, чтобы не сломать и не вывихнуть, завернул ему руки за спину. Через мгновение они уже были в джипе.

— Денис, какое здесь шоссе ведёт к Кольцевой? — с улыбкой спросил Самвел.

— Волоколамка, — не оборачиваясь, ответил Перетягин.

Кутьин усадил пленника на заднее сидение «Шевроле». Джип взревел и буквально улетел на запад, в снежную круговерт и пронизанную электрическими огнями темноту.

Геворкян включил фонарик и направил луч в лицо мальчика. Тот смотрел вытаращенными глазами и вообще не шевелился. Активного сопротивления ожидать и не приходилось. На ребёнка напал мощный «качок» — неожиданно, в темноте. Силы явно не равны. Но если вынуть кляп и заговорить с парнем нормально, как он себя поведёт? Может быть, он задыхается? Вдруг у него насморк? Или жвачка в горло попала?

— Саня, кляп вытащи, — приказал Самвел, поудобнее устраиваясь на сидении.

Ленинградский проспект плавно перешёл в Волоколамское шоссе. Самвел подумал, что, если

сейчас не выгорит, вскоре придётся ехать примерно в эти же места — к станции метро «Войковская». Можно бы завернуть прямо сейчас, но всё-таки торопиться не надо. Замахнёшься на двоих, а не проверишь ни одного. Тут вполне и в розыск могут объявить. Собака одна домой прибежит, и — с приветом.

Мимо станции «Покровское-Стрешнево» они добрались до метро «Тушинская». Потом Денис свернул к шоссе, заехал в непролазные кусты около грязных, размытых берегов какой-то речушки.

— Дальше не надо, здесь разберёмся, — сказал Самвел. — Потом обратно.

Погони Геворкян не боялся. Все трое были в гриме и тонированных очках. Всякие детали, типа тембра голосов, акцента и прочего в этом роде перепуганный мальчишка вряд ли запомнит.

Дома массива Тушино сгрудились неподалёку. Сквозь ветки светились яркие московские огни, а в вышине надсадно выл ветер. Он гнал на пологий берег волну, трепал голые кусты, которые скребли по кузову и стёклам уже грязного «Шевроле».

Перетягин повернулся на водительском сидении и тихо сказал Самвелу:

— Здесь, на Летней, клуб юных автомобилистов. Когда переехали в Москву из Ижевска, я там занимался.

— Значит, хороший клуб, — похвалил Геворкян.

Самвел встревожился. Подсосов, уже давно освобождённый от кляпа, сидел неподвижно, и смотрел только перед собой.

— Как они тебя качественно подготовили! — отреагировал и Кутын. — Ты эти места хорошо знаешь?

— Ночью без очков проеду. — Денис потянулся, разминаясь. — Стоим пока, шеф?

— Стоим. Можете оба пойти покурить.

Самвел занялся пленником и вздрогнул, увидев помертвевшее лицо ребёнка, его налитые слезами, перепуганные глаза. Геворкян сжал руками ледяные щёки Максима. Потом сделал неуправляемое движение, и прилипшая к нёбу жвачка выпала на сидение «Шевроле». Самвел надел перчатку, взял комочек, похожий на крохотный человеческий мозг, завернул в салфетку. Потом открыл «бардачок» и сунул комочек туда. На этом месте не должно было остаться никаких следов.

После того, как жвачка была удалена, челюсти Подсосова разжались. Руки его тоже были свободными. Самвел едва сдерживался, чтобы не отхлестать паршивца по щекам. Они опять зря потратили силы, время и бензин. Первый кандидат в ликвидаторы оказался подлецом, второй — святошей. Третий — элементарным трусом. Самвел

уже не верил, что в славном городе Москве живёт хоть один будущий мужчина, на которого потом может положиться семья.

— Тебя Максимом зовут? — Самвел хотел дотронуться до плеча мальчика, но тот отпрянул назад. — Твоя фамилия — Подсосов?

Паренёк не отвечал. Мокрая щётка его волос подсохла в тёплом салоне джипа и задубела. На лбу выступил пот. Капли, быстро увеличиваясь в размерах, падали на скулы, на губы. Максим Подсосов не понимал вопроса, не реагировал на собственное имя. Полнейшая обездвиженность начала тревожить Геворкяна. Возвращать родителям психического больного сына в его планы никак не входило.

— Сань, ты ничего не повредил ему? — спросил Самвел у вернувшегося морпеха. — Аккуратно сработал?

— Нормально. Всё в порядке должно быть. Я старался. Он струсил просто. Может, ему бренди дать?

— Ни к чему. Сейчас я так попробую. — Самвел осторожно обнял мальчика на плечи, повернул к себе лицом. — Максим, ты ведь борьбой занимаешься. Мужчиной должен быть, а не бабой. Чего молчишь? Отвечай. Скажи что-нибудь.

Денису тоже стало интересно, чем всё это кончится. Он снова закурил свой любимый

«Кэмел». От вида сигаретного огонька Максим окончательно впал в транс. Самвел понял причину. Парень боится, что его сейчас начнут прижигать сигаретой. Но о таком и думать было страшно. Максим точно получил бы разрыв сердца или окончательно сошёл с ума.

— Ничего плохого мы тебе не сделаем. Максим, твой отец занимается торговлей с бензовозов. Доход у него приличный. Думаю, не откажется заплатить сто пятьдесят тысяч долларов за спасение единственного сына. Для него это плёвая сумма, правда?

Самвелу внезапно расхотелось говорить с этой мразью, но немного времени у него ещё оставалось.

— Не бывал пока в заложниках? Что ж, когда-то надо было начинать. Это не так страшно, как кажется.

Внезапно пленник обрёл дар речи. Вероятно, слово «заложник» резануло его натянутые нервы, и они ожили. Теперь из растаявших глаз Подсосова побежали солёные ручейки. Губы его прыгали, как в ознобе.

— В-вы м-маньяк? — шёпотом, глотая слова и заикаясь, спросил Максим. В горле и в груди у него клокотало.

— Да что ты, милый! — Геворкян с трудом сдержал себя — так чесались руки. — Я — рэкетир,

понимаешь? Ну, вымогатель. Бизнес у меня такой. Я живу с выкупов. Вот заплатит мне твой папаша — получу доход. Вы ведь тоже существуете на сомнительные деньги. Когда бывают перебои с бензином, твой отец дерёт с бедных «чайников» раз в пять дороже, чем надо. — Самвел потрепал Максима по щеке, о чём горько пожалел.

— Нет, вы — маньяк!

Упрямство Максима было достойно восхищения. Но восхищаться ни Самвелу, ни его спутникам не хотелось. Деревянные губы опять расклеились. Из рта вывалилось ещё три слова.

— Вы изнасилуете меня...

— Помилуй, я не педик! — Самвел встретился взглядом с Кутьиным.

Тот помотал головой и пожал плечами. Неужели шеф думает, что это что подойдёт Темиру? Денис погасил третий окурок и уже собрался ехать назад, к «Соколу». Самвелу страшно захотелось спать. Усталость камнем висела на шее и сводила скулы. Он уже сам себя проклинал за идею искать мальчика-диверсанта. Да, Темир прав. Подходящих детей в Москве просто нет. И искать дальше глупо. И ведь не в музыкальных школах заметили этих терминаторов, дьявол их возьми...

Самвел даже забыл, как он сейчас выглядит. Шатен, с усами подковой, в дутой куртке цвета морской волны. Саня Кутьин был тёмный шатен, с

бородкой. Денис светился во мраке серебристо-седым ёжиком и гладким лицом.

— Маньяк! — в третий раз сказал, вернее, выкрикнул Максим.

Он ревел, всхлипывая и вытирая глаза ладонями. Но всё же это было лучше, чем мертвенная неподвижность.

— Вы убьёте меня. Убьёте...

Самвел услышал в голосе ребёнка обречённость жертвенного агнца. Ему стало жаль трусишку. Чёрт с ним, отвезём обратно. Может, ему конфетку дать? Финскую, с ликёром? Самвел тепло обнял Максима и посадил его к себе на колени, чтобы успокоить. Так он поступал с Тиграном — там, в Салониках. Правда, сын был на шесть лет моложе. Но и это ещё пацан, да ещё такой слабонервный. Должен, вроде, любить нежности. Надо было захватить с собой хотя бы «Милки-Уэй» или другую сладость. Но ведь ехали-то они подбирать диверсанта, а не благородного мальчика в «мыльную оперу».

— Езжай в город. — Самвел тронул Перетягина за плечо.

Потом он полез в карман своей новой куртки, куда накануне засыпал горсть финских конфет «Фазер» с ликёром. Их фантики светились в полутьме, как ёлочные игрушки. Может быть, вкус

шоколада и алкоголя приведёт Максима Подсосова в себя. Тогда его можно будет высадить прямо у «Сокола». А потом уже привычно выйти на связь с Махмиевым. Конечно, шеф из-за вынужденно безделья трахается с очередной «тёлкой» или качается в спортзале. Разумеется, новый отрицательный сигнал его настроения не улучшит.

Будь на Самвеле привычная замшевая куртка, он справился бы быстрее. Но сейчас его рука слишком долго находилась то ли в кармане, то ли у ширинки. Максим Подсосов понял, что его сейчас изнасилуют в особо извращённой форме. Лицо пленника стало белее мела. Денис уже выводил джип на шоссе. Из-под колёс во все стороны летели комья грязи.

— Что же ты так сомлел, борец? — не удержался Кутьин.

Мальчик сильно напрягся и закрыл глаза. Потом рванулся в сторону, но Геворкян его удержал.

— Я ваши лица видел! Вы убьёте меня... — Максим несколько раз икнул.

— Баба трахнутая! Будешь сопли распускать, убьём!

Кутьин не выдержал. Он рванул из наплечной кобуры пистолет и поднял на уровень лица Подсосова. Трусость лиц мужского пола всегда вызывала в его душе ярость.

Ни Самвел, ни, тем более, Денис не успели помешать. Знай Геворкян, что случится позже, он запретил бы Кутьину брать на эту операцию оружие. Но такой вариант показался бы совершенно невозможным...

Максим Подсосов потерял сознание. Его голова, мотнувшись, упала на локоть Геворкяна. Тот почувствовал, что его брюки промокли. Находясь в глубоком обмороке, мальчик расслабился и сходил по-маленькому.

Самвел выругался по-армянски, будучи не в силах больше сдерживаться. Потом, с перекошенным лицом, повернулся к Кутьину.

— На кой хрен ты «дурой» тряс? Он меня обделал...

— Что? — Кутьин отвесил челюсть. — Обоссал? Или...

— Да!

Самвел ненавидел и себя, и Темира, и Кутьина. А. более всего, лежащего на руках парня, в котором так сильно ошибся тренер. Какие, к черту, надежды? Какая перспектива? Гнать его нужно из всех спортивных секций и сажать в психбольницу — коробочки клеить или метлой махать...

— Ты его шарахнул, ты и в себя приводи!

Самвел свалил мальчика на сидение и похлопал себя по коленям. Мочи вылилось

достаточно — в ботинках хлюпало. На ворсистом покрытии пола расплылось сырое пятно.

— Борец, мать твою!.. — сквозь зубы процедил Кутьин.

Он перебрался назад, стал вливать в рот ребёнку бренди, пихать под нос флакончик с нашатырём. Но всё было безуспешно. Максим Подсосов тяжело дышал, привалившись щекой к спинке сидения. «Варёнки» облепили его ноги, а руки распластались на груди.

— Куда сейчас ехать-то? К его дому?

Перетягин тормознул у светофора. Самвел глянул на часы — половина одиннадцатого.

— Останови пока. — И Самвел послал сообщение по пейджеру.

Махмиев услышал сигнал, опустил штангу, которую поднимал в положении лёжа. Он сел на коврике, сверкнул глазами, вытер пот.

Самвел приедет и объяснит, почему забраковали третьего. Остаются двое ребят. Если с ними не выйдет, то суки останутся жить, по земле гулять. Тогда придётся уходить из жизни самому Темиру. Потому что вместе им оставаться никак нельзя. Или подохнет Махмиев, или те семеро.

— Не приходит в себя. Шок, видимо. — Кутьин уже и сам испугался. Он клял себя за дурацкую вспышку и игру с оружием. — Куда его теперь? Не на улице же бросать! Мороз будет.

Саня открыл люк на потолке, увидел звёзды, провода, снежинки. Вдохнул полной грудью стылый вкусный воздух, захлопнул люк.

— Звони Игорю Константиновичу, его папаше!

Самвелу до боли в сердце захотелось приехать к себе в Дегунино, на Клязьминскую улицу. Там ему пришлось поселиться совсем недавно — по приказу Махмиева. Первую, роскошную квартиру в Кунцево взяли под наблюдение.

Геворкян представлял, как стащит с себя пропитанные мочой брюки, наполнит ванную, выльет туда сандаловое масло или что-то в таком роде. А потом будет долго мыться под душем, чтобы ни одной молекулы не осталось на коже, ни одного атома. Но от воспоминаний не избавишься, сколько ни вычёркивай из списка третью фамилию. Хорошо, что она редкая, и вряд ли ещё встретиться в жизни. А ведь будет потом тошнить при виде ни в чём не повинного человека...

— И что сказать? — Кутьин уже держал на ладони свой «Самсунг».

— Он должен явиться к метро «Сокол» и забрать своего отпрыска. Через двадцать минут, не раньше. Грех с отца выкуп брать за такое дерьмо. Даром отдадим. Звони.

Самвел убрал из списка фамилию «Подсосов» и с отвращением покосился на десятилетнего борца

в мокрых брюках. Потом стал равнодушно наблюдать за Саней, нажимавшим кнопки телефона.

Зелёный плоский аппарат серебристо зазвонил на полированном столе, за которым семья Подсосовых обычно обедала. Джина, прибежавшая с улицы одна, перестала скулить в углу. Напротив, она зашлась звонким и радостным лаем.

К аппарату кинулись все Подсосовы. Мать Максима — брюнетка со спортивной стрижкой, в розовым кашемировом пиджаке и чёрных широких брюках, благоухающая ароматами южных садов — замерла посреди комнаты. Каблучки её туфель «барокко» с бантами утопали в ворсе швейцарского ковра. Она только что вернулась с работы, вместе с мужем. Они делали деньги в одной фирме, где женщина была бухгалтером.

Гладко выбритый, полноватый мужчина в клетчатом респектабельном пиджаке, решительно снял трубку, потому остальные боялись. Тут же присутствовали и бабушка с дедушкой. Она — в стёганом кремовом пеньюаре, он — в атласной полосатой пижаме.

По всей квартире горел свет — от роскошной люстры на потолке гостиной до голландских ночников под ситцевыми абажурами. Постели стариков, широкие и мягкие, были распахнуты. Их

сын и невестка ещё не успели переодеться в домашнее.

В открытую форточку на кухне врывался ледяной, пахнувший смогом, ветер. Под вытяжкой горели все конфорки. На одной из них уже давно надрывался чайник в виде утки, остальные работали вхолостую. На столе-тумбе валялась «утиная» грелка из того же гарнитура. В виде уток были выполнены солонки и банки для круп.

Вообще, посуда у Подсосовых была очень красивая — тарелки с «ковровой» росписью, рифлёные французские стаканы с небьющегося стекла. Со всяких полочек и подоконников смотрели голландские керамические коровки. Дедушка как раз пил перед сном персиковый йогурт, и на его подбородке висели аппетитные капли.

— Я! Я возьму... — Мать Максима впилась в трубку, вырвав её у мужа. На шее женщины дрожали пять золотых цепочек разной толщины. — Слушаю! Это милиция?

— Мне нужен Игорь Константинович, — спокойно, даже лениво отозвался мужской голос.

— Кто вы?! Вы... — Женщина зарыдала. Муж отобрал у неё трубку.

— Слушаю вас. — Голос Подсосова-отца дрогнул, сорвался.

Бабушка бросилась капать корвалол в хрустальные рюмки, а дедушка запоздало схватился за сердце. Джина лаяла так оглушительно, что с трудом различался голос звонящего. Отец понимал только, но на связь вышли похитители Максима, и пожалел об отсутствии аппарата с определителем.

— Собака не воет, ты видишь? — успокаивала бабушка свою невестку. — Джинка обязательно почуяла бы беду. Она гавкает скорее радостно, виляет хвостом. Ничего плохо не будет.

— Они выкуп заломят. — Дедушка после корвалола допил йогурт. — Игорь сможет ли вытянуть? Я ж говорил — надо Максиму охрану взять, хотя бы для вечерних прогулок. А он говорит, что и охранника купят, если очень захотят.

— Игорь Константинович Подсосов? — спросил незнакомец. Голос его звучал не угрожающе, а, скорее, сочувственно. — Вы не волнуйтесь только. Успокойтесь.

— Ничего себе! Сына спёрли — и будь спокоен! — взорвался отец. Это вы сделали? Вам нужны деньги? Говорите сразу — сколько?

— А нисколько, — насмешливо отозвался голос.

Подсосов беспомощно взглянул на домашних, не понимая, что бы это значило. Потом он перевёл глаза на чёрное, не зашторенное окно. Отдалённый

фонарь сеял свет сквозь ветки тополя на огромный стереофонический телевизор «Хитачи».

— То есть... Я не понял, что значит «нисколько». — И вдруг страшная догадка взорвала мозг отца. — Мой... мой сын... жив? Жив, я вас спрашиваю?! — Вопль сорвался на фальцет.

— Не кричи, дяденька, я не глухой, — гадко ухмыльнулся звонящий. Судя по всему, говорил молодой человек. — Жив твой наследник, но не скажу, что здоров. Придётся долго лечиться у психиатра. Ты давай, одевайся и спокойным шагом иди к метро «Сокол». Забери у ментов своего говнюка. Это за него выкуп требовать? Мы не такие шалавы. Вам только посочувствовать можно. Лучше бы твоя жена аборт сделала. Всё понял?

— Подождите! — Подсосов закашлялся. Он боялся, что этот уголовник сейчас положит трубку. — Зачем же тогда вы его похитили?

Он не верил своему счастью. Сын жив, и это — главное. А вылечить его всегда можно — деньги имеются.

— А это вам ни к чему, — отрезал наглый парень. — Итак, паценок будет в милицейском пикете. Он обоссался, так что прихватите сухие штаны. Через двадцать минут — не раньше! И впредь охрану для него держите. Если, конечно, он не побоится вечером на улицу идти. Ну, чао!

Самвел знал, что до завтрашнего дня его совесть будет спокойно спать и не терзать сердце. О поездке к четвёртому мальчику не могло быть и речи. А Геворкян трудами праведными заслужил свой законный отдых. И, главное — ванну с долгим, горячим душем.

* * *

«Наши вожди сидят в тюрьме,
Наша страна сидит во тьме!»

пела, вернее, орала оборванная старуха у павильона метро «Каширская».

Кутьин здесь бы один — без Самвела и Дениса. Он ждал женщину, о которой до сих пор слышал лишь героические истории. А вот теперь пришло время познакомиться с ней лично. Именно эта дама могла им помочь в похищении четвёртого кандидата в ликвидаторы — Сергея Копылова. Александра Антропова была его телохранителем.

«Стоит раскормленный еврей
У полированных дверей.
И всем, кто русский патриот
Показывает от ворот!»

Бабка торговала анпиловской¹⁷ «Молнией». И, видимо, очень хотела, чтобы её забрали и посадили на казённые харчи. Рядом скучал молоденький милиционер и не обращал на неё никакого внимания.

Кутын наблюдал за старухой и ментом уже довольно долго. Он ждал, когда на бронированном «Мерседесе МБS 600h» подъедет хранильница тела Копылова-младшего. Плюс ко всему, Александра Сергеевна исполняла обязанности шофёра при мальчишке. Саша умела, казалось, всё. Прошла школу спецназа КГБ, десять лет назад отличилась в Афганистане. Позднее — на таджикско-афганской границе. Была ранена во время боя отрядом Сангака Сафарова¹⁸ с исламскими экстремистами.

После этого долго жила в Грузии — на родине предков своей матери. Три месяца назад вернулась

¹⁷ АНПИЛОВСКАЯ «МОЛНИЯ» — название газеты, выпускаемой В.И.Анпиловым (1945) — лидером коммунистической организации «Трудовая Россия». Выходила в 1990-х г.г. В.И.Анпилов был арестован после октябрьских событий в Москве (1993). Амнистирован постановлением Государственной думы в 1994 году

¹⁸ САНГАК САФАРОВ — лидер вооружённых формирований в Таджикистане (в начале 1990-х годов)

в Москву и по протекции одного из своих коллег устроилась к его другу. Тот возглавлял охрану крупнейшего банка столицы и искал воспитателя, охранника и водителя для сына в одном лице.

По словам знающих людей, Сергей Копылов был весь в отца — рослый, красивый, жёсткий и смелый. Такая воспитательница была ему как раз — занималась карате, спортивной стрельбой, верховой ездой, плаванием. В свободное время Саша преподавала в женской группе школы телохранителей. Это не считая альпинизма, бокса и лёгкой атлетики. Кроме всего прочего, Антропова была знающим спелеологом.

Нынешнее положение Александру в какой-то степени устраивало. Удалось забрать у свекрови сына Гордея, который до пятнадцати лет рос практически без матери, да и без отца тоже. Валентин Ланин, альпинист-спасатель, во время поисков заблудившихся при восхождении англичан, сорвался с ледяного склона. Он пролетел около ста пятидесяти метров, сумел сгруппироваться и остаться в живых. Но при падении сломал обе ноги, не считая разрыва многих внутренних органов — в том числе мочевого пузыря и селезёнки.

Это случилось близ вершины Ужба, одной из самых тяжёлых в Приэльбрусье. Ланин не пожелал быть инвалидом. Он зарядил свою ракетницу и выстрелом сжёг голову. Александре оставил

записку, где просил простить и понять. Саша поняла и простила, заявив, что на месте мужа поступила бы точно так же.

Обосновавшись в Москве, Антропова вплотную занялась воспитанием сына. Она желала, пользуясь многочисленными связями своего хозяина, дать возможность Гордею сделать карьеру финансиста. Парень знал, что это престижно, и потому не возражал.

Кутьин, разглядывая выставленный на витринах киосков ширпотреб, прохаживался около станции метро. Он то и дело сверялся с командирскими часами, которые не желал менять ни на какую импортную дребедень.

Все флакончики, коробочки, колготки в пакетах, нижнее женское бельё, кожаные куртки, бижутерия, обувь и прочие товары зарябили перед глазами. Кутьин отошёл к другому ларьку с намерением купить баночку пива. Сам он был одет как добропорядочный гражданин — в ворсистое серое пальто, вязаную кепку, слегка промокшую от талого снега. На нос Саня насадил очки с простыми стёклами, а в руку взял дешёвый «дипломат».

Смеркалось. Ларьки светились нежно и призывно. То тут, то там вспыхивали огоньки сигарет. К станции метро валили люди с автобусного кольца. На другой стороне шоссе

пассажиры выходили и, обегая лужи, торопились к остановкам.

Именно насчёт такой одежды своего посланца договорился Самвел Геворкян с Александрой Антроповой. Сам же он, прихватив в помощь другого спецназовца, поехал к ней домой, на Ярцевскую улицу — у станции метро «Молодёжная». Там он позвонили в дверь. Когда подготовленный матерью Гордей открыл, ворвались в прихожую. Юноша покорно дал себя связать, залепить рот пластырем и впихнуть в лифт. Через минуту «Ниссан», управляемый тем же Перетягиным, мчался на другой конец Москвы — в Новогиреево. Там, на Свободном проспекте, у Самвела была приготовлена квартира, снятая на двое суток.

Туда же Геворкян велел привезти Серёжу Копылова, похищенного с помощью Александры. Несмотря на богатство отца, мальчишка вполне мог заняться диверсионной деятельностью. Детей, обычно, интересовали не столько деньги, сколько новые возможности — показать себя и проверить.

На первых трёх мальчиков десятилетний Копылов совсем не походил. Кроме спортивной гимнастики и всех тех дисциплин, что преподавала ему Антропова, освоил ещё азы кикбоксинга. Да и деньги... Сколько бы их у родителей ни было, а всегда хочется иметь свои, о которых никто не

знает, а потому не требует отчёта. Да, это не Гриша Сидоров. Такой пойдёт по трупам, что Темиру и требуется.

Шестисотый «Мерс» отделился от основного потока и припарковался неподалёку от универмага. Щурясь на мутные круги фар, Кутьин спустился в подземный переход, быстро оказался на другой стороне Каширского шоссе и подошёл к автомобилю. Он снял очки, протёр их носовым платком и сунул во внутренний карман пальто.

Дверца лимузина неожиданно открылась. Женская рука в кожаной перчатке втащила Саню в салон с такой силой, что бывший морпех сам себе показался пушинкой. Далее дверца захлопнулась, и Александр Кутьин оказался наедине со своей тёзкой.

Она сидела за рулем и улыбалась — очаровательная шатенка с синими глазами. Лицо было бы идеально красивым, но его портили низкие прямые брови и брезгливо надутые, несмотря на улыбку, губы. Кроме того, на верхней темнел пикантный пушок. На затылке грозной дамы пристроился модный сейчас бант из бархата со стразами. Судя по всему, Антропова была высоко роста — примерно метр восемьдесят. Наверное, за счёт длинных ног, так как в сидячем положении особо мощной не казалась.

— Добрый вечер, Александр Андреевич! — официально поздоровалась Антропова, протягивая руку — уже без перчатки.

— Вечер добрый, Александра Сергеевна. — Кутьин ответил на рукопожатие, сделав свою ладонь деревянной, чтобы не чувствовать боли.

— Самвел передал на мой пейджер сообщение, что Гордей уже у него.

Александра явно привыкла сохранять спокойствие в самых жутких ситуациях. Сейчас она смотрела вперёд, в сторону холмистых Царицынских просторов, не видных за домами. Здесь, на Каширке, было сложное устройство станции метро. С каждой стороны шоссе входили на одно направление движения. Обе электрички шли параллельно в центр или от него, а не навстречу одна другой. Далее линия разделялась на Каховскую и Красногвардейскую.

— Аванс вы уже получили? — спросил Кутьин, разглядывая Александру.

Почему-то стало обидно, что она служит нянькой у сопливого мальчишки, в то время как Махмиеву не хватает спецов такого вот класса. Но, если удастся найти подходящего мальчика, Саша будет его готовить. Кажется, предварительная договорённость с Темиром у Антроповой уже есть. «Бабки» она получит хорошие. Особенно смешно окажется, если сгодится этот, четвёртый.

— Да, Самвел сделал всё, как обещал. Мы нашли общий язык.

Александра усмехнулась, но губы остались теми же — обиженно надутыми — под нежно-розовой помадой.

— Не знаю, что из этого выйдет, Возможно, я лишусь места.

— Шеф будет счастлив пригласить вас на постоянную работу. — Кутьин знал вкусы и требования Махмиева. — При вашем-то профессионализме охранять мальчишку, никакой ценности не представляющего...

Александра накинула на голову капюшон красной кашемировой куртки. Она была вооружена — Саня угадал очертания изящной кобуры даже сквозь ткань. Обута легендарная женщина была в чёрные сапожки на каблучках, отделанные серебристой кожей. Ноги плотно обтягивали светло-серые леггинсы. Макияж Александры был безупречным, а волосы — гладкими и блестящими.

— Подумайте над этим предложением, — продолжал Кутьин. — Не волнуйтесь насчёт места. На профи всегда огромный спрос.

— Придётся, что ж делать. Теперь едем? — Антропова покосилась на Кутьина. — Наденьте пока очки. Вас не должны узнать даже случайно.

Она ни о чём не спрашивала. Наверное, Самвел объяснил всё раньше. По крайней мере,

покаялся, что ничего плохого с сыном Копылова не случится.

— Едем, — согласился Кутьин, с сожалением насаживая очки на не привычный к ним нос.

Глаза начинали слезиться, а брови — дёргаться. Всё это вполне могло помешать при осуществлении операции. Самвел не собирался подруливать к дому на улице Академика Янгеля в Чертанове. Кутьин с Антроповой имели задание доставить отрока в Новогиреево. Там ему и собирались продемонстрировать Гордея — связанного, с заклеенным ртом. А далее — предъявить требования о выкупе.

Самвел, между прочим, обронил, что в процессе проверки всем нужно покинуть квартиру. А потом посмотреть, станет ли Серёжа Копылов, которому, как младшему, развяжут руки, пытаться спасти сына своей наставницы.

Александра положила обе руки на руль — пальцы были тонкими, но загрубевшими, в серебряных витых колечках. Мочки ушей она так и не проколола. «Мерс» женщина развернула с таким мастерством, что позавидовал бы сам Денис Перетягин. Заметив, что Саша не расположена к разговору, Кутьин молчал и думал, как убедить героиню оставить постыдную для неё службу. Она, москвичка, имеет боевые награды, знает пять языков. Да Темир ей баксы мешками бы отсыпал...

По Котляковской улице они проехали на Варшавское шоссе. Кутьину иногда казалось, что бронированный «Мерс» сейчас оторвётся от скользкого асфальта и взлетит. Перед глазами работали «дворники», и светились приборы на панели. Сияли даже сами стены салона. Пахло духами «Maggie Noire». Интересный аромат — то ли шипровый, то ли восточный.

Кутьин вспомнил эти места — там обслуживали его «Жигули» десять лет назад. В пути ничего особенного не случилось. За окном были все те же дома, деревья, «комки» и слякоть.

— Вы сейчас должны взять его в секцию? — нарушил молчание Саня.

Говорить с этой женщиной можно было только о деле. На пустяковые комплименты она бы просто не отозвалась.

— Да, на гимнастику. Поднимусь за ним в квартиру, сведу вниз. Я его сопровождаю вне дома постоянно.

— И во время занятий находитесь рядом? — оживился Кутьин. Он хотел услышать о «номере четыре» самое авторитетное мнение.

— Сижу в зале. Я не должна выпускать его из поля зрения на секунду.

Антропова вела автомобиль так, словно играла на скрипке. Кутьин видел, что она в состоянии уйти практически от любой погони.

— Александра Сергеевна, вы в таких делах, как говорится, сечёте. Что вы можете сказать о Котлярове?

— О хозяине? — удивилась Антропова.

— Нет, о сыне.

Кутьин смотрел на громады южных московских новостроек, мелькающих за окнами «Мерседеса». Впереди с боков горели фары чужих автомобилей, играли огнями светофоры.

— Что? — Александра задумалась. И неожиданно отрезала: — Дрянё мальчишка.

После этого она идеально вписалась в правый поворот.

— Мы приехали? — Кутьин не ожидал, что это случится так быстро.

— Да, Александр Андреевич. Через пять минут я должна за ним подняться.

— Дрянё? — Кутьин пожалел, что не узнал этого раньше.

Странно, неужели сам Геворкян упустил такой источник информации, как Саша? Ладно, все оценки субъективны. Посмотрим, действительно ли Копылов дрянё. Ведь Махмиеву нужен не просто любой мальчик, а способный на подвиги и жертвы.

— Увидите. — Александра щёлкнула замком дверцы. — Подождите здесь. Лучше сам укрыться между сидениями. Когда тронемся с места, делайте,

что собирались. Только постарайтесь не искалечить.

— Нет, ни за что. Мы же обещали, — заверил Кутьин. — Сейчас у него дома есть кто-нибудь?

— Есть мать, но она вниз не спускается. Верит мне.

Александра явно не чувствовала раскаяния. Кутьин ощутил всю степень её ненависти к «господам». Саша даже без оплаты в долларах помогла бы провести эту операцию.

— Я сейчас к вам вернусь.

Антропова заперла сообщника в машине и направилась к подъезду. Кутьин ухмыльнулся. А вдруг сейчас за ним пожалуют охранники Копылова-старшего? Нет, никакая мать не пойдёт на это, когда её сын в руках группировки, куда входит Кутьин. Хотелось курить, но было нельзя. Саня пожевал резинку, расслабился, словно перед схваткой. Потом увидел, что дверь подъезда открывается, и скользнул вниз.

Саша вышла первая. За ней — симпатичный мальчик-шатен в кожаном-замшевом чёрном куртке, «варёнках» и ослепительно-белых кроссовках. Телохранителя Копыловой использовали не по правилам — не оставляли его руки свободными. Александра, правда, надела лямку Серёжиного рюкзака на плечо, но и так не полагалось поступать.

Мальчишка явно знал себе цену. Сухощавый, лёгкий, с идеальной причёской, стальным взглядом. Такой, наверное, шефу подойдёт. В специальную дюралевую трубку Кутьин видел обоих, как на ладони. Но почему Саша сказала, что он дрянь, вот вопрос! Антропова не из тех, кто называет ребёнка дрянью за элементарное непослушание, неуважение к старшим.

Подполковнику Антроповой вполне достаточно того уважения, что ей оказывают. Она носила Звезду Героя Советского Союза и ещё массу колодок на тёмном жакете или кителе, а потому не обращала внимания на такие мелочи. Значит, причина более веская. За своё унижение с рюкзаком она тоже не станет поливать хозяйского сына грязью. В конце концов, сама выбрала эту долю.

После ранения в бедро Александра Сергеевна котировалась ниже, но Темир Джемалович Махмиев по кличке Реваз тоже многократно был ранен, и потому считал дело поправимым. Профессиональная же её ценность сомнений не вызывала.

Антропова открыла дверцу, и Сергей Копылов уселся рядом с водительским местом. Александра захлопнула за ним дверцу, обошла машину и села за руль.

— Давайте поскорее! Вы опоздали сегодня, — приказал Серёжа. Он, как и Подсосов, жевал резинку.

— Неправда. Я явилась минута в минуту, — спокойно ответила Александра. — У вас спешат часы. Наверное, они не совсем в порядке.

— Или у вас что-то там не в порядке! — заносчиво откликнулся Сергей.

Кутьин решил проучить его хотя бы за этот тон в разговоре с заслуженным человеком. Саня приподнялся и быстро опустил руки на плечи мальчика. Тот сильно вздрогнул.

— Тихо! Тихо, Серёжа. Не балуй.

Копылов вдруг наклонился вперёд, едва не ударившись лбом о стекло. Он попробовал, изогнувшись, толкнуть Александру, чтобы машину занесло на обочину. Таким образом, мальчик хотел привлечь внимание прохожих или ГАИ. Антропова, однако, изогнулась, как резиновая, а Кутьин сжал мальчику руки. Тот, дико вскрикнув, замолк.

— Баба! — процедил сквозь зубы Кутьин. — Я же не сильно. Чуть-чуть.

— Вы взяли меня в заложники? — Боль несколько уладила пыл Копылова-младшего.

Он понял, что ребята, заинтересовавшиеся их деньгами, не остановятся ни перед чем.

— Вам нужен выкуп?

— Ага. — Кутьин улыбнулся. — Понятливый мальчик. Налог с вас взять хотим. А то не сеете, не пашете, только «стволами» машете.

— Мой отец всякой швали не платит. Он таких, как вы, в параше топит. — Сергей сидел неподвижно, глядя вперёд. — Ну, её вы купили. От гебистов всякой подянки жди. Взяли меня обманом. Но вас ведь всех повяжут. Вы же дилетанты. Халтурно работаете.

— Помолчи! В ушах звенит. — Саня достал пластырь. Он ловко заклеил мальчишке рот и глаза. — Впереди дорога длинная, а силёнки нужно беречь.

Кутьин перетянул Сергея на заднее сидение. Не сдержался и дал ему лёгкий подзатыльник. Ладонями он ощутил мелкую дрожь юркого, тренированного тела. Парень, видимо, как следует испугался.

— Вы обещали без грубостей, — напомнила Александра. Их «Мерс» был уже в районе платформы «Текстильщики».

— С таким без грубостей трудно. — Кутьин еле удерживался от нового подзатыльника.

На Свободном проспекте, близ церкви Знамения в Перово, они оказались через полчаса. Копылов присмирел и лишь изредка шевелился, пытаясь сменить положение. Кутьин пощупал его джинсы — пока сухие.

— Ты, шкет, погоди немного. Сейчас всё поймёшь.

Кутьин перехватил мальчика поперёк талии. Едва Александра остановила машину, он влетел под козырёк подъезда, стараясь управиться быстрее, и никого в дороге не встретить. Антропова уже знала, что ей следует, неторопливо заперев машину, подняться в квартиру номер семьдесят и позвонить три раза. Там ей откроют, и она увидит своего сына. Александра сама не понимала, как решилась принять участие в аванюре с похищением хозяйского наследника. Денег пока хватало, но учёба Гордея стоила слишком дорого.

Кутьину повезло — дверь открылась сразу. На пороге стоял Костя Лизогуб, с которым они часто ездили на ликвидации и «стрелки».

— Принёс? — Лизогуб пожал замёрзшую руку Кутьина. — Давай его сюда. А Саша где?

— Сейчас поднимется. Сын её давно здесь?

Саня с наслаждением снял очки и сунул их в карман. Потом стащил кепку и пальто. Лизогуб тем временем посадил мальчишку на старенький пупырчатый диван.

— Давно.

Самвел появился при полном параде — в бежевом двубортном костюме и в чёрном кожаном пальто нараспашку. Серебристое кашне сверкало в

свете люстры. Геворкян был чисто выбрит, и благоухал французским парфюмом.

Потом Кутьин почувствовал, что в квартире очень холодно. В середине ноября отключили батареи, потому что прорвало трубу. Костя тоже не снимал свою «косуху» на меху.

— Горячей воды здесь тоже нет, — предупредил Самвел, здороваясь за руку с Саней.

В это время раздался троекратный звонок, и Геворкян поспешил открыть. Антропова выглядела спокойной, но напряжённой — она всё-таки тревожилась за сына. Войдя в тесную прихожую, Саша нетерпеливо огляделась.

— С Гордеем всё в порядке. Ему надо только немного посидеть связанному. Мальчишка должен поверить, что твоего сына действительно похитили с целью шантажа. — Самвел помог Александре снять куртку.

Потом, повесив одежду на плечики, он галантно проводил даму в комнату с низкими потолками и сырыми стенами, обставленную старенькой полированной мебелью. Эту квартиру снимал человек, никогда не видевший ни Темира, ни Самвела. Поиздержавшиеся хозяева охотно согласились исчезнуть на дворе суток, а затем найти гонорар в керамической вазе для цветов. Она стояла на телевизоре «Рубин». Играл искрами

хрусталь в серванте. Платяной шкаф блестел, словно смазанный маслом.

Самвел сел на диван рядом с мальчиком. Александра опустилась в одно кресло, Кутьин — в другое. Гордей пока находился в другой комнате. Лизогуб готовился придать ему вид заложника — перед демонстрацией Копылову. На журнальном столике, втиснутом между креслами, лежал радиотелефон «Самсунг». Рядом — текстовый пейджер «Моторолла».

Геворкян благодарно кивнул Александре. Потом он потёр руки и стал отклеивать пластырь от глаз и губ Серёжи Копылова. Руки ему освободили ещё раньше. Когда мальчик проморгался, он уставился на мужчин и собственного телохранителя. Как выяснилось, Александра заложила своего подопечного.

Антропова сейчас была бесподобна — в трикотажной белой водолазке, серых леггинсах и в вязаном жилете. Под воротом поблёскивала медная цепочка с головой Тельца.

Копылов поднялся с дивана. Ему не препятствовали. Напротив, хотели понаблюдать, что он станет делать. Мальчик сделал шаг на трясущихся от негодования и страха ногах. Щёки его то надумались, то втягивались. Никто не понимал намерений пленника, и это интриговало.

Странно, если бы он собирался с ними драться. Но и вести себя совершенно спокойно тоже не мог.

Сергей остановился напротив Александры. И вдруг плюнул ей в лицо той самой жвачкой и пенной слюной. В следующую секунду Самвел, протянув ногу, дал наглецу пинка под зад. Потом, не давая Сергею встать, пригнул его голову к сапожкам Александры. Вытер их лицом Копылова, в то время как пострадавшая удаляла при помощи платка слюну и жвачку со своей щеки.

К ней подскочил Кутьин, протянул ещё один платок — мужской, в клетку, политый одеколоном.

— В ванную пойдёте, помоетесь! — предложил он.

— Я привыкла. Всякое бывало. — Антропова даже испугалась. Прошу, не надо! Это ведь ребёнок. Я и впрямь выгляжу в его глазах предателем. И он...

— Нет, надо! Он сам и плевка не стоит. — Самвел схватил мальчишку за волосы, задрал его грязное лицо кверху. — Ты знаешь, какая это женщина? Впрочем, никакую женщину оскорблять нельзя. А уж эту!.. Ты мне в рожу должен был плюнуть. Я сидел ближе. А ещё лучше — попросить телефон или пейджер, чтобы связаться с отцом. Нам нужно условиться о выкупе. Не заплатит — придётся на похороны поиздержаться...

Копылов опять дёрнулся, выгнулся дугой. В глазах его стояла такая ненависть, что Самвел даже поёжился. Он решил, что сейчас у парня начнётся припадок, и всё пойдёт насмарку.

— Да, Александра Сергеевна помогла нам. А поему? А потому, что мы взяли её сына в заложники. Идём! — Геворкян вздёрнул мальчишку за шиворот.

Тот уже не трепыхался, а послушно семенил следом. В другой комнате всё было готово. Гордей сидел, привязанный к стулу, с кляпом во рту. У него были же низкие брови, что у матери, синие глаза. Только волосы другие — светлые, волнистые — в покойного отца. Юноша был широк в плечах, очень высок ростом. Александра и Валентин явно не подкачали. Вчера Антропова призналась: «Я так боялась, что девочка будет! Всю жизнь ей мучиться с таким ростом. Одна дорога — в баскетбол!»

— Она не могла поступить иначе, видишь? А ты... Ты харкнул в лицо женщине, которая трижды выручала тебя в авариях. Четыре раза предотвращала похищения! Сберегла нервы и деньги твоих родителей. Да, на сей раз у неё не вышло. Она приняла наши условия, но умоляла, чтобы с тобой обращались хорошо...

Самвел опять поволок Копылова в большую комнату, толкнул на диван.

— Вставай на колени, выродок! Целуй ей ноги. Подошву сапога, не что-нибудь! За всё, что она для тебя сделала. Саша, протяни ногу, не стесняйся. Посмотрим, какой он сейчас гонор покажет. И не думай, никто тебя не спасёт, — обратился Самвел к Копылову.

Теперь в глазах пленника не было ни гнева, ни страха, ни наглости. Взгляд был пустой, блуждающий. Грязная физиономия не позволяла ему вести себя с фасоном.

— Если спецназ ломиться начнёт, тебя первого прикончим. А сейчас — целуй сапоги! Языком их вылизывай...

Самвел изо всех сил подмигивал Александре, давая понять, что это — игра. Надо было проверить Копылова. Понять, что движет им по жизни — гордость или заносчивость. Последняя, как правило, начисто испарялась в минуту смертельной опасности.

Антропова всё поняла и подняла ногу, втайне надеясь, что Серёжа подошву не поцелует. Сначала Самвел применил силу, испачкал лицо ребёнка о сапоги, недавно хлюпавшие по ноябрьской грязи. Но вот сейчас, добровольно, сможет ли он поцеловать? Разве только если раскается. Но тогда достаточно просто попросить прощения — и всё.

Но мальчик смотрел злобно. Он стоял и не шевелился. Самвел, не спеша, вытянул из-под пальто пистолет.

— Я пожертвую выкупом за твою голову, сопля. Давай, целуй! Нет, вылизывай Саше подошвы. Дочиста, как лизали заключённые сортиры у фашистов! А иначе...

Самвел медленно, со вкусом, вставил обойму, достал патрон, произвёл прочие красноречивые манипуляции. Всё это время не спускал глаз с Копылова. Тот теперь смотрел затравленно, мотал головой, давился. Потом всхлипнул.

— Вы не убьёте! Не убьёте! За меня дадут «бабки»! Папа даст обязательно, я знаю. Сей час ему позвоню, дам сообщение на пейджер, попрошу. Он много может дать. Не убивайте!

— Делай, что я тебе сказал, верблюд несчастный! Ты женщину оскорбил. Героиню!

— Не надо так! — Похоже, впервые в жизни нервы Антроповой не выдержали. — Ты с ума сошёл!

— Саша, возьми себя в руки. Успокойся. Его жизнь ничего не стоит. Думай о своём сыне. Того, кто плюёт тебе в лицо, не жалко.

— Нет! — Серёжа попятился назад, наткнулся на диван, зажал уши руками. — Не-ет!!!

— Вставай, ну! — Самвел опять силой поднял ребёнка на ноги. — Мне терять нечего.

Предохранитель снят. Кирпичи — к ногам, труп — в реку, и никто тебя не найдёт. Сейчас все думают, что ты в секции, а потом будет поздно. И по весне не всплывёшь.

Копылов заметил, что Геворкян взвёл курок. Положил палец с перстнем на спусковой крючок. Жить оставалось несколько секунд.

— Считаю до трёх! — Самвел приставил дуло к затылку мальчика. — Раз, два, два с половиной...

Тот вдруг рухнул к ногам женщины, вытянул шею и попытался лизнуть подошву. Александра вскочила, отпрянула в сторону. Сергей так и стоял на четвереньках.

— Не могу! Довольно! Перестаньте...

Слёзы покатались по её щекам. Губы и руки отважной женщины тряслись.

— Да, Саша, теперь довольно, — согласился Геворкян. — Всё ясно с ним.

Самвел поставил оружие на предохранитель. Впрочем, в стволе оставался патрон. Запихав «вольну» обратно в кобуру, взял Копылова за локоть и поднял на ноги.

— Сколько отец за тебя даст? Миллион долларов?

Серёжа кивнул. Из рта у него текли грязные слюни. На зубах скрипели песок и соль.

— А два «лимона» даст? — Самвела едва не вырвало, словно сапоги лизал он сам.

— Даст! Я хочу позвонить...

— А пять? — спросил Кутьин, придвигая телефон.

И у него, и у Самвела тряслись руки — так хотелось выстрелить.

Копылов кивал, как заведённый, и с ужасом косился на Геворкяна. Он не привык чувствовать себя униженным и беззащитным. Но гордость не была его внутренней сущностью, а тонким слоем, искусственно нанесенным на слабую душу.

Самвел обессиленно упал на диван.

— Мальчик, у твоего отца нет таких денег. Как он их даст?

— В банке кредит... дадут...

Серёже неимоверно захотелось жить, и он схватился за «Самсунг», как утопающий за соломинку. Геворкян сообразил, что надо развязать Гордея, потому что Копылов спянул. Потом Сергею надо опять заклеить рот и глаза, отвезти домой, к папе с мамой. Пригрозить, чтобы ничего родителям не говорил, иначе будет совсем худо.

А в том случае, если у Саши начнутся неприятности, дать ей место в их группировке. Антропова считала, что всё равно придётся работать на бандитов, так как ничего другого не осталось. Те, кто стрелял из танков по Парламентскому дворцу, из пулемётов по людям —

вдвойне, втройне бандиты. И на покой рано — ей всего тридцать восемь.

— Папе же потом не расплатиться будет. — Самвел вынул телефон из грязных рук Серёжи. — Ты что понимаешь в кредитах и в процентах? В том, как вообще достаются деньги? Убирайся на все четыре стороны! И ни слова никому о том, что с тобой было! Надеюсь, ты не захочешь рассказать отцу, как лизал сапоги. Но сам не забывай. Помни всю жизнь, чего стоишь на самом деле. Я бы с удовольствием тебя пришиб, но Саша просила обойтись без грубостей. Какой козёл сказал, что ты — надёжный парень?

Самвел вспомнил, что остался всего один мальчик, который живёт на Ленинградке. И всё. Дальше опять придётся работать по новой.

— Узнаю, что язык распустил — дня не проживёшь. И про Сашу не пыли — ты ей своей жизнью обязан. С любой хазы тебя достанем, если начнёшь давать показания. А если без тебя дознаются, говори одно. «У Александры Сергеевны украли сына, и она была вынуждена действовать так». Она согласилась работать на нас, и только поэтому мы не взяли выкуп. Но это — отговорка на крайний случай. А так — молчи, как немой.

Самвел достал блокнот, убрал из списков Копылова. Потом долго изучал каждую букву последней оставшейся фамилии. Несчастный

начальник охраны банка — кого вырастил себе на радость! Максим Подсосов казался теперь симпатягой — он хоть не скрывал свою трусость.

Геворкян убрал подальше электронный блокнот и передал на пейджер Махмиева уже четвёртый отрицательный сигнал.

* * *

Сегодня земля задубела, и снег совсем по-зимнему закрипел под ногами. Денис Перетягин уже ехал по Ленинградке. Морозные искры рассыпались в воздухе, когда лучи от фар или уличных фонарей пронизывали пространство перед джипом. Шёл седьмой час вечера восемнадцатого ноября. Кончался будний день, четверг. Люди толпой валили с работы, застревая в магазинах, у ларьков, на остановках.

Самвелу не помог двухдневный отдых, подаренный шефом перед решающим броском. Геворкяна так тошнило, что он ничего не мог есть, только пил неразбавленный виски. А потом лежал пластом и смотрел в потолок своей квартиры, к которой никак не мог привыкнуть. Звонила Фелицата из Салоников, рассказывала о Тигране и Текле смешные, трогательные истории. Но Самвел ничего не запомнил — не смог сосредоточиться. Он

перестал понимать греческий язык, а в армянском и русском жена была не сильна.

Самвел раскрыл блокнот. На голубоватом табло осталось одно имя — Руслан Величко. Возраст — 8 лет. Это был второй паренёк из секции спортивной гимнастики. Младше остальных, и в поле зрения разведки попал исключительно из-за своей ловкости и находчивости. Кроме того, ребёнок казался не по годам развитым. При этом он имел бойкий, даже вздорный характер. Впрочем, один крутой малый позавчера уже лизал сапожки Александры Антроповой.

А сегодня утром, как сообщил начальник штаба, Сергея Копылова нашли на козырьке подъезда собственного шестнадцатизэтажного дома. Парень прыгнул с технической лоджии, едва начав одиннадцатый год жизни. Никакой записки он не оставил. Геворкян не имел понятия, рассказал Сергей что-тонибудь отцу или нет.

Максима же Подсосова пришлось везти в детскую психушку. Он никого не узнавал, даже мать с отцом, закрывал голову руками и просил в него не стрелять. На теле Максима, за исключением мелких царапин, никаких следов насилия не обнаружили.

Глядя на цветочниц, торгующих близ спуска в подземный переход, на их розы и гвоздики, на мерцающие под колпаками свечи, Самвел

вспомнил, как утром ему позвонила Александра Антропова и сообщила, что после гибели сына хозяин её рассчитал. Насчёт похищения он ничего не говорил. Видимо, не знал, что случилось с Сергеем, когда Александра за него отвечала. Впрочем, он мог пока не раскрывать всех карт.

— Шеф считает, что ваш профессионализм стоит дорого, — успокоил Александру Самвел.

Женщина говорила дрожащим голосом. Она считала себя виноватой в смерти ребёнка, вверенного её заботам. Пусть он и дрянь, но зачем же мозги-то по асфальту?

— Через три дня мы встретимся, и я вам всё объясню. Если говорить честно, Саша, я мечтал о том, чтобы вы оказались свободной. Вознаграждение, думаю, вас устроит. И работу обещаю интересную. Это не шмотки соплякам таскать!

— Да, Темир какие-то намёки уже делал, — согласилась Александра и положила трубку.

Надеяться в этой жизни ей было не на кого, и приходилось со многим мириться.

Теперь дело за малым. Нужно подобрать Сашеньке ученика, из которого она сделала бы диверсанта, пригодного к выполнению самых сложных заданий. Но — восемь лет... Самвел достал последнюю фотографию. С неё смотрел черноволосый мальчишка в яркой футболке, с

густой длинной чёлкой. Под ней почти потерялись прищуренные глаза. Видимо, свет бил парню прямо в лицо. Кожа смуглая. Глаза, скорее всего, карие. Что-то в облике, несмотря на нежный возраст, есть злое, даже жестокое. Им занимается Кутьин — сам ходил в секцию по наводке разведчика.

— Сань, Руслан Величко из какой семьи? Ты говорил, интеллигенция?

Перетягин тем временем на «Мицубиси-Паджеро» прокатился по двору, опять помял облетевшие кусты и встал возле песочницы. Самвел знал, где расположены окна квартиры Величко. Примерно в такой же пятиэтажке помещалась одна из явок. Дома никого нее было — все окна темнели на фоне светлого кирпича.

— Отец у него докторскую пишет. Экономист. Сам — сын работников Внешторга. Тоже не из простых, сам понимаешь. Сейчас доцент. Карьерист, но хозяин хороший. Пройдоха, часто выбывает за кордон.

— А мать? — Самвел всё смотрел на снимок.

Маленький ещё мальчик, улыбается. Зубы недавно сменились. Такого отправишь на задание и погубишь. Самвел даже прослезился, достал платок и вытер глаза.

— Мать родом из Мурманска. Её покойный отец — контр-адмирал, подводник. Бабка — военврач, подполковник в отставке. В Заполярье

люди известные. Сейчас мать работает экономистом во «Внуковских авиалиниях». Так что ещё при «совке» своё ухватили. Но «тачка» у них наша, «шестёрка». Надо такую сумму назвать, чтобы им по карману была. — Кутьин махнул рукой. — Да чего шефу моча в мозги ударила?! Сделал бы всех семерых с охраной! Зачем с детьми возиться? Время только переводим...

— Он когда прийти-то должен? — Самвел тоже с неохотой вспоминал предыдущие наезды.

Сейчас у него противно сосало под ложечкой. Неужели и здесь будет прокол? Кажется, что за такие труды пора получить награду.

— Сейчас по радиации сообщили, что он, в обществе своего ровесника и женщины лет тридцати выехал из секции. Это было минут сорок назад. Баба — не его мать. Скорее того, второго. Весь вопрос в том, докуда она парня доведёт. Они выйдут из метро здесь, а там поглядим.

— Мальчишка один у родителей? Братьев-сестёр нет? — зачем-то спросил Самвел.

Кутьин не удивился — значит, шефу нужны эти сведения.

— Один, точно. А мать у него красавица! Голубоглазая блондинка — я её видел в секции. Даже решил, что она линзы носит — такой цвет шикарный. Зовут Татьяной.

— Квартира трёхкомнатная? — уточнил Геворкян.

— Ага. И очень даже неплохая. Шмотьём набита под завязку.

— Как ты думаешь, он мне штаны не уделает? — Самвел похлопал себя по коленям, обтянутым плохонькими джинсами. — Я и куртку надел старую.

— Не думаю. Мальчик он аховый. Не похоже на него, — размышлял вслух Кутьин.

Геворкян пожал плечами:

— На всех было не похоже. Если и этот завянет, шеф мне ноги выдернет. Сейчас будем брать на лестнице, с хлороформом. Лишь бы тётка его до квартиры провожать не стала! Лифта здесь нет, так что удрать не сумеет. Но и шум в подъезде устраивать ни к чему. Тщательно отмеривай дозу, а то помрёт ещё. Хватит с нас Копылова, — счёл нужным предупредить Геворкян.

Только сейчас он заметил, как дрожат руки, и дёргается бровь.

— Я маски такие делал, — уверенно сказал Кутьин.

— Саня, у тебя там будет всего минуты две. Делай всё аккуратно, без телесных повреждений. И не пугай его особенно.

— Вдвоём выйдем, или я один? — спросил Кутьин.

— Сейчас выйдем вдвоём. Попробуем подцепить его на крючок у метро. Проведём до подъезда. Потом я сажусь в машину, а ты берёшь мальчика на лестнице. Денис, будь готов. Возможно, придётся уходить галопом. Едем по Ленинградке, в укромное место у Кольцевой. А пока я бы хотел рассмотреть объект получше.

Во дворе пахло снегом и мёрзлой, давно опавшей листвой. Небо было беззвёздное, в серых тучах. Они неслись в вышине, как дым. Перепрыгивая через бортики песочницы, сломанные ветки, осликов и козликов, Кутьин с Геворкяном пересекли двор, и вышли на ярко освещённое шоссе. Мимо с грохотом ковыляли родные автомобили. Шуршали шинами чарующие, как миражи, иномарки. От огней в холодном воздухе стало тесно. Свет сейчас раздражал Самвела. Почему-то казалось, что на них с Кутьиным все смотрят.

Они подошли к табачному киоску и купили по пачке «Данхилла». А когда Самвел оглянулся, то замер. Тот мальчик, за которым они охотились, прощался со своими спутниками. Молодая женщина и другой паренёк, махнув Руслану, отправились в противоположную сторону. А он, откинув с головы капюшон красной куртки, огляделся вокруг. На маленьких ножках ребёнка Самвел заметил кроссовки «Адидас». Джинсы тоже

были микроскопические, но дорогие, фирменные. За спиной Руслана болтался итальянский рюкзачок.

Итак, пока им везло. Мать приятеля довезла Руслана до безопасного места и отвалила. Теперь посмотрим, что он будет делать дальше, решил Геворкян.

— Какой клоп! — шепнул Кутьин. — Видишь? Где хошь пролезет...

— Ему и восемь-то с трудом дашь.

Самвел продолжал внимательно наблюдать за мальчиком. Шеф его, конечно, набракует. Во-первых, всё-таки возраст не дотягивает. Во-вторых, ярко выраженная восточная внешность, что очень нежелательно.

— Ты говоришь, мать — русская? — одними губами спросил Геворкян.

— Вот те крест! За спиной у меня стояла. Я достал зеркало и рассмотрел её.

— А отца видел?

— Отца не видел, — признался Саня.

— Он, что ли, брюнет?

Самвел отступил за угол ларька, потому что мальчик направился к ним. Остальные «комки» плавали в клочьях стилого тумана. В каждом из них сидела сонная дивчина при вечернем макияже. И плыли вдоль Ленинградского шоссе фары — бесконечным потоком.

— Кто его знает? — пожал плечами Кутьин.

Мальчик, тем временем, подошёл к нищему с костылём, который побирался неподалёку от ступней перехода. Правда, подавать милостыню не стал, а поздоровался и стал говорить. Сразу было видно, что Руслан и потрепанный старик хорошо знакомы. Дело кончилось тем, что, получив от ребёнка деньги, прощельга поднялся и захромал к киоску. Там он купил пачку «Мальборо» и, воровато озираясь, отдал Руслану. Потом старик, словно ничего особенно не произошло, уселся на своё место. Разумеется, за это попрошайка имел свой процент, и всегда был готов помочь.

Пока нищий возился у окошечка, Руслан смотрел на него снизу вверх. Яркий неоновый свет падал на его смуглое, чуть сплющенное снизу личико. Получив сигареты, он попрощался с нищим за руку.

— Не славянские черты, — окончательно сник Геворкян.

Он даже не знал теперь, стоит ли проводить операцию по проверке этой кандидатуры. Шеф велел найти светловолосого и светлоглазого. Но кто виноват в том, что все такие оказались блаженными или шкурами? Гришин пацифизм тоже означал трусость, только умело замаскированную.

— А какие? — удивился Кутьин.

Самвел не ответил, целиком сосредоточившись на слезке.

Мальчик привычно надорвал пачку «Мальборо», достал сигарету и сунул в рот. Потом из кармана куртки выудил зажигалку, отвернулся от ветра. Высек языком синеватого пламени, прикрыв его ладонями. Кинул зажигалку обратно в карман, выдохнул дым и направился к своему дому.

Самвел застыл за углом киоска, потом толкнул Кутыина в бок:

— Во даёт!

— Что? — не сообразил Саня.

— Да он уже мужчина готовый. Я так не закурю... Давай за ним, быстро. Жду тебя в машине. Вернее, мы с Денисом ждём вас.

— Есть! — Кутын пропал в темноте.

Самвел так и не смог согнать с лица улыбку. И напряжённо вспоминал, на кого же так похож этот малёк. Какой-то смутный образ то возникал на мгновение, то исчезал в вихре блестящих снежинок. Но он никак не мог обрести чёткие очертания, конкретное имя. Не свойственное Самвелу волнение мешало привести мысли в порядок, остановиться, глубоко вздохнуть и всё проанализировать.

Чем-то мальчик напоминал Темира Махмиева, чем-то — его дочку Индиру. Но всё-таки, в основном, не их. На память приходил светлый костюм, точно такие же волосы — только

причёсанные на косой пробор. Телохранители, иномарка, центр Москвы. Золотая дымная осень. Толпы людей, солдаты, танки...

— Санька в подъезд уже зашёл, — сообщил Перетягин, открывая перед Геворкяном дверцу джипа. — А мальчонка — впереди метров на десять.

— Денис, тихо. Мобилизуйся пока.

Геворкян решил всё вспомнить потом. Теперь он знал лишь одно. Последний ребёнок, оставшийся в списке, оказался кавказцем, как бы шефу ни хотелось обратного. Но он — москвич. Прописан здесь, у «Войковской». Имеет украинскую фамилию и русскую мать. И, самое главное, закуривает умело, красиво, по-взрослому.

Кутьин же как раз готовился к главному. Нужно было в несколько прыжков догнать мальчишку, который уже миновал один марш лестницы. Как хорошо, что в пятиэтажках, даже кирпичных, нет лифтов! Только бы из квартир никто не высунулся в самый ответственный момент! И в подъезд с улицы могли зайти. Многие возвращались сейчас с работы. Слишком большие в столице расстояния...

Остаётся совсем мало времени. Чем выше парень заберётся, тем труднее будет незаметно стащить его к джипу. Как бы его хоть на миг

задержать? Саня производил захват в девяносто пятый раз и знал, в каком как это надо делать.

— Парень, стой! Закурить не дашь?

Ничего странного в этом вопросе не было, потому что Руслан ещё не погасил сигарету. Мальчик остановился, обернулся. Глаза их встретились. Кутьин шагнул вперёд, рассчитывая на доверчивый ответный шаг ребёнка. Ну, в крайнем случае, на дикий вопль, как в Вешняках. Кстати, он не так уж и ошибся.

— Да ты не бойся... Или жалко? — Кутьин, улыбаясь, преодолел ещё две ступени.

Да нет, чего уж огород городить — они друг друга поняли. Лёша Липатов тоже сразу всё сообразил. Но здесь же нет лифта. Кутьин приготовился блокировать движение объекта в сторону ближайшей квартиры, а клоп его надул.

Он выключнул чинарик на ступени и заорал во всю мочь:

— Пожа-а-ар!!!

Кутьину был известен этот приём. Он понял, что в резерве лишь одно мгновение. Ещё немного промедлишь — и все вылетят из своих квартир, как пробки из шампанского. Кстати, голосок у мальчишки оказался неожиданно мощным — детский вариант адмиральского рыка.

— Гори-и-им!!! — нагло вопил пацан.

Он уже приготовился брызнуть вверх по лестнице. Но Кутьин изловчился и схватил его поперёк туловища, зажав под мышкой. Где-то наверху хлопнула дверь. Потом другая — поближе. Кутьин думал только о том, чтобы как можно скорее выскочить из дома и оказаться в джипе.

Он ослабил хватку, толкая дверь на улицу — всё-таки имел дело с ребёнком. Кроме того, здешние ступеньки для Кутьина были незнакомы. Всё внимание Саня сосредоточил на том, чтобы не поскользнуться и не грохнуться на наледи. Слух его обострился до предела. Он разливал каждый стук отворившейся двери. До джипа, оставленного в кустах, было метров восемь. Следовало преодолеть их так, чтобы ни на кого не наткнуться и не задержаться даже на секунду.

Когда Кутьин ударил плечом по второй двери, ведущей непосредственно во двор, мальчик выскользнул из-под его локтя, свесился вниз и обеими руками схватил похитителя под коленки. Саню спасла только его выучка, иначе пришлось бы лететь со ступеней прямо на асфальтированную дорожку или на бугристую мёрзлую землю.

Кутьин оставил иллюзии и понял, что перед ним настоящий противник, которому нельзя делать поблажки. Тряхнув ребёнка в воздухе, Саня торсом проломил кусты. Потом рванул из кармана заготовленную ватно-марлевую маску, наощупь

нашёл лицо мальчика и закрыл его. Дверца джипа отлетела, и Самвел втащил Кутыина в салон.

— Денис, гони! Быстрее!

— Сгодится, блин! — прорычал Кутыин, укладывая жертву на сидение. Маску он пока не снимал и массировал свою ногу. — Повозился с ним от души! Потом всё расскажу, когда отдышусь. Он такой захват сделал — вроде клинча. Я не ожидал. И орёт во всю глотку: «Пожар!» Там уже двери захлопали. Сам понимаешь, какое положение...

— Потом расскажешь, не отвлекай Дениса. Быстрее! — Самвел откинулся на спинку дивана.

Он снял с плеча мальчика рюкзачок и поставил на пол. Потом поднял маску — ребёнок спал. У него оказались очень длинные, жёсткие ресницы. Самвелу он чем-то напомнил сына Тиграна. Внезапно стало стыдно, и захотелось уложить ребёнка удобнее.

Самвел устроил Руслана на сидении, как следует, свернул свою куртку и положил ему под голову. Посмотрел на Кутыина.

— Думаешь, пойдёт?

— Ну! Я чуть всерьёз с ним не влип. Наконец-то подфартило. Лишь бы сейчас не задержали...

Самвел наконец-то расслабился, равнодушно глядя на дома. Они мелькали за окном с безумной, прямо-таки фантастической скоростью.

— К тому времени, как примут меры, мы его уже назад вернём. Денис, поворачивай к Речному вокзалу. А у парка Дружбы — к Химкинскому водохранилищу. Помнишь, что в прошлом году Монахова мочили?

— Ещё бы не помнить! — Перетягин завертел баранку. — Спит ребятня?

— Спит. Разбудить бы, когда надо будет.

Самвел уже представлял, как сообщит на махмиевский пейджер приятную новость.

Оставив позади Северный Речной вокзал, они проехали до Алешкино. Покатались по размытым берегам, а потом приткнулись в диких голых кустах. Вокруг было темно. Только издали светили фонари и фары — там проходило Ленинградское шоссе. Вода не плескалась — её схватило первым, ещё хрупким осенним ледком.

* * *

Лестничная клетка гудела, как разворочанный улей. Двери всех квартир были распахнуты настежь. Закрытой оставалась лишь одна — в квартиру Величко.

Толстый дядька в купальном халате, прилипшем к телу, и в пляжных шлёпанцах, усиленно нюхал воздух. Его жена — в юбке, но уже без блузки — делала то же самое и одновременно успокаивала какую-то старушку. Женщине, похоже, было наплевать, что соседи видят её в рубашке и лифчике, с бирюзовыми бусами на шее. Старушка, божий одуванчик на тонких подагрических ножках, тряслась и протягивала вперёд морщинистые руки. Лицо её было настолько перепаханно морщинами и искажено ужасом, что остальные соседи видели лишь чёрную дырку рта. Старушка успела вытащить из него вставные челюсти. Её бесцветные глаза слезились. Белые, как пух, её волосы трепал лестничный сквозняк.

— Где пожар?! — на разные голоса орали все этажи.

Грудастая баба с ангорской кошкой на руках стояла, расставив ноги. Голова её была обмотана вафельным полотенцем. Из-за широкой спины матери выглядывали три девочки — мал мала меньше. Дети громко ревели.

— Ни у кого ничего не горело.

Другая женщина, худая, рано постаревшая, в косынке и фланелевом халате, комкала в руках фартук. Она стояла на марш ниже.

— Мы всех опросили. Даже молоко не убегало.

— И дымом ничуть не пахнет. — Старик в майке и мятых брюках на подтяжках взобрался по ступеням к основной группе, цепляясь за перила. — Старуха моя вон тоже по квартирам звонила.

— Но кричали же! Все на лестнице слышали! — Интеллигентный лысоватый жилец выбежал в спортивном костюме «Рибок» и в войлочных шлёпанцах. — Кто кричал? По-моему, ребёнок, где-то внизу.

— Да это Величко парень опять хулиганил! — сказала жилица с первого этажа. Это была сухощавая мать двух сыновей, в очках и с тщательной укладкой. — У Татьяны в голове ветер свистит, так чего ждать от потомства? То были наряды, а теперь, вроде, она выпивать начала...

— Кто? Татьяна? Выпивать? — удивился мужчина в костюме-двойке. Носовым платком он вытирал лоб. — Впрочем, кто сейчас не выпивает? Не общество трезвости...

— Я её два раза видела с бутылкой. Ликёр пьёт или «Камю». Деньги есть, чего там!

Худая женщина, неслышно появившаяся на лестничной площадке, уронила на пол нож. Потом подняла его и вытерла полой халата.

— И чего нужно? Попрыгунья-стрекоза! И горюшка никакого нет, чтобы заливать. Всю жизнь дурью мается. Олег ведь из загранок не вылезит. Аппаратуру купили своему оболтусу — с

ума сойти! Он над нами заводит, так стены ходуном. И собака ихняя лает...

— И всё мало, всё хочет людям нагадить. Шпана проклятая! — Мадам с махровой чалмой на голове нервно рассмеялась. — Когда я квартиру под склад сдавала, мальчики ящики с бананами по лестнице носили. Так не моги! А Величко месяц назад поселили у себя какую-то семейку. Дети там были маленькие — носились, топали, визжали. И две девки — сразу видно, шлюхи. Интеллигенция! А когда они систему врубают и танцы устраивают, чего их парень посмотрится? Тусовка это, что ли, называется? Или как? Короче, дерьмовый народ.

— Разорили детские комнаты милиции, — добавил старичок. — А зря! Там ему самое место. Рядом с ними живу, так слышу всё. То скребёт что-то по полу, то топают. На гитаре часто играют.

Женщина без кофточки позвонила в квартиру Величко, но там отозвалась только собака.

— Страшно сунуться — натравит, — поёжилась худая соседка.

— Этот натравит! Зверюга... Черномазый, так всякого жди, — сказала, поднимаясь с третьего этажа, ещё одна пенсионерка — пухлая, как тесто. Она на ходу втыкала «невидимки» в причёску. — Вы ему в глаза глядели? Видели, какой дикий? Над людьми всегда готов издеваться, лишь бы себя потешить. Вырастет — резать нас всех начнёт. У

дома и у гаражей только его и видно. Сначала бил других детей — то бутылкой по голове, то доской. Думали, угомонится, когда в секцию отдадут. Что вы! На спор лазает по водосточным трубам до балконов, по крыше ходит. А если стекло в окно разобьёт зимой, что будет?

— Да, он на трубе, а собака внизу без намордника бегает, — согласилась соседка с первого этажа. — Замечание сделаешь — хамит. Родители своими проблемами заняты, а до воспитания им дела нет.

Дама решительно подошла к двери, долго звонила. Но вызвала лишь приступ злобного собачьего лая.

— А выйти боится. Исподтишка пакостит!

— Заперся, мазурик, или сбежал, — подтвердила пухлая бабушка. — Ждёт, когда родители придут. И ещё один мужчина у них живёт. То дети чьи-то, то этот — с бородой. Еврейчик какой-то. Боря, что ли...

— Это ладно, — сказала соседка без кофты. — Наверное, к Таньке из Мурманска гости ездят. От них горя нету.

— Да тоже слишком! Каждый день у них новые гости, — буркнул старичок. — Сколько газу нажгут, воды истратят. Платят за троих, а надо бы больше...

На этаже Величко собралось чуть ли не всё ходячее население подъезда.

Не наше это дело, — возразил мужчина в «Рибоке». — У вас, что ли, гостей не бывает? А вот насчёт пожара надо выяснить. И кто кричал, тоже пока не ясно.

— Когда Татьяна вернётся, надо ей сказать всё. Сынок орёт всякие глупости и людей пугает! — на повышенных тонах заявила низкая толстая тётя с косматым перманентом.

Она скрестила руки на груди, ненавидящим взглядом пронзая дверь Величко. Её домашние тапки почти развалились. В разлёте половинок халата мелькали сиреневые панталоны-трико.

— Да они нас и в дверь не пустят — побрезгуют. Они ж богатые! Цаца какая — здороваётся через раз. Не уйду, пока Таньке в рожу не плюну! Подойду и харкну в зенки бесстыжие, вот вам крест!

— Вы с ума сошли! — испугалась дама в очках. — Под суд пойдёте. У них денег-то побольше вашего. А у меня сейчас родственница гостит из Саратова, так ей с сердцем плохо стало. Они уже раз горели, так теперь такая реакция...

— Муж-то еле из ванны выбрался. — Жена кивнула на толстяка в купальном халате. На лысую голову он натянул капюшон. — Чуть голый не выбежал. И бабушка... Вот, «неотложку» вызывать

приходится. — Женщина подхватила под локти «божьего одуванчика».

— Нет, пора кончать! — Соседка в чалме подбоченилась. — Или пусть штраф платят, или мы в милицию идём. Подписи только надо собрать...

— А почему в милицию сразу? — Мужчина в «двойке» рассердился не на шутку. — Насчёт Бориса я всё знаю. Он на Пресне жил. Четвёртого октября потерял всю семью. Надо было помочь ему или нет? То же самое и дети. Круглыми сиротами остались — я от супруги слышал.

На лестнице пахло жареным луком, куриным супом, свежими щами и прочей разогревающей едой. Соседи жадно нюхали воздух, пытаясь определить, кто и что готовит. Постепенно злость у них проходила, но желание поговорить оставалось.

— Коммуняки, что ли, были? — крикнул, еле держась на ногах, пьяный в сосиску мужичок. Он шатался, держась на перила, и громко икал. — Туда им и дорога, псам вонючим. И не будет им царства небесного...

— Вот вы говорили, что мальчишка черномазый, — шёпотом сказала женщина без кофточки. Она обращалась к пухлой старушке. — Я слышала кое-что через стенку. В туалете просто сидела, а они там ругались...

— Что? Что?

Соседи окончательно забыли про пожар и про свои распахнутые двери. Против недоступных и заносчивых Величко накопилось море злобы, которое моментально вновь разлилось по лестничной площадке.

— На Олега парень совсем не похож. Ему и плевать! Да слепому видно — Татьяна с Олегом блондины, а ребёнок как вакса...

— А Танька до этого замужем не была! — сообщила ещё одна жиличка — кривоногая, с металлическими зубами. Волосы её были будто смазаны маслом. Сверху их прижимала гребёнка. — Говорили, что девятнадцати лет за Олега вышла. Ровно в день её рождения свадьбу справили. А потом Танька с коляской сидела во дворе. А я — рядом. Попросила показать младенца — мать моя! Совершенно чёрный...

— Может, Олег её в положении взял? — предположила соседка с мукой на руках.

Столь интересная для всех тема сбила людей в толпу.

— Вот не знаю, не знаю! Когда они въехали, Татьяна уже рожать собиралась. Тогда она и сама почернела — и волосом, и лицом. А потом вот такая Снегурочка стала. Трёхкомнатную им, соплякам, сразу дали. Младенца ещё не было, между прочим. Кто знал, выживет он или нет. Кстати, чуть в родах и не умер...

Кривоногая бабуля говорила почти шёпотом. Все вытянули шеи в её сторону.

— Я Танькиного отца видела. Он приезжал, когда внук родился. Видный такой мужчина, адмирал. В морской форме, с золотом. Тогда и помер. Сватья ему такой фитиль вставила, — делилась сведениями бабка с гребёнкой. — У Олега родители не бедствовали. Это они квартиру выбили. Могли для сына и не порченую невесту найти. А как родила, стали морды отворачивать друг от друга. Будто аршин проглотили...

— Я слышала, что кричала Таньке свекровка, — доложила женщина без блузки. — Она, мол, гулящая, и всё такое!

— А что, раньше не знали? — Дама в очках дёрнула плечами. — Может, она уже после свадьбы изменила? Если сейчас, в двадцать восемь лет, она абсолютно инфантильна, что говорить о девятнадцати? Не знала, наверное, откуда дети берутся. А Олег Павлович — очень даже неплохой человек. Будь сын его, бандитом не вырос бы.

— Умный больно! — с невообразимым презрением бросила пьянчужка при перманенте. — Сухарь. Сразу видно — не побьёт бабу и не пожалеет. Заскучала, видно, и с курорта младенца притащила. Там таких усатых много шляется. Блондинок очень любят!

— Валентина, он мартовского зачина. В декабре родился! — поправила пухлая старушка. — Какой тебе курорт?

— Так они и на зимние курорты ездят — в горы, на лыжах. Там абреки разные есть, — дал справку дедуля в майке и подтяжках. — Теперь вот в Швейцарию, а тогда — в Пятигорск, в Домбай. Я тоже, бывало, там... кхе-кхе... отдыхал. Хорошо!

Постепенно люди стали заползать обратно в свои квартиры. Они облегчили душу и убедились, что никакого пожара не было. Кроме того, поняли, что до приезда родителей мальчишка им не откроет. У двери остались только фанатики — женщина, наконец-то набросившая кофточку; дама в очках; пьянчужка с перманентом, а также две старушки.

— Надо сразу сказать, а то забудем... Вот, у Ирины сын, — пухлая бабушка взяла под локоть даму в очках. — Руку ведь сломал! Этот Руслан залез на дерево, привязал верёвку. И качается, как обезьяна. А другой парнишка стал так, и сорвался, упал. Хоть и на три года старше. Это-то никуда не свалится, фулюган! Только ребят плохому учит...

— А как на крыши лазит! Будто горного козла по верхам носит. Про гаражи я и не говорю. — Ирина тонкой рукой смахнула волосы со лба. — И по машинам прыгает. К нам в гости сотрудница пришла, тоже с мальчиком. Это — приятель моего Петьки. Отправили мы их погулять до обеда. Вдруг

Петька несётся — глаза семь на восемь. Говорит, Антошка уехал на грузовике. Мы чуть с ума не сошли. На каком грузовике?! Оказывается, опять Руслан надоумил. Стал скакать по машинам, которые на парковке. Забрался в кузов одной из них. Здесь ЗИЛ стоял — в кузов бананы грузили. Пете-то я запретила такими вещами заниматься, а Антон тоже полез в кузов. Шофёр сел в кабину, завёл мотор. Руслан-то выпрыгнул, а Антошка побоялся. Уехал через всю Москву — аж к заводу «Серп и Молот». Ладно, ЧП было, так сразу нашли...

— А курит он уже по пачке в день, — сообщила одна из старушек. — Приспособил гопников всяких у перехода себе сигареты покупать. А ведь и восьми нет, прости, Господи!

— И пожар он устроит, и потоп, и всякие другие беды, — подвела горестный итог Ирина. — Если сейчас с Татьяной не поговорим, потом поздно будет.

Внизу зашуршало, и дед в подтяжках показался из-за перил.

— Приехали они! Я в окно увидал. И Олег, и Татьяна, и этот мужчина, что у них живёт. На машине прикатили, сейчас вылазят.

Они оставили кремовую «шестёрку» близ кустов черёмухи. Те по весне заполняли тенистый

двор щемящим, неповторимым ароматом. Сейчас же кусты торчали озябшими прутьями. Стали подниматься по лестнице, не понимая, почему то тут, то там хлопают двери, а из квартир выглядывают соседи. Вроде бы, хотят что-то сказать, но потом щёлкают замками и пропадают.

Олег Величко шёл впереди — в пальто цвета охры, с замшевым воротником, без шапки. На его пшеничных густых волосах дрожали капельки — от растаявших снежинок. Таня, как всегда, с элегантной причёской «классическое каре». Следовала за мужем, распахнув свой сиреневый утеплённый плащ. По пологим ступенькам маршей цокали каблучки её «крокодиловых» сапожек. Под мышкой Таня несла такую же сумочку. Олег держал в руке коричневый кожаный кейс. Такой же был и у Бориса, только чёрный — в тон траурным одеждам.

Таня испуганно взглянула из-за полей меховой шапки-боярки на собравшихся около их дверей соседей. Потом она растерянно улыбнулась.

Борису было на всё наплевать. Но Олег, очнувшись от задумчивости, встал, будто вкопанный. Женщины не упустили возможности рассмотреть всю его одежду. Олег многим тут нравился, потому что выглядел блестяще по сравнению с прочими мужчинами. Даже сейчас, поздней осенью, в крошечной темноте, он

умудрился не посадить ни одной капельки грязи на свои немецкие ботинки.

Каждый вечер, после лекций, Олег заезжал за Татьяной к метро «Юго-Западная» и за Борисом — в Университет, где тот читал курс органической химии. Потом вёз их сюда, к «Войковской», где все, включая Руслана, и проживали. В разгромленной квартире Добина находиться было невозможно. Но, будь жилище и в полном порядке, Добин не мог бы переступить порога пресненской квартиры.

За каждым углом там чудились дорогие тени. У Олега же ему становилось легче. Создавалось впечатление, что Дебора Самсоновна, Изабелла и Юлька сидят сейчас за светлыми окнами на Рочдельской улице. А он просто остался у Олега ночевать, как бывало очень часто.

Борис ещё ни разу, со дня похорон, не был на Востряковском кладбище. Он не мог сидеть этих имён на временных могильных плитах. Ухаживали за свежими захоронениями Лия Самсоновна с мужем. Бывали там и супруги Величко. Но Татьяна тоже начинала всхлипывать, встречаясь глазами с весёленькой Юлькой, которая смотрела с фотографии. Сейчас Таня опять вспомнила живое личико недавно убитой девочки, оглянулась на Бориса. Потом она недоуменно повернулась к соседям.

— Добрый вечер, Олег Павлович! — Ирина поправила очки и запнулась.

Волнуясь, она выступила вперёд. Олега женщины жалели, потому что ему изменила супруга. Да ещё пришлось воспитывать чужого, такого отвратительного ребёнка. Величко в какой-то степени был любим ими. Его считали несчастным и проигравшим, хоть на личном фронте.

— Добрый вечер.

Олегу хотелось поскорее пройти к себе. За дверь, услышав голос хозяина, заскулил Глен. Странно — так он плакал, когда хотел гулять. Неужели Руслан собаку не вывел? Пёс точно сейчас один дома. В других случаях он кидался на хозяев в прихожей, но не царапал дверь.

— Чем могу служить?

— Вы понимаете, нам очень неловко... Но сегодня с Русланом опять произошёл инцидент, — запинаясь, сообщила Ирина.

Остальные соседки усиленно кивали, доверив учёную беседу женщине с высшим образованием.

— Какой именно?

Олегу не впервые доводилось выслушивать жалобы. Сейчас, конечно, придётся опять журить Руслана — хотя бы для виду. Ребёнок, конечно, в одно ухо впустит, а в другое выпустит, но соседи успокоятся до новой выходки.

— Он кричал на лестнице, что пожар. Разумеется, всех перепугал. Некоторым пожилым людям плохо стало. Поймите, мы не склочники, но такие развлечения выбивают людей из колеи. Ведь никакого пожара не было — мы всё проверили.

Ирина кусала губы, замечая, как противны Олегу её сбивчивые излияния.

— Мы звонили в дверь, хотели сами поговорить с вашим сыном. Но он не открывает, и даже не подходит. Поэтому мы решили дожждаться вас...

Боксёр снова принялся скулить за дверью — тоскливо, безнадежно. Таня замерла, как каменная, не в силах произнести ни слова. Теперь она была точно уверена, что сына в квартире нет.

— Кричал, что пожар? А на самом деле всё было в порядке? Точно он? Когда это было?

Олег заметил, что огромные голубые глаза жены наполняются слезами.

— Часа полтора назад, — припомнила Ирина. — Сейчас-то люди разошлись по квартирам, а тогда все выбежали. Точно он кричал — я голос знаю.

— Руслан так глупо не шутит. — Величко достал ключи на серебряном брелоке. — Значит, была причина. Если только вы не ошиблись. Всё-таки я не стал бы утверждать категорически. На лестнице кричит мальчишка, вы его не видите.

Всё происходит неожиданно... Вот так, слёту, узнать голос Руслана могли только мы с женой. Ну, может, Борис...

Олег покосился на друга. Взгляд Добина выражал нечеловеческий, запредельный ужас. В зрачках Бориса снова вспыхнул, только теперь беззвучно, тот взрыв, убивший его девочку. Кажется, Борис догадался первым, но не имел сил сказать об этом Олегу.

— Давайте, зайдём сейчас в квартиру и всё выясним, — предложил хозяин. Глен, не переставая, выл.

Соседи с готовностью согласились. Они были рады попасть в гости к Величко даже в результате настоящего пожара. Татьяна дрожащими руками уже открывала замки — она взяла ключи у мужа. Когда ворвалась в тёмную прихожую, на неё бросился Глен, визжа и лая. Дыхание собаки было ещё более шумным, чем обычно.

Олег включил свет, и соседи увидели элегантную прихожую — моющиеся обои под кирпичи, закрытую вешалку с зеркалами, матовую сферу с позолоченными листочками под потолком.

— Сыночка! Русик! — позвала Таня, сбрасывая пальто и шляпу. Никто не отозвался.

— Наверное, под кроватью сидит, — хихикнула пьянчужка с перманентом. — Боится, что попадёт.

— Он вообще ничего не боится. А уж тем более — нас с вами. — Олег открыл дверь в большую комнату и крикнул: — Руслан, ты дома?

Глен скакал вокруг них, а потом залился лаем. Олегу почудилось, что из глаз собаки текут слёзы.

— Русик!!! — Таня закричала уже во всё горло.

Она бросилась по всей квартире, зажигая свет. И плакала с каждым мгновением всё горше, жалобней.

— Русик, сынок, где ты?! Где ты, мой маленький?!

Перед её мутным взором всё кружилось. Диван и кресла «Рокки», румынская спальня с широченной кроватью, тумбочками и столиками, комната сына. Его подростковая кроватка, прикреплённая около двери, откидывающаяся перекладина для ежедневных тренировок. Таня с безумной надеждой искала записку — может быть, пошёл к кому-то в гости или задержался в секции. А про пожар кричал вовсе не он — мало ли мальчишек во дворе...

— Вы всё готовы на него свалить! За что ребёнка так ненавидите?...

Всегда нежная и кроткая Таня вдруг озверела. Страшными, сумасшедшими глазами она смотрела на соседей. В груди у неё жгло, колени подгибались. Потом ноги вообще отказали, и Таня

едва не рухнула на пол. Борис подхватил её, прижал к себе, но сам тоже не мог ничего сказать.

— Понимаю — завидуете. Готовы нам любую мерзость приписать! Видите, что его нет дома?... Где он?! Где мой сын?...

Таня освободилась из рук Бориса и подошла к Ирине, облизывая с губ морковную помаду. Соседка в ужасе попятилась.

— Все следите за нами? Языки так чешете, что нам с Олегом целыми днями икается. Кости все дочиста перемыли... Может, вы просто придумали про этот пожар, чтобы в квартиру попасть? Глядите! А потом — вон отсюда!

Таня распахнула двери в ванную комнату, продемонстрировав её великолепное убранство. Плитка нескольких видов, зеркальный потолок, очаровательный светильник, розовая ванна произвели на соседей неизгладимое впечатление. В туалете на стенах играла мелкая цветная мозаика, а свет лился из огромного ландыша. Под кухонным потолком качался светильник-колокол на подвижном шнуре. На каждой из кафельных плиток были изображены какие-то фрукты или овощи. Гарнитур оказался красный, с серебристой мойкой. Рядом с газовой плитой стояла японская хлебопечка. И нигде никакой записки...

Татьяна раскрыла дверцы сушилки, зачем-то заглянула во все шкафчики. Потом, тяжело дыша, повернулась к Олегу.

— Нет Русика. Нигде нет. Куда он пропал, Олежа? Нет его...

— Я вижу. — Величко метнул взгляд на Добина.

Тот, в свою очередь, посмотрел мёртвыми глазами на соседок. Было похоже, что посреди кухни стоит скелет с бородкой, одетый в чёрное. Хорошо, что кончился трёхнедельный траур, когда Борис вообще не брился и не стриг волосы.

— Вы говорите, что Руслан кричал про пожар полтора часа назад?...

Борис снял шляпу, рывком расстегнул пальто. Потом, покачнувшись, прикрыл глаза. Опять — лестница дома на Пресне, странные люди на ступенях. Потом — удар по голове, облака известковой пыли. Бесцветные языки пламени, и яркое солнце. А после — белый гробик, усыпанный цветами — тоже белыми. Кто-то сказал, что невинных девочек надо хоронить именно так. Но мёртвого лица дочери Борис не видел, иначе умер бы сам. Да, ещё на Юльке был белый саван. И на матери, и на жене...

— Вы сразу же выбежали на улицу?

— Что мне, делать нечего? — вспылила Ирина. Борис раздражал её всё больше. — У меня

стирка большая была. Я как раз белье в центрифуге выжимала. Открыла дверь минуты через две...

— Вы на каком этаже живёте? — продолжал Борис.

— На первом.

— Через две минуты Руслана там уже не было?

Борис не решался взглянуть Олегу в глаза. Неужели у друга случилось то же, что и у него? Олегу придётся хоронить ребёнка?... Пусть не своего... Но отчим любит мальчика. А Татьяна вообще жить не будет — точно. Сама скончается или руки наложит...

У неё синие губы — это заметно даже близорукому Борису. И выглядят они под помадой просто ужасно. Лицо у Тани перекошено, щека дрожит.

— Нет, его не было уже, — ответила Ирина. — Убежал, конечно. Там топот какой-то на лестнице был.

— И туда он мог так быстро убежать?

Олег прижимал к себе жену, гладил по волосам, по спине. Таню корёжили судороги, словно она опять мучилась в родах. Олег прекрасно помнил, как это было тогда.

— И его забрали... И сына... — бормотала Татьяна в забытьи. Она вся горела. — Одна радость была, одно утешение... В глазки смотреть, волосы

гладить... И на папу моего Русик похож — не лицом, а характером. Суровый и одновременно добрый!

Таня крепко прижималась к Олегу. Он целовал лоб, щеки, губы жены. Только сейчас пришло понимание, что кровное родство действительно ничего не значит в этой жизни. Оказывается, он очень любил пропавшего пасынка, и сердце ныло от страха, от тревоги. Словно его, Олега, кровь текла в жилах ребёнка, которого, возможно, сейчас уже не было в живых.

— Топот был на лестнице? — переспросил Борис. — А куда они бежали? Вверх или вниз?

— Я ещё и это должна определять? — Лицо Ирины покрылось красными пятнами. — Ну, хорошо... По-моему, бежали вниз. Потом входная дверь хлопнула, и машина уехала со двора.

— Машина? — вздрогнул Олег. — Вы не видели, какая именно машина?

— Может, я и номер должна была запомнить? Со зрением минус восемь, в темноте? — насмешливо спросила Ирина.

Все остальные соседи только кивали и толкали друг друга локтями.

— Только слышала, что работал мотор. Разве ваш сын мог уехать на машине?

— А почему не мог?!

Таня рванулась из рук мужа, зацепилась ногой за табуретку. Борис едва успел убрать с дороги сумку с продуктами.

— Сейчас столько детей похищают! Разве вы не знаете? Маньяков развелось невероятно много. А вы-то и рады — вон, глаза смеются...

— Да, да! — Пухлая бабушка наконец-то подала голос. — Всякие люди есть. А он такой хорошенький, чистенький. Одежда вся заграничная. Самостоятельный только очень. Много один ходит. Надо было провожать его из секции-то. Какой бы ни был, а дитя всё же. Доверчивый, глупенький... Вот горе-то!

— Не каркай! — заорала Татьяна так, что колокол под потолком кухни качнулся.

Олег сам себе не мог признаться в том, что увидел — изо рта жены пошла пена. Нет больше рядом голубоглазой милой Таньки, которая могла погасить любой скандал одним только звуком своего мелодичного голоса.

— Это вы всё! Вы навели... Шептались за нашими спинами, желали несчастья. Без наводки они не пойдут... Вы подсказали, со свету сжить хотели. Какое вам дело, что у нас в квартире стоит?...

И Татьяна размахнувшись, неловко ударила бабулю по круглой щеке. Далее она хотела то же проделать и с Ириной, но помешали Борис с

Олегом. Соседки остолбенели с открытыми ртами. Такого уж точно никто не ожидал.

— Уходите! — бросил им Олег.

Он представлял, какая пресс-конференция состоится завтра во дворе.

— Я всё понял. А вы немедленно покиньте квартиру. Руслана тут нет.

— Таня... Танечка! — Борис с трудом удерживал сползающую по стенке женщину.

Танины глаза закатились, открыв дрожащие белки. Пена на губах из белой стала розовой — Татьяна прикусила язык. Тонкая рука с золотыми часиками непроизвольно поползла к сердцу. Борис быстро расстегнул на шее и груди пуговицы чёрного ангорского жакета с красно-жёлтым геометрическим рисунком.

— Боб, давай её на кровать, и вызывай «скорую»! — скомандовал Олег. Потом он посмотрел на неподвижных соседок. — Вы русский язык понимаете или нет? Я что сказал? Может, вам ещё на пяти языках продублировать?

— Олег Палыч, да Господь с вами! — Кривоногая старуха с сальными волосами уже жалела, что переступила этот порог. — Мы всё понимаем. Только сказать хотели, что с сыночком вашим неладно. Вы бы так и ждали его домой, а сейчас в милицию обратитесь. Пропал, мол, мальчик...

— Я знаю, чего вы хотели. — Величко скрипнул зубами.

Глен, чувствуя настроение хозяина, буквально кидался на женщин с заполошным лаем. В спальне Борис что-то кричал по телефону.

— Ещё раз повторяю — оставьте нас!

— Понимаю состояние Татьяны Васильевны, — поджала губы Ирина. Очки её от возмущения запотели. — Только потому и прощаю её выходки. — Но, учтите, с этого дня мы не знакомы. Думаю, многие соседи меня поддержат.

— Да, пожалуйста! — махнул рукой Олег. — Благодетели вы наши...

Он почти силком выпихнул женщин на лестничную площадку и вытер мокрый лоб ладонью. А потом вдруг вспомнил, что надо прогулять Глена. Скорее всего, надо отправить с собакой Боба, потому что его место — около Тани. Но кому мог потребоваться Руслан? Неужели действительно маньяку? Но с маньяком ведь надо куда-то пойти — в подъезд, в подвал, на чердак. Сын кричал про пожар в своём подъезде. Наверное, рядом с дверью этой очкастой дуры. Ну, может, чуть выше, раз она слышала топот. А ведь один маленький мальчишка так громко топтать не может.

Руслан никогда с чужим дядькой никуда не пойдёт — по крайней мере, добровольно. А глаза-то у соседок, действительно, радостные были. Танька

права. Как им было приятно наблюдать за горем тех, кому они девятый год завидуют! Слова доброго про парня никогда не говорили. А теперь думают, что он мёртвый. Поэтому — либо хорошо, либо ничего...

— Олег, Тане чуть полегче, — сообщил Добин, выходя из спальни. — Но она язык прикусила. Шепелявит немного из-за этого. «Скорая» сейчас приедет. Но я думаю, что это — не маньяк.

— Почему?

Олег плакал. Мокрые усы его топорщились, лицо обмякло и постарело.

— Ты сам знаешь, что Руслан никакому маньяку не доверится. Обычно, они заманивают детей к себе под каким-нибудь наивным предлогом. Лифта здесь нет, подвал закрыт. Да и чердак — одно название...

Глен крутился у них под ногами. Олег понимал, как мучается собака.

— Сейчас, сейчас пойдём... Боб, прогуляешь его?

— Естественно. — Добин так и не снимал пальто. Шляпу он держал в руке, чуть на отлёте. — Нет, не пойдёт Руслан за конфеткой. Или смотреть, как в парке прыгает белочка...

— Не смей меня!

Величко дрогнул усами. Они с Борисом закурили, что хоть немного успокоиться. На кухне открыли форточку.

— Так вот! — Добин теребил свою многострадальную бороду. — Скорее всего, Руслана украли. Спёрли, попросту. Из секции он вернулся, на лестнице был, но до квартиры не дошёл...

Борис вдруг широко раскрыл глаза. Они стали ещё более выпуклыми, тревожными.

— Помнишь, Андрей Озирский нам рассказывал?... Ну, когда мы на Новом Арбате, у твоей матери, сидели?... Такой приём есть. Если появляется опасность нападения на лестнице, надо кричать не «Спасите!», а «Пожар!». Тогда все сразу выбегут. И ещё, если это на улице случилось, надо бросать на стекло машины — чтобы сигнализация сработала...

С сигареты Добина на пол сыпались огненные крошки.

— Боб, эврика! — Олег обеими руками схватил друга за плечи, потряс. — Точно! Я же Руське рассказывал. Так, между прочим. А он принял к сведению. Выходит...

— Выходит, он увидел того, кто собрался похитить. Или тех...

Борис говорил скандировано, задыхаясь. Он то и дело совал в рот сигарету, тянул из неё горький дым.

— Вот и закричал «Пожар!». Думал, что хоть с первого этажа выскочат. Это не маньяк, — окончательно решил Борис. — Тот так быстро не смылся бы. Или раньше, от крика удрал. Они ведь очень трусливы...

— Да, похоже на профессионалов. Но зачем им Руслан?

Олег всё гладил боксёра. Глен готов был задрать ногу прямо на кухонную дверь. Но он не скулил и не лаял. Только шумно дышал, словно раздувая мехи.

— Это уже лучше. — Добин пристегнул поводок к ошейнику пса. — Сейчас пойдём, потерпи ещё минутку... Они его не убьют. Будут, наверное, требовать деньги. Обязательно позвонят...

— Какие деньги? Неужели уже на доцентов начали наезжать? — Величко недоверчиво хмурил лоб. — Такую сумму могут заломить, что всю жизнь отдавать придётся. Конечно, можно с трудом наскрести...

— Я понимаю. Думают — ВУЗ престижный, и вы там деньги лопатой гребёте. — Добин надел шляпу. — Не бойся, выскочим! Ты сейчас или к

Тане, а я пока с собакой... И «скорую» заодно встречу.

— Боб, спасибо! — Олег яростно щипал усы. — Я всегда знал, что могу на тебя положиться. Ты сейчас меня не оставишь. — Величко умоляюще поднял брови домиком.

— Ты же меня не оставил полтора месяца назад! А то в тюрьме бы сидел, или уже числился на том свете, — твёрдо сказал Борис. — Ты сиди тут и жди звонка. От тех, кто сына украл. А я приведу собаку и поеду в Сокольники.

— Зачем? К тёте?

Олег снял пальто, повесил его на плечики и задвинул дверцу шкафа. Он остался в двубортном итальянском костюме и сорочке в тонкую полоску.

— Да. Понимаешь, какое дело? Андрей же заплатил Кораблёву из своих. А у меня баксы остались от «Гюрзы». Мне же аванс давали. Я их у тёти храню, но боюсь прикоснуться. Они как будто тоже ядовитые...

— Сколько?

— Тебе не всё равно? Я принесу их сюда. Может, часть выкупа покроют. Было больше, но ведь пришлось троих похоронить. Никаких денег правительство Москвы нам не дало. Стёкла я за свой счёт вставлял — зима ведь скоро. Квартиру, правда, обещали отделать, но потом. Ладно, сейчас с Гленом схожу, встречу «Скорую» и поеду.

Когда Борис спускался по лестнице, во дворе послышался шум мотора. Он выглянул в окно и увидел «рафик», заворачивающий во двор с Ленинградки. Обезумевший от радости пёс тащил Добина за собой на поводке. Олег смотрел вниз, в лестничный пролёт.

— Ты пока никуда не сообщай — крикнул ему Борис. — Жди *того* звонка. Может, договоритесь!

Сменив уличные ботинки на домашние туфли. Олег прошёл к жене. Татьяна лежала по диагонали широкой кровати и спала, со свистом дыша. На её искусанных губах запеклась кровь. Рядом, на тумбочке, стоял кнопочный телефон, по которому обязательно должны были позвонить похитители. Теперь Величко признал доводы друга наиболее верными.

* * *

— Не просыпается. Ты, наверное, до перебахал дозу.

Геворкян осветил фонариком лицо мальчика. Потом оттянул вниз веко, помассировал пальцами щёки, лоб, подбородок. Сосредоточил внимание на ресницах — они не дрожали. Дыхание оставалось ровным и глубоким, и только это утешало Самвела. Саня Кутьин покорно дожидался «разбора полётов».

Самвел склонился к ребёнку, не отводя от его лица луч фонаря:

— Руслан!

Спящий не шевельнулся. Кутьин грыз костяшки пальцев, понимая, что оправдания ему нет. Но проколоться в подъезде на Ленинградке было тоже очень глупо.

— Самвел, там такая ситуация сложилась. Я ведь говорил... Надо дверцу приоткрыть. Может, подышит?

— Не мешало бы.

Геворкян щёлкнул замком и пихнул дверцу «Мицубиси». Вместе с влажным пронизывающим ветром в салон влетела снежная крупка. Пахнуло землёй, водой и смолой. Рядом трепыхалась ива, то вздымая плети ветвей кверху, то роняя их к кромке раскрошенного льда.

Самвел взял расслабленную ручку ребёнка, нащупал пульс, включил таймер на своих часах. Шестьдесят пять ударов. Неплохо.

— Подождём. Потолочный люк открывать не станем, а дверца пусть побудет так.

Самвел ощупал локти и колени мальчика. Потом опять оттянул веко.

— Он, считай, под наркозом.

— Сейчас проверим. — Кутьин достал длинную иголку и несколько раз кольнул

спящего. — Да, здорово я его. Реакции нет, а ведь должна... Может, к шефу его так повезём?

— Время ещё терпит. Сейчас дам на пейджер сообщение, что дело с мёртвой точки сдвинулось...

Геворкяну очень хотелось, чтобы так оно и было. Не успел Самвел снять трубку, как его текстовый пейджер «Моторолла» завибрировал под курткой. Геворкян отцепил его и увидел на табло только знак вопроса. Первый раз Темир не дождался сигнала, и первый поинтересовался результатом. Самвел подал желанный сигнал. Он представил, как обрадуется шеф. Номер пятый. Пятёрка! Невероятно тяжкая работа выполнена на «отлично». Случилось то, что должно — им улыбнулась удача.

Денис и Саня курили, переговариваясь тихим шёпотом. Отправив шефу радостную весть. К ним присоединился и Самвел. Вдруг языком пламени его зажигалки повело в сторону. От зимнего злого ветра стало зябко. Геворкян, закурив, обернулся, чтобы прикрыть дверцу. Он взглянул на заднее сидение и оторопел — мальчика там не было.

Самвел протяжно свистнул, едва не подавившись сигаретой. Саня сначала раскрыл рот, а потом привстал на цыпочки. Он моментально всё понял. В руке Дениса блеснул отчаянным лучом фонарик. Свет проехался полукругом. Все трое в диком ужасе осматривали рытвины, коряги,

спутанную, вмёрзшую в комья земли траву, серый ледок и воду. Но мальчишки и след простыл.

Геворкян враз постарел лет на десять. Он точно знал, что ребёнок спал. Был буквально под наркозом. У него отсутствовали рефлексy, которые невозможно скрыть. Тем более, не может этого сделать ребёнок. Изобразить столь глубокое забытье мог лишь настоящий, долго тренировавшийся профессионал.

— Сколько я на него не смотрел? — хрипло спросил Геворкян, врубая свой фонарик.

Зубы его стучали, рука ослабела. Нет, не гнева Темира боялся начальник службы безопасности. Самвел оказался посрамлён лично. Он, выдающийся теоретик, практик и шахматист, тонкий психолог и аналитик, проиграл ребёнку, только недавно сосавшему соску. Может быть, парня выкрали? Нет, кроме них, тут никого не было. Подойти к машине и не зашуршать ветками, не пнуть камень, не провалиться в яму вряд ли кто сможет. Тем более что они стояли совсем рядом.

Сама Александра Сергеевна Антропова вряд ли выполнила бы такой трюк. Ползти было опасно — даже если знать, что дверь открыта. Тот, предполагаемый похититель, мог подобраться к джипу и начать осторожно вытаскивать мальчика. Но иметь дело с детьми, спящими или бодрствующими, всегда было очень трудно.

Ребёнок мог застонать, захныкать, просто дёрнуться, и Самвел обернулся бы. Кстати, взрослый, будь он в таком состоянии, тоже вряд ли удержал бы себя в руках.

— Сколько не смотрел? Да минуты три, не больше.

Кутьин всё время глотал комок. Пот градом катился по его широкой плоской физиономии.

— А чтобы никто из нас туда не смотрел, так вообще меньше минуты...

— Далеко уйти он не мог. — Самвел вытащил «кольт» из наплечной кобуры. Кутьин поступил так же. — Денис, проверяй пространство до шоссе. Мы разойдёмся ещё в две стороны. С четвёртой — вода. Туда ему ходу нет.

Зубы Геворкяна сверкали в непроизвольном оскале. Ноздри ловили запах загородного ветра, далёкого ночного дымка, несгоревшего бензина с шоссе, оттаявшей ивовой коры.

— Не обидно там проиграть мальчишке? Будя я на месте шефа, дал бы нам всем пинка под зад. Мы не выпускали ещё никого. Нет такого человека, который ушёл бы от нас. Неужели восьмилетний ребёнок будет первым? Тогда, ребята, мы — дерьмо. И пулю в лоб нам — как раз. Ищите!

Матерясь, спотыкаясь, царапая руки и лица, они прочёсывали каждый сантиметр в заброшенном, заваленном мусором углу. Это место

было укрыто от обзора с шоссе. Перетягин вылезал наверх, проверял, не пытается ли клоп остановить машину. Раньше он этого сделать не мог — ни грузовик, ни легковушка над берегом не тормозили. Денис бы точно это услышал. И потом, неужели у ребёнка голова работает по-взрослому? Наверное, он спрятался неподалёку. Например, под джипом. Надо поискать там.

Перетягин прыгнул вниз, подвернул ногу, охнул. Потом сам же дёрнул её, вправляя. От волнения он почти не ощущал боли. Блин, не таких брали! Конечно, и этого найдут. Но позор навечно останется с каждым. Ни один из взрослых мужиков не ставил эту группу в такое дурацкое положение, как этот чёрненький крохотуля. Конечно, будь он постарше, глаз бы не спустили...

— Нет? — Денис переводил дыхание, разглядывая Саню.

У того видок был не лучше — глаза бегали, и веки дрожали.

— Нет. Но уйти он никак не мог. Здесь, около машины, нужно поискать. — Кутын вытащил пачку «Данхилла» — ту, что купил у «Войковской».

Геворкян подошёл последним.

— Когда найдём, я шею ему сверну. А шеф потом пусть делает, что угодно. Скажем, что не было иного выхода...

Геворкян смотрел по сторонам, затаиваясь сигаретой. Он смотрел на снежинки, на светящееся сквозь облака небо. Лицо его блестело, как лакированное. Промокла, казалось, даже клетчатая итальянская куртка.

— Нам Бог его послал, а мы упустили... Нет, подумайте! Имитация беспамятства на уровне служб ГРУ или КГБ! Ведь он же спал, спал! Дрожащие веки не скрыть, и пульс не замедлить. А как мышцы были расслаблены! Это же сказка! А мы...

— Он нас всех видел, мог номер запомнить. — Денис зажѐг новую от окурка предыдущей. — Сбежит теперь, и всё. Пришьют нам захват заложника...

— Мы ещё никому не звонили с требованием выкупа. А как он оказался у нас? Мало ли, покататься сел. Его показания ничего не значат. Ребѐнок может просто сочинять. Плохо другое... — Самвел смотрел, как воздухе над водохранилищем танцует снежок. — Конец-то нашли того, кого искали. И упустили! Наверное, в Москве такой парень один. Пропал, как фантом. Мы же с вами профи. Догоняли, брали, ликвидировали. Погодите, помолчим...

Все трое замерли, как спасатели на развалинах домов во время часа тишины. Но, кроме шума шоссе, не уловили ни одного звука. Даже вода не

журчала, и не шуршала трава. Стояла особая, предзимняя тишина, когда природа надолго умирает.

Самвел снова полез за «Данхиллом» и зажигалкой. Руки одеревенели, пальцы не повиновались — не столько от холода, сколько от волнения. Фирменная карденовская зажигалка выскользнула из руки и пропала в траве, в мусоре. Геворкян опять зажжёт фонарик, нагнулся и оцепенел, не в силах произнести ни слова. Он только дышал открытым ртом, увидев только зажигалку, но и мальчика.

Тяжёлый шнурованный ботинок Сани Кутьина стоял на левой руке мальчика. А в мужчине было не менее ста двадцати килограммов живого веса. Ребёнок, видимо, не успел убрать руку. И сейчас терпел адскую боль, дожидаясь, пока бандиты плюнут и уедут. Ребёнок распластался среди листвы, как дикий зверёныш. Он слился с колдобинами, сучьями, мотками ржавой проволоки. За такой вот сук и принял Кутьин детскую ручонку, поэтому и стоял на ней спокойно. Потом он всё же бросил непотушенный окурок. Искра, подхваченная ветром, прочертила параболу и пропала в волосах ребёнка. Тот опять не шелохнулся. А ведь мог бы вскрикнуть, хотя бы вздрогнуть.

Самвел поднял спасительницу-зажигалку, сунул её в карман. Потом пихнул кулаком Кутына в бок.

— Смотри, где стоишь!

— Чего? Где? — Саня испуганно посмотрел вниз и охнул: — Ах ты, чертёнок поганый! Это ж надо — улёгся так здорово... Самвел, ты гляди! Задний ход не дашь — кругом вода. Он тут и устроился. Грамотный в таких делах, щусёнок...

— А ты своим копытом и не чувствуешь ничего! — Денис подхватил Руслана на руки.

Тот молчал, размышляя о превратностях судьбы-злодейки, но плакать не собирался.

Самвел понял, что пришло время раскрыть карты.

— Зачем же ты бежал, малыш? Мы ведь тебе добра желаем...

— Ваша взяла. — Мальчик попробовал вывернуться из рук Перетягина. — Кокнете теперь? Или бить будете?

— Не для того мы тебя сюда везли. Отпусти его, не держи за руку, — распорядился Геворкян. — Руслан, ты давно не спал? Только честно.

— Давно. — Мальчик ничего не собирался скрывать.

— Как давно? — Самвел сгорал от интереса.

— Ещё ехали. — Руслан не выглядел испуганным. — А чего вы меня спёрли-то?

— Чего спёрли? — Самвел достал пистолет и навернул на дуло глушитель. Руслан наблюдал за ним внимательно, но без дрожи. — Скажу.

— Боишься? — спросил Саня, кивая на пистолет.

— Чего-о?

С голосе мальчишки было столько презрения, отвращения даже, что Самвелу захотелось как следует его напугать.

— Ты ведь опять попытаешься удрать, а? Хочешь смыться?

— Хочу. На фиг вы мне сдались. Бегали тут, как придурки! — Руслан рассмеялся. — Здорово я вас? Плохо, что зажигалка упала. А то нипочём бы не нашли!

— Больно было, когда я на твоей руке стоял?

Кутьин не понимал, зачем Самвел вынул оружие, да ещё навинтил глушитель. Почему-то шеф перезарядил «кольт», хотя обойма была уже вставлена. И не стреляли они сегодня. Неужели холостым хочет лупануть?

— А мне смешно было, — честно признался Руслан. — Прыгают вокруг, а у меня в носу щекотно. Чихнуть хотелось...

«Высочайший болевой порог! — восхищённо подумал Геворкян. — Что нам и нужно. Может, не надо стрелять? Нет, пистолет уже на виду. Как говаривал имам Шамиль: «Без нужды не вынимай,

без крови — не вкладывай...» Правда, речь там шла о кинжале. И кровь мне сейчас не нужна...»

— Мы взяли тебя по ошибке, — с сожалением вздохнул Самвел. — Приняли за другого, понятно? Ты похож на сына известного торговца фруктами. А теперь оказалось, что твой отец — научный работник, преподаватель. С него много не возьмёшь...

Все разговоры во время поисков они вели шёпотом. Мальчик вряд ли что-то разобрал. И уж точно не до конца понял смысл слов.

— Но ты стал опасным свидетелем. Отпустить тебя мы не можем — выдашь. Отцу столь денег не собрать, и он обратиться в ментовку. Нам это не улыбается. А вот если тебя сейчас пристрелить, проблем не будет. Камень к ногам — и в воду. Никто ничего не заметит. Мертвяков по весне уйма всплывает. Так что придётся мочкануть ¹⁹ тебя, малыш. Ты очень глазастый и активный. Такие нам ни к чему.

Геворкян наблюдал за реакцией мальчика. Тот выглядел озадаченным, но не испуганным.

— Если только ты сейчас дашь слово, что ничего никому не скажешь, ты тебя отпустим. Но учти... Станешь много болтать — достанем. И мать

¹⁹ «МОЧКАНУТЬ» — убить (жарг.)

твою тоже, и отца. Понял? Мы сразу же узнаем, если ты нарушишь слово. Будешь молчать — будешь жить. Идёт?

— Я не дам... Такого слова не дам. — Русик неотрывно смотрел на пистолет.

— Мы не шутим, малыш. У нас не детский сад. Профессиональным ликвидаторам лишний труп — семечки. Мы тебя упустили потому, что дали поблажку. Ты ведь маленький. Не связали руки, отвлеклись, и всё такое прочее. Но убийства — наша работа. Если нужно, мы кончаем и детей. Когда они могут нас выдать. Ты можешь...

— Тогда убивайте скорее.

Руслан смотрел исподлобья. Личико его в тени казалось совсем тёмным.

Денис Перетягин вздрогнул:

— А куда ты торопишься? Жить не хочется? Или в Бога веришь?

— Я знаю, что душа много раз живёт. Может, рожусь снова не здесь...

Русик размечтался. Он воспринимал всё происходящее как игру.

— Я про тибетских лам читал. Они умирают, а потом их души в маленьких мальчишках находят. А сами перед смертью говорят, где именно надо душу-то искать! Ничего себе, правда?

— А где бы ты хотел родиться? — опешил Кутьин.

— В горах. В Афганистане, например...

— Да ты что! — Геворкян забыл, зачем взял в руку пистолет. — Дикая, отсталая страна — вшивая, грязная. Если бы ты в Штатах родиться хотел или в Германии, в Швеции... — Самвел улыбнулся глазами, но Русик не смотрел ему в лицо.

— Я люблю горы. И хочу воевать. Мне скучно. — Руслан чуть не плакал. — Мне всё время скучно, представляете? Надоело. Бабки во дворе ругаются. В школе замечания пишут. Я ушёл бы из дома, да мать жалко...

— Уйдёшь. Я помогу. — Самвел решил довести тестирование до конца. — Сейчас Саня тебя наручником вон к той берёзе пристегнёт, чтобы опять не удрал. И я тебя расстреляю. Не думай, что шучу. Поверх головы бить не буду. Хочешь, глаза завяжем?

— Нет, я буду смотреть!

Русик закусил губу. Всё-таки ему не хотелось умирать, и Самвел это видел. Но надо было держать марку.

У Кутьина язык присох к гортани. Он понимал, чего хочет Самвел. И в то же время боялся, что ребёнок рехнётся или умрёт со страху. Геворкян наступил Сане на ногу, давая понять, что всё это понарошку. Но нужно держать напряжение до конца, иначе проверка не будет закончена.

Кутьин прицепил наручник к запястью мальчишка, отвёл его в берёзке и так оставил, ещё раз щёлкнув замком. Водохранилище было в нескольких шагах. И с образовавшимся трупом действительно не пришлось бы долго возиться. Денису и Сане хотелось зажмуриться или отвернуться. Но они должны были наблюдать за экспериментом. Самвел поднял пистолет и начал целиться, словно выбирая, куда удобнее стрелять. Мальчик смотрел на него широко открытыми глазами и что-то шептал. Неужели молитву? Или какие-нибудь детские заклинания?

Но уж чего он точно не собирался, как это падать в обморок и просить пощады. Вероятно, он просто играл в войну. Нет, слишком серьёзно он смотрел в зрачок дула. Похоже, он о чём-то вспоминал в свою последнюю минуту. И вдруг надменно, вызывающе улыбнулся, демонстрируя презрение к смерти.

Самвел нажал на спусковой крючок. Лица Сани и Дениса были синими, как у вурдалаков. Глушитель сработал идеально. Холостой выстрел, который, как правило, звучит громче боевого, слился с рёвом очередного самосвала, идущего к Москве. Русик дёрнулся, потому что нужно было падать, но наручник удержал его. Потом он уставился огромными глазами на Самвела, не понимая, жив он или уже умер.

Геворкян бросился к нему, отцепил наручник, прижал к сердцу. Он опять вспомнил чью-то точно такую же усмешку, на похожем лице — и снова не смог собраться с мыслями.

— «Расстреливать два раза уставы не велят!» — процитировал он Высоцкого.

Быстро отвернув глушитель, сунул пистолет в карман, не выпуская из рук мальчика. Вокруг стало так тихо, будто уши заложило ватой. Даже ветер уже не свистел.

— На кого же ты так похож, малыш? — произвольно спросил Самвел, чувствуя к чужому мальчишке горячую, всепоглощающую нежность.

... Он сидел в ресторане «Сирена». Звучала тихая музыка. В стеклянном зелёном котле плавали рыбы. В блёстках, над свёрнутыми в бутоны бледно-жёлтыми салфетками, вился сигаретный дымок.

Самвел заказал салат «Карибы». Ещё — ананасы, шампиньоны, куриное мясо с майонезом. Всё это облагородил тонкий привкус белого вина. Огромная рыбина смотрела на Геворкяна сквозь стекло аквариума и, кажется, хотела поговорить. Самвел задумчиво смотрел в рыбы глаза. Всё, как обычно. Словно и не дымится дом на Краснопресненской набережной, не лежат в моргах трупы, не мучаются на больничных койках раненые...

Принесли креветочный кокот с горячей сметанной пеной и корочкой запекшегося сыра. Днём раньше из Салоников звонила Фелицата. Кричала, как ненормальная: «Что у вас там творится?! Передают, будто Москва захвачена погромщиками! Самвел, не нужно сейчас быть любопытным. Уйди в тень! Поживи пока спокойно — ради меня и детей. Тогда тебя не заберут. Ты можешь пострадать просто за компанию! Обещай мне, что переждёшь это время. Могут начаться репрессии...»

Репрессии начались, и пострадал Темир Махмиев. Главным образом за то, что в паспорте имел ту же национальность, что председатель расстрелянного парламента. Тот и сам был взят под стражу. А семеро должников учинили расправу с людьми Махмиева, посланными для переговоров. Они кого убили, кого сдали ментам. Распоясались, поняв, что пришло их время.

Потом подали бифштекс. К нему — вишни, картофель, цветную капусту, маринованный перец. Предложили сложный гарнир, решили продемонстрировать фламбирование. Полили содержимое тарелки коньяком и подожгли. Кругом шумели, вспоминая, как горел «Белый Дом». Кстати, вскоре вынесли торт — точную копию этого здания, и тоже подожгли. Над тортом высоко поднимались языки пламени. Всё это сильно

щекотало нервы, и сладко замирало сердце. Как сейчас...

... Как сейчас, когда Самвел держал на руках незнакомого доселе мальчика, в которого только что выстрелил. Правда, холостым патроном, но ведь Руслан об этом не знал. Он мог потерять сознание или начать заикаться. Да, другой ребёнок мог бы, но только не этот.

— Я знал, что ты не убьёшь, — вдруг сказал мальчик.

— Почему? — искренне удивился Геворкян.

— У тебя глаза добрые.

— У меня?...

Геворкян отлично помнил, что своими руками убил тринадцать человек. Руководил сорока ликвидациями. «У тебя глаза добрые...» Самвел убивал в Нагорном Карабахе. Выезжал на задания во многие города бывшего СССР. Получал за это наличными и чеками. Один раз ему заплатили бриллиантовым колье. Потом — акциями нефтяной компании, которые постоянно росли в цене. А у него глаза добрые...

— Слушай меня внимательно, Руслан...

Геворкян дождался, когда его напарники отправились в кусты — справлять малую нужду. Потом все забрались в тёплое нутро джипа. Самвел с мальчиком устроились на заднем сидении, Саня — рядом с Денисом.

— Сейчас мы с тобой немного покатаемся.

— Куда поедем?

Руслан уже ничему не удивлялся. Он думал о матери, которая уже вернулась домой. Она бежит по комнатам, плачет. Ищет его, звонит в милицию...

— Один уважаемый человек очень хочет увидеться тобой.

— Зачем? — настырно спросил Руслан.

Ему надоело находиться в неведении. Самвел тоже решил, что довольно его дурачить.

— Знаешь, что такое обряд инициации?

Начитанному и любознательному ребёнку такой вопрос можно было задать.

— Знаю. Это у дикарей. Когда им прокалывают носы, и вообще делают больно, чтобы волю проверить...

— В принципе, правильно. Считай, что сейчас ты этот обряд успешно прошёл. Или вообрази, что был убит. А потом снова родился, вырос и попал на войну. Мы с тобой и без гор обойдёмся.

* * *

Александра Антропова носила украшения так же блистательно, как и водила машину. Её квартира была очень удобна для тайных встреч. На Ярцевской улице она сегодня принимала Темира,

Самвела, двух спецназовцев и того самого мальчика, которого наконец-то отыскивали в десятиллионной Москве.

Все они сидели на шикарных диванах «Манхэттен». Около зашторенного окна красовался огромный папоротник. Стены украшали многочисленные чеканки работы покойного Валентина Ланина. Тем же увлекался и Гордей, сейчас отосланный к бабушке, на Изумрудную улицу.

Светлая, в струящихся лианах, обивка мебели помогла Самвелу расслабиться. Он пил только крепкий кофе, отказавшись от плотного ужина с алкоголем. Денис с Саней сидели на трёхместном диване, сложив, как школьники, руки на коленях.

Александра встречала этих гостей впервые. Ей редко доводилось надевать свои украшения. А ведь очень хотелось — как любой ещё молодой, красивой женщине. Они с Валентином всегда проводили отпуска в походах, там же справляли дни рождения. Даже Гордей родился на Урале в деревенской больничке.

Александра не пожелала изменять привычкам, наплевала на большой срок беременности и отправилась, как всегда в июле, на дикую природу. Надо сказать, что и рождение сына не заставило её вернуться в Москву раньше намеченного времени.

Сейчас хозяйка была в сиреновом платье с блёстками на лифе и тремя атласными розами у пояса. Она надела бриллиантовое кольцо, кольцо и браслет. Малознакомых мужчин Антропова не опасалась. Да не нашлось бы такого идиота, который посмел чем-то её обидеть.

К платью изумительно шли замшевые нарядные туфли — сине-серые, с металлической мушкой. Волосы двумя струями стекали с плеч почти до пояса. Магический запах французских духов дополнял образ роковой женщины, решившей немного поразвлечься.

Темир-Реваз, в костюме цвета баклажана, тоже при бриллиантовых запонках, пил испанское красное вино. Александра составила ему компанию. Ребята так устали, что согласились только хлебнуть пивка. Есть никому не хотелось, хотя радушная хозяйка подала форель в чесночном соусе, испанский омлет с картофелем и луком — она некоторое время жила в Мадриде.

Руслан Величко тоже пил вино, и Александра не возражала. Она не была поборницей абсолютной трезвости. И считала, что настоящий профессионал должен вырабатывать привычку пить и не напиваться. Причём, тренировки необходимо было начинать с детства.

— Поголовное пьянство в России процветает не потому, что повсеместно торгуют вином.

Захочешь — найдёшь, короче. Или самогона наваришь, к примеру. А в какой ещё стране пьют одеколон и настойку боярышника?...

Александра обняла Руслана за плечи. Он доверчиво прильнул к женщине, соскучившись по материнской ласке.

— Например, в той же Франции или на Кавказе без обильных возлияний ни один праздник не обходится. Да и каждый день, за обедом, они пьют вино. В Японии на улице стоит столько автоматов с алкоголем, что всё население может упиться до белой горячки. Но ведь они этого не делают, и под заборами не валяются. Дело, мне кажется, совсем в другом. Во-первых, от растворителя любой впадёт в кому. Но где ещё люди будут пить растворитель? Этого даже мини-свиньи, на которых ставят опыты по изучению явления алкоголизма, не хотят делать. Только водочку пьют, причём хорошую...

— Мы тут ехали по МКАД²⁰ какое-то время. По «дороге смерти», короче, — сказал Самвел. Он налил себе ещё кофе. — Мне подумалось, что и мы летим по жизни, как по Кольцевой. И не знаем, на каком надолбе надломимся. Теперь нам предстоит втянуть в опасную гонку ещё одного человечка.

²⁰ МКАД — Московская кольцевая автомобильная дорога

Очень славного, между прочем! — Самвел подмигнул Руслану.

Тот вдруг вскинулся:

— Ты по дороге обещал, что матери моей позвонишь! У неё сердце плохое. Вдруг умрёт?...

— Сейчас и позвоним. — Самвел взял «Самсунг». — А ты интересную историю рассказал — как в мексиканском сериале. Мне и в голову не приходило, что так в жизни бывает. Впрочем, я догадывался, что Олег тебе не родной отец. Но было не ясно, что ты сам обо всём этом знаешь. Вот где проблема! Бывает, что от детей скрывают...

— Анна Григорьевна ничего не скрывает! — отрезал Русик. — Чуть что, сразу по новой. И весь наш дом шепчется. Девятый год пошёл, как не надоест? Вырасту, всем им языки повыдеру...

— Ты повыдерешь, верю, — согласился Темир. — Анна Григорьевна — это кто? — Он налил себе ещё вина «Marques de Risal».

— Мать Олега. Но ей можно — её обидели. Сын всё-таки, смилостивился Русик. — А вот другим, кто нос суёт, точно фингалов насажаю...

— Интересные у нас с тобой отношения получаются, — задумчиво сказал Махмиев. — Мой тейп с твоим враждует, а мы одно дело вместе делать будем. Впрочем, в таких случаях вайнахам надо забывать о кровничестве и поддерживать друг

друга. Твой тейп, то есть род — равнинный. Мой — горский. Но оба знатные, большие.

Темир внимательно рассматривал мальчика. И Самвелу почудилось, что думает он не только об уничтожении врагов. Отец уже занимался поисками жениха для своей третьей дочери — очаровательной Фатимы.

— Абреки очень смелые у вас были. Если ты их черты перенял, далеко пойдёшь.

Александра потрепала мальчика по чёлке и подивилась жёсткости его волос. Они были будто бы из чёрной проволоки. Женщина вздохнула, выпила вина, втайне жалея ребёнка. Его ведь наверняка ждала гибель. Впрочем, смерть ждала каждого. Темир часто повторял: «От этого не уйти. Надо думать, *как* умереть. Это — самое важное. Раньше или позже — Аллах рассудит».

Да, бывает, такие малыши гибнут и просто под колёсами, к лифтам цепляются, лезут в горы песка и попадают под завалы. Действительно, всё дело в судьбе.

— Если говорить честно, я бы хотела иметь такого сына, — неожиданно призналась Саша. — Грех, конечно, это говорить, но сердцу не прикажешь.

— Ты разве недовольна Гордеем? — удивился Самвел. — Я правильно понял?